

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 4(64) 2020

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: новые и известные имена	4
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Берендеева А.Б., Сизова О.В. Анализ факторов смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах Российской Федерации методом моделирования	11
Трифонов Е.В. Система экономических законов демократизации собственности	25

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Соболева И.А., Сартаков И.В. Региональный концепт поиска цифровых преобразований	33
--	----

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Патрушева Е.Г. Почему падает стоимость российских машиностроительных компаний?.....	44
--	----

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Примышев И.Н. Факторы и современные модели экономического роста и развития	53
Кирилеева А.С., Чирах Е.В. Концептуальные основы формирования эффективного банковского надзора в современных условиях развития.....	62

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ясинский Д.Ю. Разработка системы паспортизации качества рабочей силы с учетом его волатильности	71
Таненкова Е.Н. Определение трансакций и трансакционных издержек в современной экономической теории	85

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Гордеев В.А. О книге «Карл Маркс: классика и современность (к 200–летию со дня рождения) / под ред. М.И. Воейкова. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 114 с».....	94
---	----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

К ПАМЯТИ МЭТРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ РЯЗАНОВА ВИКТОРА ТИМОФЕЕВИЧА.	104
--	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: НОВЫЕ И ИЗВЕСТНЫЕ ИМЕНА

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: В статье выполнен редакторский обзор материалов второго (шестьдесят второго) номера, которым мы продолжаем десятый, юбилейный, год выпуска нашего издания. Показано, что материалы номера выступают очередными шагами развития концепции теоретической экономики. В обзоре определено, какой вклад каждая из представленных в данном номере работ вносит в это развитие. Показано, что в разной степени такой вклад характеризует и известных читателям, и новых авторов. Особое внимание по-прежнему уделено теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации и цифровой экономики, обсуждавшимся на международной конференции в ЯГТУ, посвященной 75-летию юбилею университета, в ноябре 2019 года.

Ключевые слова: теоретическая экономика; цифровая экономика; новая индустриализация; творчество молодых исследователей.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: NEW STEPS OF DEVELOPMENT

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article provides an editorial review of the materials of the second (sixty-second) issue, with which we continue the tenth, anniversary, year of release of our publication. It is shown that the materials of the issue are the next steps in the development of the theoretical concept. The review determines what contribution each of the works presented in this issue makes to this development. It is shown that, to varying degrees, this contribution characterizes both well-known readers and new authors. Particular attention is still paid to the theoretical and economic aspects of the study of new industrialization and the digital economy, which were discussed at the international conference at YSTU, dedicated to the 75th anniversary of the university, in November 2019.

Keywords: theoretical economy; polymethodological approach; priority to the development of classical political economy in the study of the essential content of the categories under consideration; new paradigm mainstream in economic research.

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, четвертый (шестьдесят четвертый), номер нашего сетевого издания, который продолжает десятый, юбилейный, год нашего общения с Вами. По нашему мнению, материалы этого номера, представленные и новыми, и уже известными авторами, вносят каждый свой вклад в дело развития выдвинутой нами концепции теоретической экономики как нового

парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики», где опубликовано в данном номере две работы.

Во–первых, в этой рубрике публикуется работа под названием «Анализ факторов смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах Российской Федерации методом моделирования». Её авторы – исследователи из города Иваново (Российская Федерация): Берендеева Алла Борисовна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и региональной экономики ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», и Сизова Ольга Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико–технологический университет». Алла Борисовна уже известна Вам, уважаемый читатель [см., например: 7–11], а Ольга Владимировна публикуется у нас впервые. Рассмотрена в их статье динамика коэффициента смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах России. Выделены причины и факторы смертности населения. На примере 10–ти регионов Европейской части России проанализировано воздействие 9–тисоциально–экономических факторов на показатель смертности трудоспособного населения. С помощью метода статистического моделирования выделены группы факторов по степени влияния на смертность трудоспособного населения.

Во–вторых, мы представляем Вам в этой, главной, рубрике следующего нового автора. Им выступает Евгений Васильевич Трифонов, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и финансов ФГБОУ ВО «Норильский государственный индустриальный институт», (г. Норильск, Россия). Его статья называется «Система экономических законов демократизации собственности». В ней выдвигается концепция, рассматривающая систему экономических законов демократизации отношений собственности. Демократизация отношений собственности в современной научной литературе определяется как институциональный процесс, имеющий цель снизить социальную напряженность в обществе. В действительности же, утверждает автор, демократизация собственности является всеобщим экономическим законом, обеспечивающим выживание, прогресс и процветание человеческой цивилизации вне времени и пространства. Сущность демократизации собственности, по мнению Е.В. Трифонова, проявляется в единстве действий закона обобществления, непосредственно закона демократизации и закона системной демократизации собственности. Цель исследования заключается в определении собственного содержания законов демократизации собственности, единство которых обеспечивает действительную и необратимую демократизацию экономики, общества и государства. Последствиями реализации законов демократизации собственности, считает автор, являются качественно новые отношения, составляющие демократическую модель социально–экономического прогресса в краткосрочном периоде и креативную модель социально–экономического процветания в долгосрочном периоде, формируется человеческая цивилизация процветания для всех.

Затем Вашему вниманию в очередной раз представляется рубрика под названием «Конференция в ЯГТУ о цифровой экономике». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с материалом под названием «Региональный концепт поиска цифровых преобразований». Его авторы – Соболева Ирина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Московского технологического университета «Станкин», (г. Москва, Российская Федерация), и Сартаков Игорь Витальевич, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных, сервисных и общетехнических дисциплин Новосибирского государственного педагогического университета, (г. Новосибирск, Российская Федерация), – уже известны Вам, уважаемый читатель [см., например: 12 и 13]. Цель данной статьи, по мнению авторов, состоит в определении ключевых ресурсных индикаторов некоторых регионов–лидеров цифрового развития по использованию ими инновационных территориальных систем, цифрового потенциала, их влияния на повышение

производительности труда, государственно–частное партнерство, внедрение на территориях новейших достижений науки, конкурентоспособность территориальной продукции, уровень образования и здравоохранения регионов. В работе использованы системный и интегративный подходы, методы сравнительного и статистического анализа. Исследование не подтвердило первоначальную гипотезу авторов о сбалансированности цифрового развития различных отраслей передовых регионов.

В следующей рубрике – «Новая индустриализация: теоретико–экономический аспект» – публикуется в этом номере статья под названием «Почему падает стоимость российских машиностроительных компаний?». Её написала Патрушева Елена Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления и предпринимательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова» (г. Ярославль, Российская Федерация). Елена Григорьевна – тоже известный Вам автор [см., например: 14; 15; 16; 17]. В её новой статье обсуждается зависимость уровня и динамики стоимости компаний от характеристик их инвестиционной политики. Оцениваются инвестиционная активность, эффективность и затраты на привлечение капитала десяти отечественных машиностроительных компаний, что позволило установить динамику их стоимости. Сделан вывод о существенной долговой зависимости и неэффективном использовании привлекаемого капитала, вызвавших падение уровня стоимости машиностроительных компаний. Выполнен сравнительный анализ динамики стоимости в 2018 г. по сравнению с результатами, полученными для данной совокупности компаний в 2007 г. Сделан вывод об усугублении негативных тенденций и необходимости совместных усилий менеджмента и государства с ориентацией на рост стоимости машиностроительных компаний как необходимого условия их выживания на рынке.

Далее мы представляем Вашему вниманию рубрику под названием «Современные проблемы мировой экономики». С недавних пор она стала постоянной в нашем сетевом издании, поскольку специальность «Мировая экономика» определена одним из направлений нашей специализации в списке ВАКа наряду с экономической теорией. В данном номере мы знакомим Вас с двумя материалами этой рубрики. Во–первых, статья под названием «Факторы и современные модели экономического роста и развития», с которой выступает новый для нас с Вами автор, Примышев Игорь Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет» (г. Симферополь, Российская Федерация). В его статье комплексно исследованы факторы и современные модели экономического роста и развития. На основе теоретических подходов и реалий мирохозяйственной практики выделены ключевые критерии эффективности национального развития. Автором предложена оригинальная типология моделей экономического развития. Выявлены основные объективные и субъективные причины безуспешности формирования взаимосогласованной стратегии экономического развития для стран, уже прошедших негативные пики рыночного трансформирования. Сделан вывод о том, что эффективное экономическое развитие существует, если экономический рост является устойчивым, обеспечивается постоянным опережающим структурным обновлением и способствует социальному прогрессу.

Во–вторых, в этой рубрике представлена работа под названием «Концептуальные основы формирования эффективного банковского надзора в современных условиях развития». Её написали впервые выступающие в нашем издании коллеги из г. Донецка Республики Украина: Кирилеева Алиса Салаватовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы», и Чирах Елена Викторовна, аспирант этой же кафедры и того же самого вуза. Целью их статьи, как считают сами авторы, является исследование современной концепции формирования эффективного банковского надзора, который должен отвечать современным условиям развития общества и технологий. В статье представлены основные направления совершенствования концепции формирования эффективного банковского надзора в условиях цифровизации и глобализации экономики. Доказана необходимость развития механизма

банковского надзора в развивающихся странах в соответствии с международными принципами в современных условиях развития общества и дигитализации. В целях урегулирования рискованной деятельности кредитных организаций авторами предложено качественное изменение составляющих системы эффективного банковского надзора.

В рубрике «Творчество молодых исследователей» публикуется две работы. Во-первых, статья под названием «Разработка системы паспортизации качества рабочей силы с учетом его волатильности». Её автор – Ясинский Дмитрий Юрьевич, аспирант кафедры «Менеджмент и отраслевая экономика» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет» (г. Новокузнецк, Российская Федерация), который уже выступал у нас в соавторстве с научным руководителем [см.: 18 и 19], а сейчас публикуется единолично. Актуальность содержания статьи, по мнению автора, определяется существующей необходимостью создания системы паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильности с целью идентификации компетентностных составляющих человека, используемых в целенаправленном механизме государственного регулирования, способствующего повышению эффективности функционирования рынка труда в федеральном масштабе. В предлагаемой статье автором разработана система паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильного характера, включением инвариантных (неизменяемых) частей трёх типов паспортных формирований – должности, качества рабочей силы и профессии, функционирующих в условиях информационного пространства. В рассматриваемом процессе паспортизации установлены основные связующие системные элементы – наборы компетенций человека в процессе труда. Выявлены, сформулированы и проиллюстрированы соответствующие связи системных элементов, математически формализован процесс их сопоставления и взаимодействия. Кроме того, рассмотрена авторская методика расчёта значения волатильности сравниваемых наборов компетенций в определённом промежутке времени, использование которой позволяет осуществлять автоматическую либо когнитивную аналитическую и иную (корректирующую, оптимизационную, управленческую, в области принимаемых решений и т.д.) деятельность в исследуемом направлении. Делается вывод о том, что необходимость разработки системы паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильности, включающей организационно-информационные механизмы выявления, обработки (преобразования), анализа, а также передачи идентификаторов качества рабочей силы в цифровом пространстве, ведёт к совершенствованию и прогрессирующему развитию информационной среды, способствующему повышению ценностного содержания и эффективности функционирования отечественного рынка труда.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья под названием «Определение трансакций и трансакционных издержек в современной экономической теории», которую написала новый для нас автор – Таненкова Екатерина Николаевна, старший преподаватель Сибирского федерального университета, (Институт экономики, управления и природопользования), (г. Красноярск, Российская Федерация). Статья посвящена проблемам анализа экономических отношений. Изучение экономических отношений через призму теории прав собственности и теории трансакционных издержек, по мнению автора, обеспечивает анализ методологической основы, а также позволяет осуществлять целенаправленный выбор инструментов и критериев. Институциональная среда формирует правила игры, которые отражаются в том числе в системе контрактных отношений, на базе которых заключаются трансакции между экономическими агентами. Эффективность институтов и институциональных соглашений, считает автор, может быть выражена в масштабах трансакционных издержек, понятия и классификации которых рассматриваются в статье. Проблемы анализа трансакций и трансакционных издержек в современной как теоретической, так и прикладной науке, показано в статье, заключаются в отсутствии четких определений данных терминов, а также их классификаций.

В рубрике «Рецензии, отклики» в этом номере Вашему вниманию предоставляется первая часть

моей работы «О книге «Карл Маркс: классика и современность (к 200–летию со дня рождения) / под ред. М.И. Воейкова. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 114 с.». В ней я познакомлю Вас, уважаемый читатель, с содержанием и выскажу свое мнение о названной книге. В статье обращено внимание на проблемы марксизма и современности, основных его категорий и их новой интерпретации. Показано, как в рецензируемой книге рассматриваются вопросы теории воспроизводства и труда в марксистской схеме, первоначального накопления капитала в постсоветской России, совместимости концепции человеческого капитала с трудовой теорией стоимости. В статье определено, как в рецензируемой книге освещаются темы, связанные с марксизмом и пониманием истории, с экономикой и общественной средой, синтезом формационного и цивилизационного подходов, интеграцией обществоведческого знания. Показано, что особое внимание в рассматриваемой книге уделяется требованиям современного анализа развития политической экономии и марксизма. Я утверждаю в этой работе, что выводы и положения рецензируемого издания представляют важное значение для разработки и развития теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Завершает номер публикация Алиева Урака Жолмурзаевича «К памяти мэтра политической экономии Рязанова Виктора Тимофеевича», посвященная большому другу нашего журнала, титану политической экономии советского и постсоветского периода.

Таково основное содержание материалов представленного номера. Как видите, в нем, действительно, представлены и известные, и новые имена авторов, каждый из которых вносит определенный вклад в развитие теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, чем мы и занимаемся в нашем сетевом издании вот уже десятый год.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением
Гордеев В.А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родина Г.А. Структура теоретической экономии: эволюция взглядов / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. – № 5. – С. 26–36. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Родина Г.А. Эволюция роли государства в условиях транснационализации экономического пространства / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. – № 3. – С. 22–27. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Родина Г.А. Ещё раз о биткоине, блокчейне, фидуциарных деньгах / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 4. – С. 187–191. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Родина Г.А. Отзыв на статью А.А. Ананьева «Что мешает развитию российского машиностроения? Часть 1 – внутренние проблемы» / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 6. – С. 82–87. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
5. Родина Г.А. Альтернативные концепции трансформации экономической природы современных денег в условиях диджитализации экономии: сравнительный анализ / Г.А. Родина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 10. – С. 53–61. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
6. Родина Г.А. Инклюзивный экономический рост и перспективы России / Г.А. Родина //

Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 10. – С. 108–112. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Берендеева А.Б. Концептуальные основы развития сферы культуры в России / А.Б. Берендеева, О.О. Коробова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 1. – С. 25–35. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Бабаев Б.Д. Социальные свойства экономики: показатели и факторы нарастания, торможения / Б.Д. Бабаев, А.Б. Берендеева А.Б. // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 2. – С. 29–43. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И. Субетто «Системная проблема развития ЖКХ в России в контексте действия закона энергетической стоимости» / А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 6. – С. 131–135. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Берендеева А.Б. Новые социальные и экономические концепции оценки трансформаций российского общества и экономики / А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 3. – С. 12–28. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И. Субетто «Ноосферизм – новая система сохранения и развития человечеств на земле» / А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 11. – С. 95–95. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Соболева И.А. Необходимость модернизационного сценария российской экономики / И.А. Соболева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 7. – С. 54–63. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

13. Антонова И.А. Модернизация в контексте регионального развития и необходимость участия в ней гражданского общества / И.А. Антонова, И.В. Сартаков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 11. – С. 43–52. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

14. Зверев В.С. Управление региональным промышленным кластером на основе мониторинга условий его функционирования / В.С. Зверев, Е.Г. Патрушева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 4. – С. 99–116. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

15. Абрамова М.Б. Отзыв на статью В.С. Зверева и Е.Г. Патрушевой «Управление региональным промышленным кластером на основе мониторинга условий его функционирования» М.Б. Абрамова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 6. – С. 146–150. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

16. Шешерина Е.С. Специфика маркетинговой деятельности производителей систем безопасности / Е.С. Шешерина, Е.Г. Патрушева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 8. – С. 102–108. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

17. Патрушева Е.Г. Информационно–коммуникационное обеспечение управления развитием промышленных региональных кластеров в цифровой экономике / Е.Г. Патрушева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 10. – С. 76–79. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

18. Затепакин О.А. Понятие и факторы волатильности качеств рабочей силы / О.А. Затепакин, Д.Ю. Ясинский // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 4. – С. 135–143. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

19. Затепакин О.А. Формирование набора компетенций человека в информационной среде, направленное на перспективное социально–экономическое развитие Сибири / О.А. Затепакин, Д.Ю. Ясинский// Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 1. – С. 50–54. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МЕТОДОМ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Берендеева Алла Борисовна

доктор экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
кафедра «экономической теории и региональной экономики»
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: abab60@mail.ru

Сизова Ольга Владимировна

кандидат технических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»,
кафедра «информационных технологий и цифровой экономики»
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: siz-olga@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрена динамика коэффициента смертности населения в трудоспособном возрасте в регионах России. Выделены причины и факторы смертности населения. На примере 10 регионов Европейской части России проанализировано воздействие 9 социально-экономических факторов на показатель смертности трудоспособного населения. С помощью метода статистического моделирования выделены группы факторов по степени влияния на смертность трудоспособного населения.

Ключевые слова: модели в демографии, статистическое моделирование демографических процессов, трудоспособное население, коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте, причины и факторы смертности населения, социально-экономические факторы смертности.

JEL: C15, H42, I18, J11, J17

ANALYSIS OF FACTORS OF MORTALITY OF POPULATION IN THE LABOR AGE IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE MODEL OF MODELING

Berendeeva Alla Borisovna

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department Ivanovo State University, Department of Economic Theory and Regional Economics
Ivanovo, Russian Federation

Sizova Olga Vladimirovna

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor Ivanovo State University of Chemical Technology, Department of Information Technology and Digital Economics
Ivanovo, Russian Federation

Abstract: The dynamics of the mortality rate of the working-age population in the regions of Russia is considered. The causes and factors of mortality are highlighted. Using the example of 10 regions of the European part of Russia, the impact of 9 socio-economic factors on the mortality rate of the working population is analyzed. Using the method of statistical modeling, groups of factors are identified by the degree of influence on the mortality rate of the able-bodied population

Keywords: models in demography, statistical modeling of demographic processes, able-bodied population, mortality

rate of working-age population, causes and factors of mortality, social and economic factors of mortality.

В настоящее время в Российской Федерации большое внимание уделяется проблеме общественного здоровья, что связано с неблагоприятной демографической ситуацией в стране: естественной убылью, депопуляцией, постарением населения страны [6].

Смертность населения в трудоспособном возрасте считается одной из наиболее важных медико-демографических и социально-экономических проблем нашего государства. Россия находится на первом месте в Европе среди стран с наиболее высоким процентом смертности мужчин до 65 лет. Тогда как в таких странах, как Швеция, Италия, Нидерланды, Мальта и Норвегия, смертность мужчин до 65 лет не превышает 11% [24].

Из-за преждевременной смертности в России население теряет около 11 лет потенциально возможной жизни, что больше аналогичного показателя в государствах СНГ (9,5г.) и Евросоюза (4г.) (международный порог преждевременной смертности – 65 лет) [11, с.113]. Преждевременная смертность обуславливает существенный экономический ущерб для территорий. Так, согласно полученным результатам, например, для Вологодской области в 2008 г. он составил 63 млрд 875 млн руб., т.е. около 20% от ВРП за данный год [14, с.30]. Такой подход с учетом показателя «потерянные годы потенциальной жизни» позволяет расценивать затраты на развитие здравоохранения и социальной сферы не как одну из статей государственных расходов, а как важные инвестиции в человеческий капитал.

Специалисты пишут о низком качестве статистики смертности, а значит, имеет место неадекватная оценка масштабов социальных проблем, которые вследствие этого остаются за пределами общественного и государственного внимания, в частности, занижены показатели смертности от убийств, самоубийств, алкогольных отравлений [16, с.137]. Занижена статистика и по смертности в дорожно-транспортных происшествиях: в нашей стране это смерть на месте ДТП, а в большинстве стран Европы – это лица, скончавшиеся в течение 30 суток после ДТП.

В исследованиях применительно к нашей стране отмечается неудовлетворительная регистрация травматизма и профессиональной заболеваемости, снижение регистрируемых уровней заболеваемости и инвалидности трудоспособного населения и их занижение. Неудовлетворительные и опасные условия труда могут быть не только фактором риска получения профзаболеваний и производственных травм, но и способствуют росту заболеваемости и смертности от общих, непрофессиональных, болезней, т.е. производственно-обусловленных (сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные новообразования, болезни органов дыхания, органов пищеварения и др.). Исследования показывают, что производственно обусловленная заболеваемость проявляется в более высокой частоте заболеваний, более тяжелом их протекании и формировании в более молодом возрасте, что неизбежно приводит к сокращению трудовой активности, повышению уровней инвалидности и смертности [9, с.66].

В России смертность от профзаболеваний и в результате трудовой деятельности не регистрируется (в свидетельстве о смерти нет соответствующей графы) – она теряется в структуре общих заболеваемости, инвалидности и травматизма. По оценкам экспертов МОТ, на основе проведенных исследований в 15 странах Евросоюза, где система регистрации более надежная, соотношение числа погибших на производстве и количества смертей по причине заболеваний, связанных с работой, равно 1:20 [9, с.67].

В данной статье в качестве предмета исследования выступает коэффициент смертности населения трудоспособного возраста. Этот показатель по субъектам РФ публикуется в статсборнике «Регионы России» недавно – в последние 3 года (2017, 2018, 2019), что отражает значимость данного показателя в демографическом блоке (раздел II). Он рассчитывается как отношение числа умерших в данном возрасте (мужчины 16–59 лет, женщины – 16–54 года) в течение календарного года к среднегодовой численности лиц данного возраста по текущей оценке численности населения, на 100

тыс. чел. населения соответствующего возраста (чел.) [19, с. 112].

В качестве объекта исследования взяты 10 регионов трех федеральных округов – Центрального (ЦФО) (Белгородская, Воронежская, Ивановская, Московская, Тверская), Северо-Западного (СЗФО) (Новгородская, Псковская) и Приволжского (ПФО) (Пензенская, Саратовская), расположенные в радиусе около 700 км от Москвы, в которых одинаковый климат – умеренного пояса (атлантико-континентальный), похожая национальная структура населения (87–97% – русские), удельный вес городского населения в регионах – от 68 до 76% (исключение составляют высокоурбанизированные Ивановская и Московская области с удельным весом городского населения соответственно 81,6 и 81,5%). Соотношение мужчин и женщин (на 1000 мужчин приходится женщин) составляет от 1160 до 1214 [18; 19, с.47-48, 49-50].

На численность и долю населения трудоспособного возраста влияет смертность, миграция, структурный фактор, изменение возрастных границ трудового возраста, др. Тенденция сокращения доли лиц трудоспособного возраста обусловлена, прежде всего, сокращением численности населения в исследуемых регионах, когда естественная убыль сопровождалась миграционной убылью. Естественная убыль в 10 регионах в 2018 г. колебалась (в промилле) от -1,2 в Московской области до -7,9 в Псковской области, среднее значение по 10 регионам -5,8. В 3 регионах в 2018 г. имел место миграционный прирост (в областях Белгородской, Воронежской, Московской), в остальных 7 регионах – миграционная убыль. Миграционный прирост превысил естественную убыль только в Московской области, что выразилось в небольшом росте численности населения данного региона. Влияет структурный фактор – растут коэффициенты демографической нагрузки (на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов) и, соответственно, растет, например, доля лиц старше трудоспособного возраста. Также следует учитывать, что с 2010-х гг. происходит массовый выход на пенсию многочисленного поколения лиц, рожденных в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (поколение так называемого «бэби бума»).

В нашем исследовании в качестве регионов-лидеров выступают субъекты с относительно низким показателем смертности трудоспособного населения («У») – ниже 500 (области Белгородская, Воронежская, Московская, Пензенская, Саратовская), а в качестве регионов-аутсайдеров – те субъекты, где исследуемый показатель – около 600 и выше (области Владимирская, Ивановская, Новгородская, Псковская, Тверская). Соотношение данных коэффициентов в выделенных группах регионов (как отношение среднего значения в группе аутсайдеров и группе лидеров) составляет 1,4 раза (624,0 : 457,1), т.е. смертность населения трудоспособного возраста в регионах-аутсайдерах на 40% выше, чем в регионах-лидерах в рамках нашего исследования.

Доля населения трудоспособного возраста за период 2005–2018 гг. снизилась в РФ с 63 до 55,4% (на 7,6%), в ЦФО – с 62,5 до 55,5% (на 7%), в СЗФО – с 64 до 55,9% (на 8,1%), в ПФО – с 62,6 до 54,5% (на 8,1%). Как видно из табл.1, в исследуемых регионах наибольшее снижение данного показателя отмечается в областях Новгородской (-8,4%), Владимирской (-7,8%), Пензенской (-7,7%) и Псковской (-7,6%), наименьшее – в Воронежской (-5,5%) и Московской (-5,9%) областях.

По России в целом наибольшая доля трудоспособного населения в 2018 г. зафиксирована в таких субъектах, как: автономные округа Ямало-Ненецкий (63,6%), Чукотский (61,7%) и Ханты-Мансийский (60,4%), Камчатский край (60,2%), республики Дагестан (59,8%), Ингушетия (58,2%), Кабардино-Балкарская (57,4%), а также области Магаданская (59,1%), Мурманская (58,6%), Томская (57,4%), республика Саха-Якутия и Хабаровский край (57,6%), Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Приморский край (57%). Минимальные значения данного показателя – в областях Курганская (50,8%), Кировская (51,9%), Новгородская (52,1%), Костромская (52,7%), республика Алтай (52,9%) [19, с.53–54].

Таблица 1 - Доля населения трудоспособного возраста в процентах от общей численности населения, в процентах в 2018г. [19, с.53–54]

Области-лидеры				Области-аутсайдеры			
	2005	2018	снижение (-)		2005	2018	снижение (-)
Белгородская	61,6	54,9	-6,7	Владимирская	61,3	53,5	-7,8
Воронежская	60,4	54,9	-5,5	Ивановская	60,8	54,1	-6,7
Московская	62,9	57,0	-5,9	Новгородская	60,5	52,1	-8,4
Саратовская	61,7	55,0	-6,7	Псковская	60,6	53,0	-7,6
Пензенская	61,5	53,8	-7,7	Тверская	60,1	53,1	-7,0

Смертность лиц трудоспособного возраста – это, прежде всего, мужская смертность: доля мужчин среди умерших в трудоспособном возрасте в 2018г. составила 79,1%, что на 11,7% выше, чем в 1960г. (см. табл.2).

Таблица 2 - Доля мужчин среди умерших в трудоспособном возрасте, в процентах (рассчитано по: [17, с. 82])

Год	доля мужчин, %	Год	доля мужчин, %
1960	67,4	2013	79,6
1970	75,6	2014	79,7
1980	78,3	2015	79,4
1990	80,4	2016	79,5
2000	80,0	2017	79,3
2010	79,8	2018	79,1

Как видно из табл.3, за 2005–2018гг. в нашей стране произошло резкое сокращение смертности лиц трудоспособного возраста – это выступает как положительная тенденция. Среди исследуемых регионов наибольшее снижение отмечается для тех, у которых 14лет назад данный показатель превышал 1000 и даже 1100 – Владимирская область (в 2,3раза), Новгородская (в 2,2раза), Тверская (в 2,1раза), Ивановская и Псковская (в 2раза). Показателен пример Калининградской области, которая из регионов-аутсайдеров вышла в регионы-лидеры по данному показателю (снижение в 2,4раза) [19, с.69–70].

В целом по Российской Федерации самые низкие значения коэффициента смертности населения трудоспособного возраста в следующих субъектах: республики Северо-Кавказского федерального округа – Ингушетия (142,4), Чеченская (166,1), Дагестан (166,5), Кабардино-Балкарская (283,9), Карачаево-Черкесская (327,2), Северная Осетия – Алания (370,3), Ставропольский край (378,6). В Уральском федеральном округе – это ХМАО-Югра (380,0) и ЯНАО (359,9). В ЦФО и СЗФО – это г.Москва (317,4), г.Санкт-Петербург (364,5), республика Калмыкия (399,3). Максимальные значения – в субъектах: Чукотский автономный округ (954,6), Кемеровская область (703,8), республика Тыва (682,6), т.е. разница между регионами составляет 6,7 раза (954,6:142,4).

Таблица 3 - Динамика коэффициента смертности населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 100000чел. соответствующего возраста) [19, с.69–70].

	2005	2010	2018	2005–2018
РФ	827,8	634,0	482,2	-345,6 (в 1,7раза)
Белгородская обл.	618,6	502,9	422,5	-196,1 (в 1,5раза)
Воронежская обл.	787,5	617,0	474,5	-313,0 (в 1,7 раза)

Московская обл.	813,7	624,2	439,7	-374,0 (в 1,9раза)
Пензенская обл.	848,2	628,5	479,6	-368,6 (в 1,8раза)
Саратовская обл.	804,2	638,8	469,2	-335,0 (в 1,7раза)
Владимирская обл.	1040,3	800,8	593,9	-446,4 (в 2,3раза)
Ивановская обл.	1168,1	787,3	584,4	-583,7 (в 2раза)
Новгородская обл.	1191,8	959,9	652,6	-539,2 (в 2,2раза)
Псковская обл.	1327,2	978,2	654,9	-672,3 (в 2,0раза)
Тверская обл.	1192,3	879,0	634,2	-558,1 (в 2,1раза)

«Смертность отражает состояние общественного здоровья и, прежде всего, степень жизнеспособности человека, в том числе с учетом воздействия факторов окружающей среды» [13, с.9]. Следует различать причины и факторы смертности населения.

Существуют различные классификации причин и факторов смертности населения. Первое место среди причин смертности населения занимают болезни системы кровообращения (в 2018г. – 46,8%), затем идет смертность от новообразований (16,3%), на 3месте – внешние причины (7,9%), на 4месте – смертность от болезней органов пищеварения (5,2%), на 5месте – от болезней органов дыхания (3,3%) [22, с.106]. Причины смертности населения трудоспособного возраста несколько иные: на 1месте – болезни системы кровообращения, на 2месте – внешние причины, на 3месте – онкологические заболевания.

Все, что влияет на условия жизни населения, в той или иной степени воздействует на его здоровье и смертность. Это и природно-климатические, и социально-экономические факторы, и особенности преобладающих стереотипов индивидуального и группового поведения. Значимость отдельных факторов может изменяться. Различные чрезвычайные ситуации (природные, социальные, политические, военные) могут приводить к значительному росту смертности, при обычной жизни значимую роль играет уровень социально-экономического развития и качество жизни, включая качество условий проживания и медицинского обслуживания. В качестве фактора выступает и так называемое «витальное поведение» населения, отказ от вредных привычек, следование здоровому образу жизни.

В медицинских исследованиях отмечается, что «на продолжительность жизни мужчин влияют несколько основных факторов. Это состояние экономики, и как следствие материальное положение людей, образ жизни, стрессы и уровень медицины... В России крайне низка культура потребления продуктов питания и особенно спиртных напитков. Недостаточен контроль за качеством продуктов питания, качеством воды и экологией в целом. Смертность мужчин в России во многом определяется злоупотреблением спиртными напитками. Добавьте сюда, как правило, более тяжелые условия труда мужчин при наличии опасных и вредных факторов (в среднем по выборке). Кроме того, если убрать все вредные и опасные факторы, мужчины все равно живут чуть меньше женщин, – это закреплено на генетическом уровне в процессе эволюции» [24].

Исследованию преждевременной смертности посвящены научные публикации многих ученых – экономистов, социологов, медиков, экологов ит.д.

Медицинский аспект исследования факторов смертности населения. Существует Международная классификация болезней, где перечислены многие десятки факторов смертности – обращение в учреждения здравоохранения при потенциальной опасности для здоровья, связанные с социально-экономическими и психосоциальными обстоятельствами, которые классифицированы на проблемы, связанные с: 1) обучением и грамотностью (7 проблем); 2) работой и безработицей (8 проблем); 3) факторами риска (10 проблем); 4) окружающей средой (10 проблем); 5) жилищными и экономическими

обстоятельствами (10 проблем); 6) социальным окружением (8 проблем); 7) негативными жизненными событиями в детстве (10 проблем); 8) другие проблемы, связанные с воспитанием ребенка (10 проблем); 9) другие проблемы, связанные с близкими людьми, включая и семейные обстоятельства (10 проблем); 10) определенными психосоциальными обстоятельствами (5 проблем); 11) другими психосоциальными обстоятельствами (10 проблем). Отдельно выделяются проблемы, связанные с образом жизни (употребление табака, алкоголя, наркотиков, недостаток физических упражнений, неприемлема диета и вредные привычки в питании, сексуальное поведение с высокой степенью риска, азартные игры и пари, др.); проблемы, связанные со сложными условиями жизни (10 проблем, в том числе переутомление, стрессовое состояние, неадекватные социальные навыки, конфликт, связанный с социальным статусом, ограничения деятельности, вызванные снижением трудоспособности ит.д.) [23].

Специалисты в области медицины выделяют особый вид стресса – «социальный», связанный с утратой людьми эффективной трудовой мотивации, основанной на возможности честным трудом обеспечить достойное существование себе и своей семье [8, с.12].

В качестве рисков развития болезней системы кровообращения (как главной причины смертности) называются дислипидемия, сахарный диабет, артериальная гипертензия, алкоголь, курение, избыточная масса тела, низкая физическая активность и характер питания, психосоциальные факторы (тревожность, депрессия, отсутствие социальной поддержки и др.) [13, с.9]. Исследуется результативность первичной медицинской помощи взрослому населению [10, с.1].

Экологическая составляющая здоровья. По обобщенным оценкам экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), удельный вес влияния экологической ситуации на состояние здоровья населения составляет 17–20% [5, с.28].

Социально-экономические аспекты смертности трудоспособного населения представлены в ряде исследований. В качестве факторов смертности населения трудоспособного возраста рассматриваются преступления, безработица, первичный выход на инвалидность взрослого населения; рост численности предприятий, плотности населения [4], низкий уровень жизни населения, алкоголизм, условия труда и, как следствие, высокий производственный травматизм [3], занятость и безработица, инвалидность, условия труда и производственный травматизм, профессиональные заболевания, низкая цена здоровья и жизни в сознании работников [9].

В качестве метода исследования нами взят метод статистического моделирования. На страницах журнала «Теоретическая экономика» исследования с применением метода моделирования широко публикуются – применительно к макро-, мезо-, микро- и мировой экономике. В исследованной нами литературе методы моделирования при анализе демографической безопасности, в частности, факторов смертности трудоспособного населения не встречались.

Наш анализ смертности трудоспособного населения касается социально-экономических факторов. В основу модели $Y = f(X_i)$ взяты следующие параметры:

Y – коэффициент смертности населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. чел. соответствующего возраста) [19]

X_1 – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, руб.) [19];

X_2 – уровень безработицы, в процентах (по данным выборочных обследований рабочей силы; в среднем за год для населения в возрасте 15–72 лет [19; 20; 21];

X_3 – удельный вес убыточных организаций (в процентах от общего числа организаций) [19];

X_4 – численность врачей всех специальностей на 10000 чел. населения (на конец года), чел. [19; 21];

X_5 – заболеваемость на 1000 чел. населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) [19];

X_6 – число погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100000 чел. населения, чел.

[19];

X_7 – выбросы неуловленных и необезвреженных загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, в расчете на 1 кв. км территории субъекта, расчетный показатель [19];

X_8 – число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения (на конец года; штук) [19];

X_9 – число зарегистрированных преступлений на 100000 чел. населения. [19].

Выбор данных факторов связан со статистическими показателями, представленными в сборнике «Регионы России» и рассматриваемыми многими учеными в качестве факторов риска заболеваемости и смертности населения. Кроме того, следует отметить, что многие из обозначенных факторов являются одновременно и показателями качества жизни (здоровье населения, занятость и доходы, степень загрязненности окружающей среды, услуги и уровень преступности) [12, с.89-90].

Безработица, как следствие, низкий уровень качества жизни приводят к различным негативным последствиям в жизни отдельных лиц и семей, общества в целом. В литературе выделяются косвенные издержки от безработицы, которые связаны с сокращением доходов безработных, которое, в свою очередь, приводит к снижению объемов потребления товаров и услуг [15, с.56]. В многочисленных исследованиях показано отрицательное влияние безработицы на здоровье, прежде всего, психическое (через появление повышенного уровня тревожности, длительного психоэмоционального стресса). При этом состояние хронического стресса рассматривается как основной патофизиологический механизм общего ухудшения состояния здоровья (особенно у мужчин), резко увеличивает распространенность алкоголизма и число самоубийств [9, с.59].

Смертность от внешних причин (в нашем исследовании взята смертность от ДТП) считается значимым фактором смертности. Приводятся данные, что средний возраст смерти населения от внешних причин в стране значительно ниже, чем от других причин, за исключением инфекционных и паразитарных болезней. Например, разрыв между средним возрастом смерти от внешних причин и болезней системы кровообращения в среднем по России для мужчин составляет 25 лет, для женщин – 27 лет [11, с.112-113].

В многочисленных исследованиях преступность выступает как важный фактор смертности населения трудоспособного населения, особенно на смертность влияют такие виды преступлений, как убийства, самоубийства, умышленное причинение вреда здоровью. Но в статсборнике «Регионы России» разных лет данные показатели даются в ограниченном объеме, а по годам встречаются несопоставимые данные, поэтому в наш анализ включен общий показатель «число зарегистрированных преступлений на 100000 чел. населения».

По имеющимся данным, преступность в России в последние годы снижается, в частности, в 2018г. зарегистрировано 1965 тыс. преступлений (без учета Крыма), что на 3,3% меньше, чем в 2017г. [19, с.446-447]. Снизилось на 12% (с 9738 до 8574) количество убийств, покушений на убийство, на 5,4% (с 24552 до 23224) – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью [25].

В 2018г. сокращение числа зарегистрированных преступлений наблюдалось на территориях исследуемых нами федеральных округов – Центрального (-2,6%), Северо-Западного (-2,5 %) и Приволжского (-3%). Снижение уровня преступности наблюдалось в 60 из 85 регионов-субъектов РФ, в том числе – на 10–13 % в Ивановской и Воронежской областях, при этом Воронежская и Московская области были отнесены к группе регионов с наибольшим снижением данного показателя. Из обследуемых нами регионов уровень преступности повысился только в Пензенской области – на 8,5%, при этом в данном регионе наблюдалось самое большое в России увеличение преступности в состоянии алкогольного опьянения [25].

Смертность среди мужчин в результате преступлений всегда в России выше, чем среди женщин; то же касается и последствий причинения тяжкого вреда здоровью. Например, по статистике за 2018г. погибло женщин – 8.300 чел., мужчин – 17.700 чел., число женщин, которые получили тяжкий вред

здоровью – 11.400чел, а мужчина с тяжелыми последствиями для здоровья – 28.900чел. [26]

Таблица 4 - Состояние и динамика тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных в регионах России в 2018г. [25]

	всего	динамика, %	удельный вес от числа зарегистрированных преступлений
Белгородская область	2680	15,8	20,4
Владимирская область	4130	-0,2	23,9
Воронежская область	6774	4,4	23,1
Ивановская область	3135	-5,5	22,3
Московская область	21571	-4,5	26,9
Тверская область	3301	-0,6	16,9
Саратовская область	5983	1,6	20,6
Новгородская область	2475	24,3	22,7
Пензенская область	2687	28,7	20,9
Псковская область	2033	11,8	25,5

В целом по России удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составляет 22,5% (за 2018г. рост составил +2,5%), в том числе количество тяжких преступлений увеличилось на 3,8%, а особо тяжких преступлений по сравнению с аналогичным периодом 2017г. уменьшилось на 1,3%. Но данный показатель значительно возрос в обследуемой нами Псковской области (+64,9%), а в Белгородской области выросло число лиц, погибших в результате преступных посягательств (+22,2%) [25].

Но при анализе преступности необходимо учитывать, что, по мнению специалистов, существует огромный массив скрытой преступности, совершается много преступлений, которые по непонятным причинам не регистрируются, а органами внутренних дел регистрируется только каждое шестое преступлений в стране [27].

Немаловажную роль в смертности лиц трудоспособного возраста играет фактор алкогольного состояния человека. Согласно экспертным оценкам, из-за употребления алкоголя ежегодно в мире умирают около 1,8 млн чел., что составляет 3,2% от уровня общей смертности [13, с.9]. А по данным Генеральной прокуратуры РФ в 2018г. каждое третье преступление (32,3%) совершено в состоянии алкогольного опьянения, но по сравнению с аналогичным периодом 2017г. количество «алкогольных» преступлений уменьшилось на 7% [25]. Вместе с тем специалисты отмечают, что объективные данные по уровню алкогольных потерь отсутствуют. Поэтому актуальной задачей выступает повышение качества диагностики алкогольной смертности. А в связи с тем, что такую смертность можно предотвратить, то профилактические мероприятия по уменьшению алкогольной смертности можно рассматривать в качестве важного резерва ее снижения. Хотя в нашем исследовании алкогольная составляющая как отдельный показатель не присутствует, косвенно она отражается в факторах: преступность (X_2), заболеваемость (X_3), число погибших в ДТП (X_6).

Результаты исследования.

Одним из методов изучения социально-экономических явлений является статистическое моделирование взаимосвязи выделенных факторов на основе корреляционно-регрессионного анализа. В соответствии с данным методом определяются факторы, которые предположительно могут оказывать влияние на изучаемое явление. При этом, как показывают многие исследования, большинство зависимостей между социально-экономическими явлениями описываются одной из шести типов зависимостей: линейной, степенной, логарифмической, показательной, параболической

и гиперболической [2, с.66-82]. В нашем исследовании при рассмотрении данных типов зависимостей было получено, что наилучшие параметры показывает линейная зависимость для всех исследуемых областей. Поэтому все данные в дальнейшем приводятся именно для линейных моделей, которые к тому же являются наиболее простыми в интерпретации.

В таблице 5 представлены значения линейного коэффициента корреляции 9-и факторных признаков для каждой из исследуемых областей.

Таблица 5 - Значения коэффициентов корреляции по областям

Область	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9
Белгородская	-0,95	0,86	0,66	-0,72	0,63	0,84	0,50	-0,87	0,97
Воронежская	-0,89	0,81	0,69	0,35	-0,21	0,64	0,79	-0,92	0,53
Владимирская	-0,98	0,84	0,22	-0,2	-0,45	0,72	0,56	-0,98	0,97
Ивановская	-0,91	0,62	-0,25	0,51	-0,64	0,80	0,70	-0,89	0,97
Московская	-0,98	0,19	0,34	-0,60	-0,83	0,99	0,81	-0,96	0,83
Новгородская	-0,97	0,77	-0,25	-0,95	-0,37	0,80	0,04	-0,98	0,57
Пензенская	-0,97	0,89	0,04	-0,77	0,90	0,78	0,49	-0,98	0,97
Псковская	-0,98	0,22	-0,32	0,18	-0,87	0,44	0,90	-0,94	0,95
Саратовская	-0,97	0,91	0,46	0,53	-0,54	0,72	0,62	-0,96	0,90
Тверская	-0,95	0,57	0,57	0,54	-0,90	0,92	0,53	-0,94	0,94

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод, что только 6 из рассмотренных 9 факторов (X_1 , X_2 , X_6 , X_8 , X_9) показывают стабильное направление корреляционной связи. При этом X_2 , X_6 , X_7 , X_9 продемонстрировали прямую зависимость, а X_1 , X_8 – обратную. Т.е. с ростом уровня безработицы, числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях, числа зарегистрированных преступлений и выбросов неуловленных и не обезвреженных загрязняющих веществ в атмосферный воздух коэффициент смертности населения трудоспособного возраста возрастает. С такими результатами спорить трудно. С ростом же среднедушевых денежных доходов населения и числа собственных легковых автомобилей коэффициент смертности падает. Хотя в данном случае эти два показателя теснейшим образом связаны между собой, однако можно было ожидать, что коэффициент смертности будет расти с ростом числа автомобилей. Это вытекает из рассуждения, что большинство из владельцев автомобилей при приобретении транспортного средства начинают меньше двигаться, и, как следствие, подрывают свое здоровье. Также наличие личных автомобилей повышает количество автодорожных аварий, что опять должно повышать коэффициент смертности. Однако данные статистики по исследованным областям показывают дружную тенденцию обратной зависимости. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, статистика смертности при ДТП в России занижена (о чем говорилось выше), а, с другой стороны, наличие автомобиля открывает перед человеком новые возможности (активный досуг, дополнительный заработок, а, значит, повышение доступности, например, высокотехнологичных медицинских услуг ит.д.).

Показатель количества зарегистрированных пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни (X_3), тоже демонстрирует заметную тенденцию направления связи. Для него только 2 из 10 областей поменяли направление, что составляет 20% от изучаемой совокупности. 80% единиц совокупности показывают, что при росте количества первично выявляемых диагнозов смертность падает. Это может быть связано с тем, что рост вовремя выявленных диагнозов повышает вероятность успешного излечения от болезни у ряда заболевших или увеличивает продолжительность жизни других из-за снижения темпов роста данного заболевания.

Показатель удельного веса убыточных организаций (X_3) для 70% исследуемых регионов показывает прямую зависимость с коэффициентом смертности, что опять же понятно. Однако

Зрегиона (Ивановская, Новгородская и Псковская области) показали обратную связь. Это может быть связано с тем, что многие люди после разорения их предприятий в своих областях нашли себе работу в столичных и других ближайших, но более успешных в экономическом отношении регионах.

Показатель численности врачей всех специальностей (X_4) является наиболее противоречивым. Ровно половина исследуемых областей показывает прямую связь с результативным фактором, и, соответственно, другая половина – обратную. Это явление, по мнению авторов, связано с неточной статистикой здравоохранения, когда в статсборниках дается численность врачей всех специальностей (а это – многие десятки специальностей), когда для оказания медицинской помощи важны, прежде всего, врачи первичного звена (участковые терапевты), поскольку через них идут все основные назначения и направления к другим специалистам, а также врачи «скорой помощи». А специалистов данных категорий врачей как раз и не хватает, отсюда – и задержки в работе «скорой помощи», и очереди в поликлиниках к терапевтам.

Абсолютное значение коэффициента корреляции служит характеристикой силы существующей связи. Количественные критерии оценки тесноты связи представлены в таблице 6 [1, с.126-147]

Таблица 6 - Количественные критерии оценки тесноты связи

Величина коэффициента корреляции				Характер связи	
До $\pm 0,3$				Практически отсутствует	
$\pm 0,3$	-	$\pm 0,5$	Слабая		
$\pm 0,5$	-	$\pm 0,7$	Умеренная		
$\pm 0,7$	-	$\pm 1,0$	Сильная		

Исходя из расчетных данных можно выделить 4 группы факторов:

- очень значимые (X_1, X_2, X_6, X_8, X_9);
- средне значимые (X_4, X_5, X_7);
- мало значимые (X_3);
- практически не значимые (нет).

Полученный результат свидетельствует о том, что все качественно выделенные факторы достаточно сильно влияют на результативный параметр. Мы видим, что ни один параметр не попал в группу «практически отсутствуют» и только показатель удельного веса убыточных организаций (X_3) попал в группу слабой связи.

Известно, что большинство социальных факторов оказывают влияние друг на друга, однако представленные значения не учитывают взаимосвязь факторных показателей между собой. Принято при построении многофакторной корреляционно-регрессионной модели включать в нее только те факторы, абсолютное значение коэффициента парной корреляции которых не превышает 0,85 [7, с.11-14]. Поэтому при построении уравнений регрессии данные результаты претерпели некоторую трансформацию.

В таблице 7 представлены лучшие регрессионные модели, которые получились в ходе исследования взаимосвязи выбранных факторов. Данные модели являются адекватными, коэффициенты регрессии в них значимыми, а величина множественного коэффициента детерминации (R^2) максимальной.

Проверка адекватности всей модели (sig F) осуществляется с помощью расчета F – критерия Фишера. Если $\text{sig F} < 0,05$, то гипотеза о несоответствии заложенных в уравнении регрессии связей реально существующим отвергается [1, с.126-147].

Проверка значимости каждого коэффициента регрессии (sig t) осуществлялась с помощью t – критерием Стьюдента. Параметр признается статистически значимым, если $\text{sig t} < 0,05$ [1, с.126-147].

Таблица 7 - Модели регрессионной зависимости для исследованных областей

Область	Вид регрессионной модели	sig t	R2	sig F
Белгородская	$Y = 13,47 + 28,7x_2 + 7,96x_6 + 0,34x_8 + 0,13x_9$	0,05 0,025 $1 \cdot 10^{-3}$ 0,025 $4 \cdot 10^{-3}$	0,993	$1 \cdot 10^{-5}$
Воронежская	$Y = 179,3 + 20,7x_2 + 10,02x_3 + 15,8x_6$	0,06 0,04 $6 \cdot 10^{-3}$ $4 \cdot 10^{-3}$	0,941	$4 \cdot 10^{-4}$
Владимирская	$Y = 992,8 - 0,02x_1 + 21,6x_2 + 95,7x_7$	$2 \cdot 10^{-6}$ $8 \cdot 10^{-6}$ $3 \cdot 10^{-3}$ 0,04	0,993	$8 \cdot 10^{-7}$
Ивановская	$Y = 3073 - 0,02x_1 + 32,6x_2 + 7,1x_4 - 2,5x_5 + 11,54x_6 + 148,2x_7$	$8 \cdot 10^{-6}$ $7 \cdot 10^{-4}$ $1 \cdot 10^{-3}$ 0,02 $2 \cdot 10^{-4}$ $2 \cdot 10^{-3}$ $1 \cdot 10^{-3}$	0,999	$1 \cdot 10^{-5}$
Московская	$Y = 679,3 - 0,006x_1 + 7,4x_6 + 0,07x_9$	$3 \cdot 10^{-3}$ 0,03 0,02 0,05	0,991	$1 \cdot 10^{-6}$
Новгородская	$Y = 526,8 - 0,02x_1 + 59,7x_2 + 0,18x_9$	0,01 $7 \cdot 10^{-5}$ $9 \cdot 10^{-3}$ $9 \cdot 10^{-3}$	0,998	$5 \cdot 10^{-6}$
Пензенская	$Y = 36,7 + 53,21x_2 - 1,5x_4 + 0,17x_5 + 20,6x_6 + 56,1x_7 - 0,15x_8 + 0,42x_9$	0,031 0,099 0,138 0,209	1	$7 \cdot 10^{-6}$
Псковская	$Y = 2326 - 0,03x_1 + 13,92x_2 - 0,9x_5 + 5,6x_6$	0,024 0,735 0,015 0,938	0,998	$3 \cdot 10^{-7}$
Саратовская	$Y = 1915 - 0,1x_1 - 3,6x_5 + 41,2x_6 + 338,8x_7 - 4,94x_8$	0,05 0,02 0,04 0,05 0,03 0,05	0,984	$1 \cdot 10^{-3}$

Тверская	$Y = 301,2 - 0,01 x_1 + 15,1 x_6 - 1,22 x_8 + 0,16x_9$	0,039 0,916 0,012 0,267	0,994	$7 \cdot 10^{-6}$
----------	--	----------------------------------	-------	-------------------

Значение коэффициента регрессии данных моделей показывает, что все они объясняют изменение результативного признака выбранными факторами почти на 100%. Минимальное значение $R^2 = 98,4\%$ получилось для Саратовской области, а максимальное 100% – для Пензенской. Остальные области имеют значение выше 99%. Это свидетельствует о правильности качественного выбора исследуемых факторов для изучения исследуемого явления.

В таблице 8 представлены значимые факторы, которые были получены в уравнениях регрессии по выделенным областям.

Таблица 8 - Присутствие фактора в регрессионной модели региона

Область	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9
Белгородская		+				+		+	+
Воронежская		+	+			+			
Владимирская	+	+					+		
Ивановская	+	+		+	+	+	+		
Московская	+					+			+
Новгородская	+	+							+
Пензенская		+		+	+	+	+	+	+
Псковская	+	+			+	+			
Саратовская	+				+	+	+	+	
Тверская	+					+		+	+
ИТОГО	7	7	1	2	4	8	4	4	5

Исходя из полученных результатов, можно выделить три группы факторов:

- очень значимые (6 ÷ 8);
- средне значимые (3 ÷ 5);
- мало значимые (0 ÷ 2).

Тогда распределение факторов по влиянию на коэффициент смертности выглядит так:

- X1, X2, X6 – очень значимые;
- X5, X7, X8, X9 – средне значимые;
- X3, X4 – мало значимые.

Конечно, рассмотрение других регионов или большего их числа может изменить данную классификацию факторов, однако вряд ли это дополнение существенно изменит полученную картину.

Выводы.

Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста в основном зависит от среднедушевых денежных доходов населения (X1), уровня безработицы (X2), числа зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни (X5), числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях (X6), неуловленных выбросов и необезвреженных загрязняющих веществ в атмосферном воздухе (X7), числа собственных легковых автомобилей (X8) и числа преступлений (X9). Поскольку результаты демографической статистики широко используются для принятия управленческих решений, можно сделать ряд предложений Росстату: в Российский статистический ежегодник наряду с показателем «смертность для всего населения по

причинам смерти» включать аналогичный показатель для трудоспособного населения; в статсборник «Регионы России» включать, во-первых, показатели смертности трудоспособного населения не только по регионам, но и по полу и возрасту ввиду актуальности проблемы преждевременной смертности мужчин трудоспособного возраста (в Российском статистическом ежегоднике, Демографическом статистическом ежегоднике эти данные есть, но для всего населения РФ), во-вторых, отражать статистику умерших от отдельных причин смерти, связанных с употреблением алкоголя (как в Демографическом статистическом ежегоднике, где приводятся данные по смертности всего населения от отдельных причин смерти, связанных с употреблением алкоголя), в-третьих, в разделе 6 показывать не только количество врачей в целом на 10 тыс. населения, но и число врачей первичного звена (участковых терапевтов) ввиду дефицита именно этой категории медперсонала, наличия очередей, долговременной записи в поликлиниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория статистики: учеб. для экон. специальн. вузов /под. ред. Р.А.Шмойловой. 5-е изд. – М.: Финансы и статистика, 2009. – 655с.
2. Экономические системы: моделирование, анализ и прогнозирование: монография / под ред. проф. В.А.Зайцева; Иван. гос. хим. технол. ун-т. – Иваново, 2008. – 367с.
3. Алимуродова М.А. Влияние смертности трудоспособного населения на демографические характеристики населения региона /М.А.Алимуродова [Электронный ресурс]. URL: https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/Алимуродова_статья.pdf (дата обращения: 09.02.2020)
4. Аскарлов Р.А. Интегральная оценка влияния социально-экономических, экологических факторов на смертность населения трудоспособного возраста /Р.А.Аскарлов, И.А.Лакман, З.Ф.Аскарлова, Б.А.Бакиров //Экономика и управление: науч.-практ. журнал. – 2019. – №6(150). – С.144-148.
5. Баранов А.О. Совершенствование статистики воспроизводства человеческого капитала /А.О.Баранов, Ю.М.Слепенкова, Т.О.Тагаева //Проблемы прогнозирования. – 2020. – №1. – С.22-31.
6. Берендеева А.Б. Демографические вызовы и степень адекватности демографической политики в регионе (на примере регионов Верхневолжья) /А.Б.Берендеева // Вестник Иван. гос. ун-та. Сер. Экономика. – 2019. – Т.39. – №1. – С.11-20.
7. Воищева О.С. Мультиколлинеарность и проблемы содержательной интерпретации /О.С.Воищева, С.С.Щекунских, Е.П.Рудикова //Экономическое прогнозирование: модели и методы: сб. материалов Хмеждународ. науч.-практ. конф. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, – 2014. – С.11-14.
8. Дерстуганова Т.М. Влияние социально-экономических факторов на смертность населения трудоспособного возраста (на примере Свердловской области) /Т.М.Дерстуганова, Б.Т.Величковский, В.Б.Гурвич и др. //Здоровье населения и среда обитания. – 2013. – №9(246). – С.12-14.
9. Измеров Н.Ф. Проблемы здоровья работающего населения в России /Н.Ф.Измеров, Г.И.Тихонова //Проблемы прогнозирования. – 2011. – №3(126). – С.56-70.
10. Михайлова Ю.В. Результативность медицинской помощи, оказываемой в амбулаторных условиях, как фактор снижения смертности населения трудоспособного возраста /Ю.В.Михайлова, Н.А.Голубев, Т.П.Сабгайда, А.Ю.Михайлов //Социальные аспекты здоровья населения. – 2019. – Т.65. – №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1055/30/lang,ru/> (дата обращения: 24.02.2020)
11. Морев М.В. Оценка демографических и социально-экономических потерь вследствие преждевременной смертности населения России и Вологодской области /М.В.Морев, А.В.Короленко //Проблемы прогнозирования. – 2018. – №2. – С.110-123.
12. Туманов Д.В. Оценка качества жизни населения как инструмент построения эффективной системы государственного и муниципального управления /Д.В.Туманов, С.И.Чиркун, В.Ю.Бухвалова //Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». – 2019. – №8(56). – С.87-101. [Электронный ресурс]. – URL: <http://theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 16.02.2020)

13. Чешик И.А. Эпидемиология наиболее распространенных факторов риска, влияющих на развитие болезней системы кровообращения, и их вклад в смертность мужского населения трудоспособного возраста /И.А.Чешик, Т.М.Шаршакова // Проблемы здоровья и экологии. – 2018. – №1(55). – С.8-15.
14. Шабунова А.А. Преждевременная смертность как причина экономических потерь региона /А.А.Шабунова, М.Д.Дуганов, К.Н.Калашников //Здравоохранение Российской Федерации. – 2012. – №3. – С.26-30.
15. Шкиотов С.В. Оценка экономического ущерба от безработицы в российской экономике в среднесрочном временном интервале /С.В.Шкиотов, М.И.Маркин //Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». 2019. – №4(52). – С.54-66. [Электронный ресурс]. – URL: <http://theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 24.02.2020)
16. Юмагузин В.В. Оценка уровня смертности от внешних причин (на примере Республики Башкортостан) /В.В.Юмагузин, М.В.Винник //Проблемы прогнозирования. – 2017. – №1(160). – С.125-138.
17. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб./Росстат. – М., 2019. – 252с.
18. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019: Стат. сб. /Росстат. - М., 2019. - 751с.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. /Росстат. - М., 2019. -1204 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. /Росстат. - М., 2018. -1162 с.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. /Росстат. - М., 2015. - 1266 с.
22. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб. /Росстат. М., 2019 – 708 с.
23. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. МКБ-10: Класс XXI. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения и обращения в учреждения здравоохранения URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=2200> (дата обращения: 14.02.2020)
24. О сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста, долголетию и некоторых современных взглядах на причины преждевременной смертности населения //Медицинская статистика и оргметодработа в учреждениях здравоохранения. 2017. №12. URL: http://управление-здравоохранением.рф/publ/medicinskaja_statistika/o_sverkhsmertnosti_muzhchin_trudosposobnogo_vozrasta_dolgoletii_i_nekotorykh_sovremennykh_vzgljadakh_na_prichiny_prezhdevremennoj_smertnosti_naselenija/28-1-0-795 (дата обращения: 16.02.2020)
25. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018г. / Генеральная прокуратура РФ. М., 2019. 52с. С.5,8,13,19. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения: 16.02.2020)
26. Статистика преступности. Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnos/> (дата обращения: 16.02.2020)
27. ТОП-10 криминальных регионов России. URL: <https://zen.yandex.ru/media/statruss/top10-kriminalnyh-regionov-rossii-5da44f5c86c4a900b2470cea> (дата обращения: 16.02.2020)

СИСТЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОБСТВЕННОСТИ

Трифонов Евгений Васильевич

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Норильский государственный индустриальный институт»,
кафедра «бухгалтерского учета и финансов»
г. Норильск, Российская Федерация.
E-mail: peopleproperty@mail.ru

Аннотация: В статье выдвигается концепция, рассматривающая систему экономических законов демократизации отношений собственности. Демократизация отношений собственности в современной научной литературе определяется как институциональный процесс, имеющий цель снизить социальную напряженность в обществе. В действительности, демократизация собственности является всеобщим экономическим законом, обеспечивающим выживание, прогресс и процветание человеческой цивилизации вне времени и пространства. Сущность демократизации собственности проявляется в единстве действий закона обобществления, непосредственно закона демократизации и закона системной демократизации собственности.

Цель исследования заключается в определении собственного содержания законов демократизации собственности, единство которых обеспечивает действительную и необратимую демократизацию экономики, общества и государства. Последствиями реализации законов демократизации собственности являются качественно новые отношения, составляющие демократическую модель социально-экономического прогресса в краткосрочном периоде и креативную модель социально-экономического процветания в долгосрочном периоде, формируется человеческая цивилизация процветания для всех.

Ключевые слова: система законов демократизации собственности, закон обобществления собственности, закон демократизации собственности, закон системной демократизации собственности, демократическая и креативная модели экономики, цивилизация процветания для всех.

JEL: A10, R11, H82

SYSTEM OF ECONOMIC LAWS DEMOCRATIZATION OF PROPERTY

Evgeny Vasilievich Trifonov,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Accounting and Finance, Norilsk State Industrial Institute,
Norilsk, Russia

Abstract: The article puts forward a concept that considers the system of economic laws of democratization of property relations. The democratization of property relations in modern scientific literature is defined as an institutional process aimed at reducing social tension in society. In fact, the democratization of property is a universal economic law that ensures the survival, progress, and prosperity of human civilization beyond time and space. The essence of property democratization is manifested in the unity of actions of the law of socialization, directly the law of democratization and the law of systemic democratization of property.

The purpose of the study is to determine the content of the laws of democratization of property, the unity of which ensures the real and irreversible democratization of the economy, society and the state.

The consequences of the implementation of the laws of democratization of property are qualitatively new relations that make up the democratic model of socio-economic progress in the short term and a creative model of socio-economic prosperity in the long term, a human civilization of prosperity for all is being formed.

Keywords: system of laws of democratization of property, law of socialization of property, law of democratization of property, law of systemic democratization of property, democratic and creative models of the economy, civilization of prosperity for all.

Введение.

Триединый закон демократизации собственности состоит из закона обобществления собственности, непосредственно закона демократизации собственности и закона системной демократизации собственности.

Закон обобществления собственности фактически не рассматривается в исследованиях ученых развитых стран. В советской литературе этот закон был весьма популярен, его рассматривали как общий закон формирования социалистической общественной собственности. После падения советской системы закон обобществления был забыт по умолчанию, однако он действовал и действует как всеобщий, общецивилизационный закон сохранения человеческой цивилизации.

Непосредственно закону демократизации собственности придавался и придается в настоящее время субъективный, институциональный характер сохранения социальной стабильности в обществе. Таким образом, закон демократизации собственности не рассматривается как объективный закон, значение его крайне умалется. В статье рассматривается содержание закона демократизации собственности в единстве с законом обобществления и законом системной демократизации собственности.

Закон системной демократизации собственности в научной литературе не обсуждается вообще, он впервые вводится в научный оборот. Отсюда существует настоятельная необходимость выяснить сущность, содержание и значение каждого из законов, составляющих триединство законов демократизации собственности. Законы имеют самостоятельное содержание, но в совокупности определяют общую тенденцию распространения собственности среди неограниченного числа участников–учредителей развивающихся форм собственности.

Всеобщий экономический закон обобществления собственности.

Законообобществления собственности возникшее в древнейшие времена и выражал необходимость обеспечить в агрессивной среде защиту и выживание древних людей в процессе объединения их усилий и собственности. Объединение–обобществление усилий и собственности нарождающихся людей явилось эффективным способом сохранения и выживания первых человеческих сообществ. Можно сказать, что появлению и прогрессу человеческого общества мы обязаны этому закону. Еще с доисторической эпохи и до сегодняшних дней закон выполняет роль выживания, сохранения и совершенствования человеческого общества [1, с.175–183].

Общественный прогресс является следствием проявления и развертывания закона объединения или обобществления собственности. Обобществление усилий и собственности стали постоянным спутником и условием сохранения и развития сначала кровнородственных семей (кланов), затем таких объединений, как род, племя, община, союзы племен и т.д. вплоть до возникновения первичных государственных образований. Процесс обобществления собственности имел долгий эволюционный характер вплоть до настоящего времени.

Ускорение обобществления собственности произошло в связи с научно–технической революцией в начале XIX века. Возрастающая сложность, трудоемкость и капиталоемкость экономических задач обострили необходимость объединения усилий и собственности возрастающего числа участников. Обобществление последовательно формировало семейную, кооперативную, акционерную, государственную и достигло глобальной собственности. Развивающееся общество сталкивается с проблемами, которые не способны решать отдельные крупные предприниматели и их объединения. Уже сейчас возникает необходимость объединения усилий и капитала не отдельных групп предпринимателей, но целых государств и народов.

Обобществление собственности приобрело скачкообразный, интенсивный характер. В итоге процесс обобществления собственности способствовал значительному ускорению экономической динамики развитых стран. В будущем процесс обобществления собственности станет еще более

востребованным, поскольку обществу предстоит решать колоссальные задачи общепланетарного и даже космического масштабов. Следовательно, процесс обобществления собственности имеет объективный, необходимый, повторяющийся характер, выражающий существенную тенденцию в развитии отношений собственности. Систематический, вне времени и пространства, рост объединения собственности, появление более обобществленных форм собственности есть ни что иное, как экономический закон обобществления собственности.

Закон обобществления собственности выражает объективный, существенный, повторяющийся процесс объединения собственности неограниченного числа учредителей и образования новых обобществленных форм собственности. Закон обобществления собственности образует предпосылки закона демократизации собственности. Специфика процесса обобществления собственности состоит в том, что в процессах объединения все более активное участие принимают возрастающее число населения. Трудособственники становятся массовым социальным классом, которые все активнее заявляют о своих интересах в области экономики, политики и идеологии общества.

Благодаря закону обобществления собственности, человеческая цивилизация имеет источник развития и совершенствования производительных сил, а в соответствии с этим – совершенствования производственно–экономических отношений.

Объединение или обобществление собственности принимает всеобщий характер и становится объективной материальной предпосылкой расширения состава учредителей обобществленных форм собственности. Поскольку расширение состава учредителей обобществленных форм собственности получает устойчивый, повторяющийся и необходимый характер, постольку демократизация или распространение собственности среди возрастающего числа учредителей, получает признаки объективного экономического закона. Чем выше уровень обобществления собственности, тем больше численность учредителей новой, более обобществленной собственности. Обобществление и демократизация собственности предполагают друг друга. Оба закона связаны объективными взаимозависимыми процессами.

Экономический закон демократизации собственности.

Экономический закон обобществления собственности создает условия демократизации собственности. Объединение собственности есть объединение инвестиционных вкладов учредителей новых форм собственности. По объективным, реальным основаниям и исходя из самого содержания закона обобществления собственности, он проявляется как объединение совокупности долевых частей собственности учредителей новой формы собственности. Закон обобществления собственности выражает объединение долей собственности возрастающего числа учредителей новых форм собственности. Учредители становятся собственниками вновь образующихся форм собственности. В зависимости от уровня обобществления собственности растет число собственников, что и представляет собой демократизацию отношений собственности. Систематический, вне времени и пространства, рост обобществления собственности, увеличение численности собственников более обобществленных форм собственности, есть не что иное, как закон демократизации экономической собственности.

Процесс объединения долей собственности отдельных, самостоятельных учредителей является устойчивой тенденцией развития отношений собственности. Отсюда демократизация отношений собственности как процесс объединения долей частной, долей личной и долей иной собственности и образования новых форм собственности возрастающего числа учредителей–участников является экономическим законом, объективно присущим внутреннему развитию самой собственности. По своей сути демократизация отношений собственности означает присвоение–наделение долей государственной, долей муниципальной и долей иных форм собственности неограниченным числом членов общества. Л. Эрхард писал, что «...собственность на средства производства должна быть

доступной для каждого в форме широкого рассеянного владения» [2, с. 244].

Любая форма собственности есть, во–первых, объединенная частная, личная и иная собственность неограниченного числа учредителей; во–вторых, это совместная неделимая и долевая частная, долевая личная и долевая иная собственность учредителей; в–третьих, в образующихся формах собственности частная и личная собственности не исчезают, они остаются долевыми частями новой формы собственности; в–четвертых, в развивающихся формах новой собственности происходит изменение характера самой собственности, она выражает экономические интересы растущего числа участников–учредителей; в–пятых, развитие отношений собственности в ее новых формах, выражая экономические интересы растущего числа участников, изменяет характер частной собственности в процессах ее обобществления; в–шестых, в процессе обобществления частной собственности в ее новых формах, происходит преодоление эгоистических начал индивидуальной частной собственности и формирование общественных начал в новых обобществленных формах собственности, в–седьмых, развитие обобществленных форм частной и личной собственности, реализуя экономические интересы возрастающего числа учредителей, выражает демократизацию отношений собственности. Следовательно, экономический закон демократизации собственности есть объективный процесс ее обобществления, т.е. объединения долей частной, долей личной и долей иной собственности неограниченного числа учредителей. Становление неограниченного числа собственников представляет собой демократизацию отношений собственности как объективную внутреннюю закономерность ее развития.

Опираясь на единый методологический принцип образования форм собственности, можно утверждать, что муниципальная собственность образуется объединением долей частной, долей личной и долей иной собственности населения территориального объединения. Муниципальная собственность выражает экономические интересы населения местного территориального образования. Однако, если муниципальная собственность обезличена и деперсонифицирована, как это имеет место в настоящее время, то она может выражать интересы любых субъектов и объединений людей, в том числе олигархии, бюрократии и иных социальных групп. Муниципальная собственность выражает интересы населения данного муниципального объединения, если она персонифицирована, а собственниками признаются учредители территориального объединения, т.е. население данной территории.

Институциональное признание населения территории учредителем муниципального образования исключает использование муниципальной собственности местной олигархией и местной бюрократией в своих узкоэгоистических интересах. Муниципальная собственность, будучи долевой частной, долевой личной и долевой иной собственностью всего населения, выражает интересы всех социальных групп, всего населения территории.

Исторически длительное время государственная собственность оставалась и в значительной мере остается теперь частной собственностью правящей и господствующей социальной группы. И в современных условиях есть все основания считать, что государственная собственность является долевой частной собственностью господствующей олигархии, правящей бюрократии и примкнувших к ним социальных групп. «Бюджетные и административные ресурсы национальных государств постепенно превращаются в элемент активов крупного бизнеса» [3, с. 164].

Демократизация отношений собственности является реальной альтернативой монополизации отношений собственности. Не антимонопольные законы, а последовательная демократизация отношений собственности может остановить и даже преодолеть процесс монополизации частной собственности. Рост численности собственников в государстве – условие укрепления, развития и процветания государства. Прочность государства является производной от распространения собственности среди неограниченного числа участников.

Демократизация отношений собственности – это объективный процесс, но в результате

субъективной институционализации собственности авторы Конституции РФ нашли формулировки, искажающие реальность в интересах олигархической и бюрократической верхушки общества. На основе институциональных установок государственная собственность фактически передана институциональному лицу – государству, а от его имени – государственной бюрократии. «Государственная собственность предстает как иррациональная, а в некотором смысле даже теневая, поскольку служит юридическим прикрытием для деятельности чиновников, в частных целях использующих «свои» властные полномочия» [4, с. 188].

Однако в Конституции РФ зафиксировано также положение о том, что источником власти в стране является его многонациональный народ. На этом основании обоснованно сделать вывод, что народ, являясь источником власти, юридически становится учредителем государства [5, с.10]. Продолжая приведенную мысль, можно утверждать, что собственником государственного имущества является народ как учредитель государства. Обобщая противоречивые положения Конституции РФ, можно с уверенностью утверждать, что российский народ является законным собственником государственного имущества.

Учитывая социальный характер отношений собственности, можно выдвинуть положение, что собственниками любого имущества являются реальные субъекты или их объединения, выступающие учредителями институциональных образований (корпораций, муниципальных объединений, государства и т.д.). Во–вторых, принимая во внимание содержание закона демократизации собственности, можно утверждать, что любая форма собственности является результатом объединения долей частной, долей личной и долей иных форм собственности разного состава учредителей. Отсюда, корпоративная собственность есть объединение долей частной, долей личной и долей иной собственности учредителей акционерного общества; муниципальная собственность есть объединение долей частной, долей личной и долей иных форм собственности учредителей муниципального объединения; государственная собственность есть объединение долей частной, долей личной и долей иных форм собственности учредителей государства. В–третьих, опираясь на положение, что учредители являются собственниками соответствующего имущества, можно сделать вывод, что собственниками корпоративной собственности являются учредители акционерного общества, или его акционеры; собственниками муниципального имущества являются учредители муниципального объединения, т.е. население муниципальной территории; собственниками государственного имущества являются учредители государства, т.е. действительные граждане государства. Закон демократизации собственности выражает объединение долей собственности неограниченного числа учредителей новых форм собственности [6, с. 81–92].

В экономическом смысле государство представляет собой общенациональную корпорацию, акционерами которой являются все граждане государства. Впервые эту мысль высказал А. Н. Силин, который писал: «Своеобразной корпорацией является государство, располагающее весьма значительной собственностью» [7, с. 41]. В этом отношении граждане государства являются учредителями–вкладчиками данной корпорации. Как долевые собственники имущества общенациональной корпорации, граждане государства являются собственниками государственной гражданской собственности. Они имеют фактическое, реальное, но не юридическое право установить свою долю собственности, получить долю государственной прибыли и право на реальное управление государственным имуществом. Практически реализовать очевидные, назревшие проблемы мешают стереотипы экономических институтов, препятствующие выходу цивилизации на качественно новый уровень развития.

Следует различать объективный и субъективный варианты реализации закона обобществления собственности. Объективный вариант реализации закона обобществления собственности связан с последовательной демократизацией собственности, а субъективный вариант реализации закона обобществления собственности связан с сознательно поддерживаемой монополизацией собственности.

Таким образом, обобществление собственности предполагает возможность как демократизации, так и монополизации собственности.

Совершенно очевидно, что объединившие свои доли собственности учредители новой формы собственности являются ее долевыми собственниками. Учредители внесли свои реальные инвестиционные вклады, а поэтому объективно нет никаких сомнений, что они и есть действительные собственники новой собственности. Очевидность долевой собственности учредителей признается в таких формах собственности, как кооперативная, акционерная, глобальная.

Логика нарушается, когда речь заходит о муниципальной и государственной собственности. Повсеместно в мире муниципальная и государственная собственности не признаются как совокупности долей учредителей, внесших свой инвестиционный вклад в соответствующее имущество. Речь идет о юридическом непризнании граждан страны собственниками государственной собственности и населения территориального объединения собственниками муниципальной собственности. Экономическая очевидность долевой муниципальной и долевой государственной собственности субъективно, юридически не признается вот уже несколько тысяч лет.

Исключая граждан страны и население муниципального объединения из состава собственников, действующее право фактически создает условия использования в корыстных целях олигархией и высшей бюрократией государственной и муниципальной собственности. Более того, юридические формулировки государственной и муниципальной собственности в Конституции РФ, Гражданском Кодексе и других юридических актах, практически передают государственную и муниципальную собственности олигархии, высшей бюрократии и примкнувшим к ним социальным группам.

Соответствие экономической и юридической форм собственности в нашем случае означает необходимость изменения правовых норм в соответствии с требованиями объективных экономических законов обобществления и демократизации собственности. Правовая реализация законов обобществления и демократизации собственности является первоочередной мерой оздоровления экономики и общества.

Демократизация собственности есть путь обеспечения мира и согласия, объединения и сотрудничества, поддержки и взаимопомощи между всеми членами общества, обеспечивающий экономический прогресс и процветание, оптимистическое будущее человеческой цивилизации.

Экономический закон системной демократизации собственности.

Действительная, устойчивая и необратимая демократизация собственности осуществляется как системная демократизация собственности. Она выражает экономические отношения превышения совокупного присвоения над совокупным отчуждением экономических благ широкими слоями трудящихся. Демократизация отношений собственности проявляется только как системная демократизация собственности. Это третий закон демократизации отношений собственности.

Полную картину состояния отношений собственности дает оценка соотношения совокупного присвоения и совокупного отчуждения собственности, доходов и богатства конкретными социальными группами общества. Показатели соотношения частного присвоения и частного отчуждения могут ввести в заблуждение относительно оценки состояния отношений собственности. Например, высокая заработная плата может привести к ложному выводу о высоком уровне присвоения собственности, если не рассматривать всю систему отношений присвоения—отчуждения собственности, продукции и доходов по поводу высокой заработной платы. Высокая заработная плата свидетельствует о качестве присвоения только в фазе производства продукции. На последующих стадиях воспроизводства отчуждение может достигнуть уровня, который свидетельствует о низком уровне жизни субъекта с высокими размерами первоначальной заработной платы. Реальная картина состояния собственности определяется полным соотношением между совокупным присвоением и совокупным отчуждением экономических благ в обществе, присущим основной массе населения.

Превышение совокупного присвоения над совокупным отчуждением собственности, продукции и доходов социальной группой работников представляет собой системную демократизацию собственности. Превышение совокупного отчуждения над совокупным присвоением экономических благ трудособственниками означает системную монополизацию собственности.

Современная монополистическая модель характеризуется превышением совокупного отчуждения над совокупным присвоением собственности трудящимися. Демократическая модель отличается выравниванием отношений присвоения – отчуждения собственности трудящимися и построением экономики общественного прогресса. Креативная модель выделяется превышением присвоения над отчуждением собственности трудящимися и построением экономики процветания.

Заключение.

Содержание статьи показывает, что процесс демократизации собственности реализуется как система взаимосвязанных законов. Закон обобществления собственности представляет собой соединение долей частной, долей личной и долей иной собственности и образование новой формы собственности более высокого уровня обобществления. Отсюда любая обобществленная собственность есть долевая собственность учредителей новой формы собственности. Долевая собственность – это собственность учредителей–вкладчиков, которыми являются представители разных социальных групп общества.

Обобществление собственности означает соединение собственности возрастающей численности членов общества. Возрастание численности учредителей новых обобществленных форм собственности есть действительный процесс демократизации собственности.

Поскольку сама собственность представляет собой экономическую систему отношений присвоения–отчуждения экономических благ, постольку демократизация собственности может быть представлена только как системная демократизация собственности.

Таким образом, результаты исследования показали наличие системы законов демократизации собственности. Демократизация собственности есть триединство взаимосвязанных законов обобществления, непосредственно демократизации и, наконец, системной демократизации собственности.

Существование объективных законов демократизации собственности вызывает необходимость их правовой реализации. Экономическая и общественно–политическая системы стабильны и эффективны, если правовая система соответствует объективным экономическим законам. В современных условиях приходится констатировать, что правовая система не соответствует содержанию и требованиям объективным экономическим законам демократизации собственности. Несоответствие правовой системы содержанию объективных экономических законов демократизации собственности создает непреодолимую причину бесконечных противоречий современного общества.

Основой правовых законов демократизации собственности, по нашему мнению, является законодательное признание долевых вкладов в государственную и иную собственность неограниченного числа членов общества, признание долевых вкладчиков в государственную и иную собственность в качестве долевых собственников и права граждан страны на дивидендные доходы в зависимости от долевых вкладов граждан в государственную собственность. Будущие исследования в области права собственности имеют цель обеспечить эффективное сочетание демократизации права собственности и объективных экономических законов демократизации собственности.

Условием прогрессивных социально–экономических преобразований в обществе является единство действий закона обобществления собственности, закона демократизации собственности, закона системной демократизации собственности. Практическая реализация этих законов является гарантией выживания, прогресса и процветания человеческой цивилизации. Это обязательно случится, если экономическая теория «...из служанки вождей, монархов и политиков впервые начнет

превращаться в действительную научную дисциплину...» [8, с. 111].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трифонов Е. В. Всеобщий экономический закон обобществления собственности /Е.В. Трифонов // Философия хозяйства. – 2019. – №6. –С. 175–183.
2. Эрхард Л. Полвека размышлений: речи и статьи / Л. Эрхард// М.: Руссико, 1993. – С. 244.
3. Лемещенко П.С. Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество П.С. Лемещенко, К.И. Голубев // Философия хозяйства, 2014. – №1. – С.164.
4. Савченко А.В. Государственная собственность и государственный сектор как инструменты регулирования рыночной экономики: препринт. СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2004. – С.188.
5. Боткин О.И. Концептуальное обоснование роли государства в современной экономике / О.И. Боткин, О.И. Гуленок // Журнал экономической теории, 2014. – №3. – С.10.
6. Трифонов Е.В. Экономический закон демократизации отношений собственности / Е.В. Трифонов // Философия хозяйства, 2019. – №1. – С.81–92.
7. Силин А. Н. Собственность, рынок и качество экономического роста. Екатеринбург. –УО РАН, 2000. – С.41.
8. Леонтьев Б.Б. Интеллектуальная природа как основа института интеллектуальной собственности / Б. Б. Леонтьев // Экономические стратегии, 2014. – №10. – С.111.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ПОИСКА ЦИФРОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Соболева Ирина Александровна

кандидат экономических наук,
Московский технологический университет «Станкин»,
кафедра Экономики.
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: balashova_i_a@mail.ru

Сартаков Игорь Витальевич

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой информационных, сервисных и общетехнических дисциплин
Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация.
E-mail: nsk@bk.ru

Аннотация: цель данной статьи состоит в определении ключевых ресурсных индикаторов некоторых регионов-лидеров цифрового развития по использованию ими инновационных территориальных систем, цифрового потенциала, их влияние на повышение производительности труда, государственно-частное партнерство, внедрение на территориях новейших достижений науки, конкурентоспособность территориальной продукции, уровень образования и здравоохранения регионов. В работе использованы системный и интегративный подходы, методы сравнительного и статистического анализа. Исследование не подтвердило первоначальную гипотезу авторов о сбалансированности цифрового развития различных отраслей передовых регионов.

Ключевые слова: цифровизация, региональная экономика, государственно-частное партнерство, конкуренция, экология.

JEL: D73; O31

REGIONAL CONCEPT OF SEARCHING DIGITAL TRANSFORMATIONS

Soboleva Irina Aleksandrovna
Candidate of Economic Sciences
Associate Professor at the Department of Economics of the Moscow State University «STANKIN», Moscow, Russia

Sartakov Igor Vitalyevich
The candidate of pedagogical sciences, the assistant professor, The Informational, service and fundamental technical disciplines department.
Novosibirsk State Pedagogical University.
Novosibirsk, Russia.

Abstract: the purpose of this article is to identify key resource indicators of some of the leading digital development regions for their use of innovative territorial systems, digital potential, their impact on improving labor productivity, public-private partnerships, the introduction of the latest scientific achievements in the territories, the competitiveness of territorial products, the level of education and health care regions. The systemic and integrative approaches, methods of comparative and statistical analysis are used in the work. The study did not confirm the authors' initial hypothesis about the balanced digital development of various industries in advanced regions.

Keywords: digitalization, regional economy, public-private partnership, competition, ecology.

Процессы ускоренной переориентации российской экономики на инновационный путь развития и цифровые рельсы являются для РФ важнейшей стратегической задачей, которая позволит

преодолеть отставание в социально-экономическом развитии, устранить последствия экономического кризиса и западных санкций. Сегодня перед Россией стоят прорывные исторические задачи, - отметил в Послании к Федеральному Собранию В.В. Путин. Эти вызовы диктуют российским регионам необходимость повышения конкурентоспособности экономики, что невозможно без цифровизации. Поэтому возникла потребность выбора такой модернизационной стратегии управления территориями, которая наилучшим образом сможет учитывать инновационную специфику данной местности. Строя гипотезы о будущем переустройстве экономики, целесообразно выявить прорывные технологии, наиболее точно отражающие суть новой технологической волны и обладающие наибольшим потенциалом для реализации перемен в хозяйственной системе [1, с.44]. Стратегия информационного общества должна способствовать повышению производительности труда, развитию человеческого потенциала, обеспечению безопасности граждан, как в регионах, так и в целом в стране.

В настоящее время процессы цифровизации стремительно развиваются в России на региональном уровне. Здесь лидером является Москва, больше половины населения которой являются активными пользователями городских электронных услуг. Столица осуществила огромный рывок в этой области и занимает высокие места в мировых рейтингах.

В целом в стране сформирована цифровая инфраструктура, но её характеризует отсутствие стандартизации данных, слабое взаимодействие между региональными и федеральными системами. Тогда как сегодня регионам необходимо интенсивно обмениваться не только данными, но и лучшими своими достижениями, когда определяются регионы-лидеры, на которых следует равняться. В связи с этим целью исследования выступает определение ключевых ресурсных индикаторов некоторых регионов-лидеров, рассмотрение уровня использования ими цифрового потенциала территориальных инновационных систем. Авторы выдвигают гипотезу о сбалансированном развитии в передовом регионе всех направлений цифровизации.

Региональная экономика, проблема неравенства регионов издавна интересует ученых всего мира. Ещё В. Парето в конце XIX в. поднимал вопрос неравномерности распределения доходов между регионами в различных странах. Х. Годой считает, что развитие технологических инноваций во многом зависит от спроса рынка и материального и ресурсного обеспечения научно-исследовательских работ [2]. Х. де Грут, Дж. Пут, М. Смит исследуют, как активное использование инновационных ресурсов и цифровизации обеспечивает устойчивость формирования и развития региональной экономической системы [3]. Российских ученых тоже интересует данная проблема. Так, например, В.В. Кислицына с коллегами обоснованно отмечает, что функционирование региональной системы должно обеспечивать положительную динамику её экономического, социального и экологического потенциалов [4, с. 369]. Анализ зарубежной и отечественной литературы показал, что регион является не только распорядителем ресурсов для инновационного развития и цифровой экономики, но он обеспечивает их привлечение и рациональное использование, создает конкурентоспособную экономику. От того, насколько данная территория обеспечена экономическими ресурсами, как она их использует и насколько эффективно развито государственно-частное партнерство, зависят в конечном итоге её экономический рост или стагнация. Подобный подход выбран нами на том основании, что он дает возможность проанализировать состояние ресурсного обеспечения наиболее развитых и передовых регионов, сопоставить их цифровое, инновационное развитие.

Цифровая экономика названа Президентом России в ряду национальных интересов. Под информационной экономикой понимается этап развития глобальной экономической системы, в которой главными производительными факторами и ресурсами являются нематериальные активы; данные, информация и знания [5, с.43]. Информация, а конкретнее, энергия и информация, технологическая производственная информация, представлены как основной ресурс цифровой экономики [6, с.8]. Цифровая экономика – это и новая социо-культурно-экономическая реальность в современном мире, «умная» действительность. Она сопровождается переходом от роботизации производства

благ массового потребления к товаром с индивидуальными особенностями в принципе для каждого потребителя [7,с.194,195]. Иными словами, цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, стержневым фактором которой являются данные в цифровой форме.

На основе цифровизации на местах разработаны долгосрочные стратегии социально-экономического развития. Например, в Новосибирской области в марте 2019 г. была утверждена новая стратегия социально-экономического развития до 2030 г., подобные стратегии начали функционировать в Республике Татарстан, Самарской области, в Красноярском крае и др. Эти региональные программы подготовлены не только органами власти на местах, но и учеными. Их анализ выражает стремление территориальных управленцев иметь в распоряжении научно обоснованные перспективы формирования цифровой экономики. В них большое внимание уделяется бизнесу и его взаимодействию с органами власти.

Подобная обстановка создана, например, в республике Татарстан, который с 2014 г. входит в тройку лидеров среди регионов РФ по созданию среды для ведения бизнеса [8, с.79]. Территорию данного региона выбирают не только российские предприниматели, но и зарубежные партнёры. Здесь установлены систематические экономические связи с Казахстаном, Беларусью, Туркменистаном, Узбекистаном. Не ослабляются и деловые контакты с некоторыми регионами из стран дальнего зарубежья. За последние годы число экономических контактов увеличилось до 150. В одном только 2017 г. его внешнеторговый оборот составил 16,9 млрд. долл., что превысило аналогичный показатель 2016 г. в 1,4 раза. При этом объем республиканского экспорта составил 13 млрд. долл., импорта- 3,9 млрд. долл. [8,с.83]

В Татарстане создана особая экономическая зона (ОЭЗ) промышленно-производственного типа «Алабуга», в которой инвесторам предоставляется развитая инфраструктура и налоговые льготы. На этой территории зарегистрировано 57 резидентов, 30 заводов уже осуществляют производственную деятельность. Освоено 121 млрд. руб. инвестиций, создано более 6,6 тыс. новых рабочих мест [9,с.13]. На территории ОЭЗ реализуются проекты резидентов в сфере машиностроения, композиционных материалов, пищевой промышленности, деревообработки, производства стекла.

Татарстан - промышленная территория, он занимает 7 место по объёму ВРП среди субъектов РФ [9,с.13]. С 2010 г. здесь разработана и реализуется программа бережливого производства и бережливого управления предприятиями, что способствует повышению эффективности производства. Промышленный сектор формирует более 40% ВРП республики. Ключевыми звеньями в инновационной инфраструктуре выступают технопарки, индустриальные парки и кластеры.

Ядром автомобилестроительного кластера является ПАО «КАМАЗ», входящий в топ 20 мировых производителей. В 2017 г. им было реализовано 38,2 тыс. автомобилей. Всего за время работы предприятия с конвейера сошли более 2 млн. машин [9,с.21]. В настоящее время «КАМАЗ» в сотрудничестве с «Daimler» реализует крупнейший проект по строительству завода каркасов кабин для автомобилей нового поколения. Это предприятие стало и одним из первых отечественных производителей, освоивших на российском рынке уникальную модель пассажирского транспорта — электробус «КАМАЗ-6282». Сегодня его в больших количествах закупает Москва. Подобный электробус был создан и в Новосибирске совместно с Роснано, но он не выдержал конкуренции [10,с.46].

Успешному развитию бизнеса Татарстана способствует хорошая инфраструктура, в том числе дороги. В регионе проводится огромная работа по ремонту дорог с использованием самых современных технологий, с применением специального покрытия асфальтобетонной смеси, что повышает их долговечность. Для этого были приобретены современные асфальтосмесительные установки ведущих мировых производителей, налажен выпуск всех типов асфальтобетонных смесей с большой точностью соответствия стандартам, внедрена цифровая система автоматического управления строительной техникой. Высокая точность производства работ от сооружения земляного

полотна до укладки покрытия является залогом долговечности и качества создаваемых объектов дорожного строительства.

Цифровизация в Татарстане проникла практически во все отрасли экономики и жизни. Так, в сфере здравоохранения с 2013 г. работает государственная информационная система «Электронное здравоохранение», как и в Москве объединившая все медицинские учреждения в единую информационную среду. В системе ведется электронная медицинская карта пациента с описанием его обращений к врачу, оказанных услуг и поставленных диагнозов. Здесь сформирован и модуль Центральный архив медицинских описаний, в котором хранится более 2 млн. цифровых исследований [8, с.80]. По примеру Татарстана и Москвы подобные электронные архивы стали создаваться и в других регионах.

Например, в Ярославской области основан архив эндоскопических и маммографических исследований. В этом регионе имеется и положительный опыт развития телемедицины. К телемедицинскому порталу подключены 53 медицинские организации области. В одном только 2017 г. проведено около 1 000 заочных консультаций [11, с.63]. Существует и компьютерное рассмотрение рентгена, УЗИ и других исследований. Анализ электронного здравоохранения показывает, что оно оптимизировало работу врача при приёме пациента, повысило доступность и скорость медицинских услуг, в том числе и скорой помощи. Однако, средств регионов на эти цели не хватает, отрасль финансируется слабо, страдает также в большинстве регионов и управление медициной. К сожалению, генеральная задача - оснащение больниц и амбулаторий современной техникой отечественного производства - пока не решена [12, с. 259]. С 2016 г. лидерами по объёму бюджетных расходов на здравоохранение является Москва (196 млрд. руб.) и Московская область (54,8 млрд. руб.), что во многом обусловлено высоким уровнем социально-экономического развития столичного региона.

Цифровая экономика предполагает создание комфортной среды проживания населения и обучение в течение всей жизни. Образование становится стратегическим ресурсом, от состояния которого зависит положение всего общества в целом [13, с.169]. В сфере образования Татарстана функционирует государственная информационная система «Электронное образование», услугами которой пользуются учителя, ученики, родители, руководители школ.

На базе техникума Информационных технологий и связи Казани действует учебный центр для подготовки программ по обучению специалистов в области информационных технологий. Ведь в настоящее время происходит масштабная трансформация существующих профессий, многие из которых «вымирают», поэтому ключевыми становятся цифровые навыки и возможность быстрого приобретения новой специальности. Тогда как задача средних и высших учебных заведений готовить таких специалистов и развивать цифровые навыки населения.

Подготовку подобных кадров самых востребованных производств осуществляет, например, московский колледж предпринимательства № 11. На занятиях учащиеся здесь разрабатывают мобильные приложения и игры, создают не только виртуальную реальность, но и многие компоненты «умного» дома. Его студенты неоднократно являлись победителями соревнования WorldSkills. Этот колледж оснащен самым современным оборудованием, всевозможными роботами, которых студенты программируют и управляют ими. В учебном заведении созданы и специальные дополнительные группы по интернету вещей, как для школьников, так и для людей старшего поколения, сформирована группа 55+

В колледже обучают не только самым современным профессиям, но и стараются связать обучение с практикой. Эта традиция ведется ещё от дореволюционных предпринимателей Москвы, когда, например, М.Н. Бардыгин все время следил за тем, чтобы образование в учебном заведении (созданном им в Подмоскowie), было тесно связано с практикой и жизнью [14, с.178]. В колледже предпринимательства имеется, например, симулятор кабины поезда. Сегодня более 50 московских колледжей, готовящих специалистов по перспективным направлениям, оснащены

высокотехнологичным оборудованием.

Для осуществления цифровизации нужны талантливые специалисты, поэтому необходимо их постоянное выявление. В настоящее время все большее значение придается выявлению талантов в школе и работе с одаренными и творческими учащимися [15,с.320]. Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что в рамках цифровой связанности формируются новые формы взаимодействия человека и машины, улучшаются механизмы передачи цифровых установок физическому миру. Автоматизация не только вытесняет мускульную силу человека и ставит современные задачи, по которым должны находить решения вместе интеллектуальный человек и машина.

Большое внимание уделяют подготовке качественного человеческого капитала и в Кемеровской области. В 2019 г. в Кемерово было открыто кадетское училище, специализирующееся на ИТ технологиях. В регионе функционирует 2 детских технопарка, запущен и мобильный технопарк «на колесах» [16, с.6]. Кузбасс уделяет большое внимание и оказывает поддержку молодым педагогам, ежегодно здесь проводится более 20 областных конкурсов. Такие, как «Педагогические таланты Кузбасса», «ИТ-педагог Кузбасса XXI в.», «Лучший образовательный сайт» и др. Активно развивается институт наставничества, создана региональная база педагогов-наставников. В области в 2018 г. был проведен комплексный аудит эффективности системы образования Центром стратегии развития образования МГУ. Московские эксперты заключили, что в регионе действует эффективная система образования, уделяющая значительное внимание формированию цифрового обучения и занимающая одну из высших позиций в стране, которая может стать визитной карточкой Кузбасса. Говоря о Кемеровской области, нельзя не отметить, что, несмотря на достижения в системе образования, экономику регион диверсифицировать не сумел.

Цифровизации огромное внимание уделяют и в профессиональных образовательных учреждениях Самарской области. Здесь созданы Попечительские советы, в которых участвуют руководители предприятий, они входят и в состав государственных аттестационных комиссий, что не только способствует связи образования с практикой, но и позволяет лучше финансировать учебные заведения. В последнее время «... работодатели все чаще участвуют в оценке качества образования..., входят в состав Государственных аттестационных комиссий...» [17,с.73]. Пристальное внимание к образованию способствовало тому, что регион занял 4 место в движении «Молодые профессионалы». Шесть его колледжей входят в ТОП-100 лучших образовательных организаций движения «Молодые профессионалы» [18,с.50].

В области образования в Самарском регионе осуществляется тесное взаимодействие с КНР через реализацию молодежных обменов. Здесь раз в два года проводится российско-китайский молодежный форум Волга-Янцзы. На нем осуществляет совместные научные разработки в области предпринимательства, журналистики, культуры молодежь России и Китая. Все это ведет к повышению уровня взаимодействия экономик России и Китая, ... сотрудничество стало точками экономического роста наших стран на новом технологическом уровне [19,с.13].

Задача цифровой экономики состоит и в помощи государству и регионам в сохранении и улучшении экологии. Экология в отличие от менталитета как константы является лишь потенциалом, которым нужно умело пользоваться, чтобы не получить экологическую проблему как глобальную [20,с.33]. Руководству регионов необходимо приучать бизнес и население соблюдать экологические стандарты, а предпринимателей стимулировать к созданию предприятий по переработке отходов. «Акцент на социальную ответственность бизнеса в области экологии может стать одним из наиболее сильных стимулов для масштабной инновационно- технологической модернизации российской экономики» [21,с.11].

Сегодня российское государство крайне заинтересовано в создании мусороперерабатывающих предприятий, которые уже начали функционировать во многих регионах страны, например, в Московской, Самарской областях. На территории Самарского региона предусматривается реализация

большого количества мероприятий по строительству объектов сортировки и переработки ТКО.

Созданию «разумной среды» в «умном городе» уделяется большое внимание и в Новосибирской области, где формируется новая система обращения с твердыми коммунальными отходами. Здесь вспомнили положительный концессионный опыт НЭПа, когда правительство было заинтересовано в быстрейшем и широком развертывании концессионного предприятия... и в том, чтобы предприятие было в полной исправности и на уровне современной техники [22,с.67]. В 2018 г. руководство Новосибирской области заключило концессионное соглашение с ООО «Экология – Новосибирск». Компания превратилась в регионального оператора по обращению с ТКО, оказывающего услуги, связанные со сбором и утилизацией отходов.

Борьба за экологическую чистоту в Новосибирске только начинается, население пока не привыкло к сортировке отходов, руководство региона стало проводить с ним большую просветительную работу, используя СМИ и Интернет. Часть предприятий начала внедрять современные безотходные технологии. Например, ОАО «Экран», выпускающей стеклотару, занялся модернизацией производства с внедрением новой технологии для снижения веса стеклотары. Благодаря этому вес пол-литровой бутылки уменьшился с 360 г до 285 [23,с.19]. Данная технология способствовала сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу, привела к значительной экономии сырья и способствовала оптимизации расходов на транспортировку.

В Томской области начато строительство 7 мусоросортировочных, 3 мусоросжигательных комплексов, приступили к ликвидации 17 экологически опасных объектов. В Томской области, богатой лесами, началась реализация проекта «Сохранение лесов», для чего привлекаются не только специалисты в области лесного хозяйства, но и ученые. На восстановление лесов в 2019–2021 гг. будет потрачено почти 200 млн. руб. [24,с.6]. Начато обновление противопожарного оборудования, инвентаря, приобретается лесовосстановительная техника, в чем активно помогает региону бизнес, однако, значительная часть тайги региона ещё остается заваленной суховеем. Экологическая деятельность фирмы затрагивает не только отношение компании к окружающей среде, но и степень гармоничной интеграции фирмы в окружающее сообщество. Важнейшей задачей предпринимателей является... внедрение безотходных и ресурсосберегающих технологий; инвестиции в энергосберегающие экологически эффективные технологии, которые приводят к существенному уменьшению издержек компании, повышают её конкурентоспособность, укрепляют её авторитет [25,с.155].

Одной из главных задач бизнеса и руководства Самарской области как раз и является усиление конкурентоспособности экономики. За год внешнеторговый оборот региона вырос на 15%, причем объем экспорта увеличился на 18% [26, с.7]. По масштабу экономики Самарская область сегодня входит в десятку крупнейших регионов страны. Здесь производится 1,5 трлн. руб. ВРП, около 2% от ВРП всех субъектов РФ [26,с.8]. Однако, цифровизация таит и множество опасностей, в том числе и в области конкурентоспособности. При отсутствии шумпетерианской конкуренции поведение бизнесменов становится рентоориентированным, нацеленным на укрепление своего рыночного положения и извлечения выгод за счет укрепления уз с государственными органами... [27,с.32]. К сожалению, данный процесс характеризует в настоящее время многие бизнес-структуры страны, а цифровая экономика может привести к его усилению.

В Самарской области сложились 4 территории опережающего социально-экономического развития, одна из них «Тольятти», лидирующая по числу резидентов, включенных в федеральный реестр. В ТОСЭР «Тольятти» привлечено 45 инвесторов. За 2 года ими создано более 2,5 тыс. рабочих мест, инвестировано св. 1 млрд. руб., и уплачено 124 млн. руб. налогов [26,с.6]. На территориях опережающего социально-экономического развития создаются не только благоприятные условия для предпринимательства, но и для реализации ими проектов цифровой и инновационной экономики. Ведь в среде больших данных информационно-коммуникационные технологии превращаются в инструмент извлечения не только прибыли непосредственно из информационных процессов, но и

получения новой глобальной ренты-цифровой ренты [28,С.15]

Самарская область вошла в топ-4 регионов страны по уровню развития государственно-частного партнерства наряду с Москвой, Санкт-Петербургом и Московской областью. В сфере ГЧП с 2013 г. введен принцип проектного управления, когда реализовывается индивидуальное сопровождение проектов. Осуществляется также обучение инвесторов и представителей органов управления. С 2018 г. расширено применение механизмов ГЧП, например, запущены проекты в сфере судебно- медицинской экспертизы, сельского хозяйства. В 2018 г. в Самарской области инвестиции в основной капитал частных инвесторов выросли на 5,9%, были открыты 13 новых промышленных производств. В 2018 г. было введено 7 объектов стоимостью 4,8 млрд. руб., создано 1 050 рабочих мест. В настоящее время значительное количество занимают проекты медицинского направления, их реализация позволит создать 2 тыс. рабочих мест [26,с.11].

Самарская область по цифровизации, уровню развития телекоммуникационной инфраструктуры занимает одно из ведущих мест в России. С 2018 г. в регионе начал работу проектный офис цифрового развития, в состав которого вошли представители органов исполнительной и муниципальной власти, общественных организаций, бизнес-сообщества. Его задачами является вывод регионального предпринимательства на федеральный и международный уровень, реализация наиболее эффективных цифровых проектов, как для бизнеса, так и для населения региона, усиление связи предпринимательства с гражданским обществом. Ведь предпринимательство должно стать органической составляющей российской действительности [29,с.4]. Одна из целей проектного офиса заключается и в том, чтобы привлечь в область новых инвесторов по 5 основным наиболее конкурентоспособным направлениям. Например, при участии проектного офиса Самарский государственный медицинский университет с ИМЦ концерна «Вега» стали осуществлять производство нейротренажеров для реабилитации после инсульта с применением технологии виртуальной реальности [26, с.26].

Большое внимание на территории региона уделяется цифровой безопасности, так, второй год здесь действует Центр кибербезопасности, являющейся первым подобным проектом в России. Он выявил и обработал более 5 млн. инцидентов информационной безопасности, из которых 200 тыс. имели высокий уровень критичности [26, с.26]. Возможности платформ по сбору и обработке больших данных о пользователях увеличивают риски информационной асимметрии между мощными системами ЦП и ограниченными человеческими возможностями, нарушения конфиденциальности персональных данных, «хищнического» ценообразования, манипуляции рынками и потребителями... [30, с.27]. Виртуальная цифровая третья «научная» революция ведет уже к победе не просто цифры, математики, но «иллюзорной математической мнимости», всепобеждающей цифровой виртуальности [31, с.17]. В связи с эти российские предприниматели, управленцы и простые пользователи Интернета не должны забывать о цифровой безопасности и не экономить на этом, что наблюдается в настоящее время в большинстве регионов. Потери могут быть невосполнимы.

Жители Самарской области становятся все более активными пользователями электронных госуслуг - 79,8% населения, это значительно больше, чем в целом по стране. Регион стал 4-м по посещаемости единого портала госуслуг в 2018 г. после Москвы, Московской обл. и Санкт-Петербурга. В области активно функционирует электронное правительство, которое представляет собой качественно новый уровень организации публичной власти, опирающейся на гражданское общество. Применение информационно- коммуникационных технологий дает возможность сформировать иные модели взаимодействия государства, бизнеса и граждан, направленные на повышение качества государственного управления.

Напортале государственных услуг России в настоящее время зарегистрировано 85 млн. пользователей [32]. Это примеры эффективной реализации демократии в стране, дающие возможность услышать мнение населения. Одним из примеров такой работы является проект «Активный гражданин» в Москве, который позволяет проводить общегородские голосования по широкому

спектру вопросов. Ведь сегодня гражданское общество все более явно предъявляет государству требование о равноправном использовании общедоступных информационных ресурсов и принятии решений с учетом мнения населения.

Цифровизация и инновационная экономика невозможны без науки и высшего образования. В связи с этим нельзя не сказать о прекрасной системе высшего образования в старинном сибирском городе Томске. Томский государственный и Томский политехнический университеты получили статус национальных исследовательских и участвуют в федеральном проекте «5-100». Сибирский государственный медицинский университет — первый и единственный в России опорный медицинский вуз. В настоящее время в высших учебных заведениях Томска учится молодежь из 78 регионов РФ и 79 стран мира [24, с.4]. В Томске начато строительство многофункционального студенческого кампуса, его создание даст возможность региону сформировать научно-образовательный центр мирового уровня.

Благодаря существованию широких связей с наукой промышленное производство Томской области активно осуществляют цифровизацию и переходит на инновационные рельсы. Необходимо усилить отечественные связи науки с производством [33, с.350]. Например, с ПАО «Газпромнефть» и нефтехимическим холдингом «СИБУР» томичи создали кроссиндустриальный центр совместных технологических разработок. Анализ свидетельствует о том, что здесь имеет место новый формат сотрудничества компании с университетами, научными центрами, предприятиями промышленного сектора экономики. Главными задачами центра является осуществление цифровой трансформации процессов разведки и добычи нефти.

Одним из лучших регионов в России по внедрению научных разработок в производство является Новосибирская область. Этот процесс ещё больше усилится после начала внедрения проекта Академгородок 2.0, который объединит научный потенциал и производственные мощности Академгородка, наукограда Кольцово, Бердска и Краснообска. Уже сегодня экосистема одного только Академпарка объединяет 300 инновационных компаний-резидентов с суммарным объемом выручки более 27 млрд. руб. [34, с.47]. Главная цель проекта — ускоренный переход к экономике знаний, создание масштабной рабочей модели такой экономики, приносящей значительную прибыль. Данный проект должен стать основой модели по созданию инновационной инфраструктуры для регионов с высокой концентрацией исследований, внедряемых в производство. В масштабах страны — это абсолютно новый опыт, который позволит сформировать опорные точки научно-технологического развития страны, а региону стать в дальнейшем во главе данного процесса. Осуществление этого проекта позволит создать и более благоприятные условия для ведения бизнеса, даст возможность реализовывать запуск инновационных высокотехнологичных проектов. Хотя и сейчас в этом регионе больше, чем в других областях страны доля населения, занятого в наукоемких отраслях производства, но конкурентоспособность инновационной продукции слабая, в регионе плохие дороги и низкий уровень жизни.

Цифровая экономика предоставляет широкие возможности для развития кластеров, в последние годы стали формироваться кластеры самых различных направлений. Так, в Ярославской области, являющейся высокотехнологичной по уровню промышленного производства, туристическая отрасль становится одной из опорных точек роста. Здесь созданы и активно развиваются туристско-рекреационные кластеры. Например, ТРК «Золотое Кольцо», «Ярославское взморье». Сумма инвестиций по пакету реализуемых проектов в сфере туризма составляет в области более 10 млрд. руб. [35, с.8]. Концепция региональной кластеризации состоит в привлечении на территорию инвестиций предпринимательских инновационных структур благодаря оптимизации и инновационной привлекательности территории. Одним из институтов, стимулирующих производство цифровых благ, выступает инновационный ...кластер, который... можно трактовать как форму пространственного объединения предприятий и организаций, взаимодействующих с целью активизации цифрового

развития с использованием современных технологий [36, с.14].

Таким образом, проведенный анализ цифровизации регионов свидетельствует о значительной дифференциации различных показателей инновационного развития даже в самых передовых субъектах РФ. Причем подчас передовой регион по цифровизации и инновационному развитию, может быть одним из отстающих по уровню жизни населения и комфортности среды проживания. Например, Новосибирская область, где очень высокий инновационный потенциал, плодотворно осуществляются связи науки с производством, значительной является предпринимательская активность, но низка конкурентоспособность инновационной продукции, регион сильно отстает по транспортной доступности территории, комфортности проживания.

Во многих передовых инновационных регионах остро стоит тема жилищно-коммунального строительства, в особенности проблематика аварийного жилья и износившихся коммуникаций, характеризует регионы Сибири. Например, в Кемеровской области, где зимой средняя температура достигает -25 градусов, большинство коммуникаций требуют срочной замены, тогда как средства отсутствуют. В Кузбассе действует очень эффективная система образования, но экономику регион диверсифицировать не сумел.

В большинстве областей России прослеживается низкий уровень здравоохранения и объясняется это не только нехваткой средств, но и слабой организацией управления отраслью, нежеланием многих управленцев перестраиваться, внедрять цифровую диагностику.

В некоторых областях Центральной России, например Ярославской области, проблема заключается не только в инфраструктурном потенциале, но и пассивности населения, недостаточном желании и возможностях старшего поколения пользоваться плодами цифровизации. Все это негативно влияет на результативность инновационной деятельности.

В Томской области, где одна из лучших систем высшего образования в стране, несмотря на большую работу по экологической ответственности, леса все ещё завалены суховеями, что приводит к пожарам. Из вышесказанного следует, что гипотеза о сбалансированности цифрового развития передовых регионов не нашла подтверждения. В то же время нельзя не отметить, что Москва показывает высокие значения почти по всем показателям, находясь вне конкуренции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рязанов В.Т. Новая технологическая революция: ожидания и варианты будущей модели экономики / В.Т. Рязанов // Экономическое возрождение России, 2019. – №4 (62). – С. 43-50.
2. Godoe H. Innovation regimes, R&D and radical innovations in telecommunications // Research Policy. 2000. – Volume 29. – Issue 9. December. – P. 1033–1046.
3. De Groot H., Poot J., Smit M. Agglomeration externalities, innovation and regional growth: theoretical perspectives and meta-analysis / Capello R. (Ed), Handbook of Regional Growth and Development Theories. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2009. 529 p.
4. Кислицына В.В. Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов / В.В. Кислицына // Экономика региона, 2017. – Т. 13. Вып. 2. – С. 369.
5. Осипов Ю.М. Информационно-цифровая экономика: концепт, параметры и механизмы реализации / Ю.М. Осипов, Т.Н. Юдина, И.З. Гелисханов // Вестник Московского государственного университета. Серия Экономика, 2019. – №3. – С.41-60.
6. Юдина Т.Н. Цифровой сегмент реальной экономики: цифровая экономика в контексте аналогичной//Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 2019. – Т.12. –№ 2. – С.7-18.
7. Юдина Т.Н. Цифровая экономика сквозь призму философии хозяйства в политэкономии /Т.Н. Юдина, И.М. Тушканов //Философия хозяйства, 2017. – №1. – С. 193-201
8. Минуллина Т.И. Республика Татарстан- территория возможностей и центр умных инвестиций

- /Т.И. Минуллина // Аналитический вестник Совета Федерации, 2018. – №22. – С.79-83.(107 с.)
9. Минниханов Р.Н. О социально-экономическом развитии республики Татарстан / Р.Н. Минниханов // Аналитический вестник Совета Федерации, 2018. – №22. – С.4-21.(107 с.)
10. Юдина Т.Н., Балашов А.М. Потенциал формирования новых центров инновационной экономики и роль в них предпринимательства (на примере Новосибирской области) /Т.Н. Юдина, А.М. Балашов // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2019. – № 4(174). – С. 37-48.
11. Сайтгареев Р.Р. Состояние и перспективы развития здравоохранения и фармации Ярославской области / Р.Р. Сайтгареев // Аналитический вестник Совета Федерации, 2018. – № 13 (702). – 92 с.
12. Садовничий В.А. От традиций к инновациям: реформы здравоохранения в современном мире /В.А. Садовничий, Н.С. Григорьева, Т. В. Чубарова.- М., Экономика, 2012. –286 с.
13. Балашов А.М. Социальная ответственность предпринимателей в образовании /А.М. Балашов // Проблемы современной экономики, 2011. – № 4(40). – С.168-172
14. Балашова И.А. Вклад М.Н. Бардыгина в российское образование./И.А. Балашова, А.М. Балашов // Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин. Егорьевск, 2018. –С.274-282.
15. Юрова Н.С. Работа с учащимися через проектную деятельность предметов «Музееведение» и «Информатика»/ Н.С. Юрова, А.М. Балашов, А.М. Благина // Гео-Сибирь, 2010. – Т.6. – С.320-323.
16. Крупин А.В. Создание привлекательного инвестиционного климата - один из важнейших приоритетов Кузбасса/ А.В. Крупин //Аналитический вестник Совета Федерации, 2019. – № 10 (724). – 79 с.
17. Балашов А.М. Социальное партнерство-основа эффективного взаимодействия профессиональных образовательных учреждений, бизнеса и государства в современных условиях / А.М. Балашов, Н.И. Фаттахова //Сибирский педагогический журнал, 2013. – №4. –С.70-74.
- 18.Акопьян В.А. Лучшее – детям. Приоритеты системы образования / В.А. Акопьян // Аналитический вестник Совета Федерации, 2019. – № 8(722). – 108 с.
19. Чжан Чи Производственное сотрудничество между Китаем и Россией: возможности и приоритеты (в контексте стратегического партнерства РФ и КНР, решений XIX съезда КПК)/ чи Чжан, Т.Н. Юдина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 2 (44). – С. 13-22. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
20. Юдина Т.Н. Современная Куба в контексте геоэкономики, геополитики.../ Т.Н. Юдина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 8 (56). – С. 31-39. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
- 21.Балашов А.М. Проблемы взаимодействия бизнеса и государства / А.М. Балашов // Международный научно-исследовательский журнал, 2015. – № 7 (38). – Ч.3 С.10-11.
22. Балашов А.М. Возрождение и развитие предпринимательства в России в период НЭПа (государственно-частное партнерство с участием иностранного капитала). / А.М. Балашов // Старый Оскол, ТНТ, 2012. – 328 с.
23. Кичанов М. «Экран» ставка на инновации. / М. Кичанов //Эксперт Сибирь, 2018. – № 11-12. – С. 18-19.
24. Жвачкин С.А. В сердце Сибири, в сердце каждого / С.А. Жвачкин //Аналитический вестник Совета Федерации, 2019. – № 21 (735). – 37с.
25. Балашов А.М. Социальная ответственность предпринимательства и бизнеса в инновационном преобразовании России / А.М. Балашов// Ч.2. Новосибирск, НГПУ, 2013. – 159 с.
26. Азаров Д.И. Самарская область: цель социально-экономического развития - благо каждого человека / Д.И. Азаров // Аналитический вестник Совета Федерации, 2019. – № 8(722). – 108 с.
- 27.Тарануха Ю.В. Неошумпетерианское тестирование факторов «созидательной» конкуренции:

выводы для России /Ю.В. Тарануха// Вестник Московского университета. Серия Экономика, 2018. – №5. – С.21-40.

28. Юдина Т.Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/ или «цифровое общество» /Т.Н. Юдина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 4. – С. 13-17. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

29. Юдина Т.Н. Институциональные особенности российского предпринимательства и благотворительности: традиция и модернизация / Т.Н. Юдина, А.М. Балашов, И.А. Балашова// Старый Оскол, ТНТ, 2013. – 408 с.

30. Осипов Ю.М. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва / Ю.М. Осипов, Т.Н. Юдина, И.З. Гелисханов //Экономические стратегии, 2018. – №5(155). – С.22-29.

31.Юдина Т.Н. Деньги трех Римов. Золотой стандарт, Бреттон –Вудс и Ямайка как неоконченные истории, а цифровые финансы как их продолжение и тупик. Русский рубль как победитель (сущность реальных и виртуальных денег, золота) / Т.Н. Юдина// Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 3 (45). – С. 15-28. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

32. Официальный сайт: госуслуги – информационные материалы. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2018_12_28_Report_2018 (дата обращения: 20.05.2019).

33. Балашова И.А., Балашов А.М., Юдина Т.Н. Институциональные особенности предпринимательства и благотворительности в России IX- начало XXI в.в.М. /И.А. Балашова, А.М. Балашов, Т.Н. Юдина // ГОУ МГТУ «Станкин», 2007. – 416 с.

34. Никонов В.А. Академпарк - место для инноваций, поле для инвестиций/ В.А. Никонов// Аналитический вестник Совета Федерации, 2019. – № 27(741). – 63 с.

35. Миронов Д.Ю. Ярославская область: территория первых, территория развития / Д.Ю. Миронов // Аналитический вестник Совета Федерации, 2018. – №13 (702). – 92 с.

36.Юдина Т.Н. Формирование институциональной инфраструктуры «цифровой экономики» в Российской Федерации / Т.Н. Юдина, Е.В. Купчишина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 2019. – Т.12. – № 4. – С. 9-19.

ПОЧЕМУ ПАДАЕТ СТОИМОСТЬ РОССИЙСКИХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ?

Патрушева Елена Григорьевна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им.П.Г.Демидова»,
кафедра управления и предпринимательства
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: patr5@yandex.ru

Аннотация: В статье обсуждается зависимость уровня и динамики стоимости компаний от характеристик их инвестиционной политики. Оцениваются инвестиционная активность, эффективность и затраты на привлечение капитала десяти отечественных машиностроительных компаний, что позволило установить динамику их стоимости. Сделан вывод о существенной долговой зависимости и неэффективном использовании привлекаемого капитала, вызвавших падение уровня стоимости машиностроительных компаний. Выполнен сравнительный анализ динамики стоимости в 2018 г. по сравнению с результатами, полученными для данной совокупности компаний в 2007 г. Сделан вывод об усугублении негативных тенденций и необходимости совместных усилий менеджмента и государства с ориентацией на рост стоимости машиностроительных компаний как необходимого условия их выживания на рынке.

Ключевые слова: стоимость компаний; инвестиционная политика, инвестиционный капитал; рентабельность и цена инвестиционного капитала; экономическая добавленная стоимость.

JEL: G32.

GROWTH IN THE VALUE OF THE RUSSIAN MACHINE-BUILDING COMPANIES

Elena G. Patrusheva,
doctor of Economics, Professor
Professor of the Department of management and entrepreneurship, «Yaroslavl state University.
P. G. Demidova»
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article discusses the dependence of the level and dynamics of the value of companies on the characteristics of their investment policy. The investment activity, efficiency and capital raising costs of ten domestic engineering companies are evaluated, which allowed us to determine the dynamics of their cost. The conclusion is made about the significant debt dependence and inefficient use of the attracted capital, which caused a drop in the cost of engineering companies. A comparative analysis of the cost dynamics in 2018 is performed. in comparison with the results obtained for this group of companies in 2007, it is concluded that negative trends are worsening and that joint efforts by management and the state are necessary, with a focus on increasing the cost of machine-building companies as a necessary condition for their survival in the market.

Keywords: company value; investment policy, investment capital; profitability and price of investment capital; economic value added.

Введение

В настоящее время в качестве основной стратегической цели компаний во всем мире рассматривают рост стоимости (ценности) бизнеса. Это прежде всего относится к открытым компаниям, привлекающим капитал с фондовых рынков и решающих задачу удовлетворения требований акционеров, которые ориентируются в современных условиях на капитализированный доход. Основопологающим условием достижения такой цели является активная реализация инвестиционной политики с учетом долгосрочных позиций компаний, роста ее доходов в будущих периодах. Концепция стоимостного управления (VBM, Value Based Management) не ограничивается

текущими показателями прибыли, учитывает структуру капитала, уровень риска и другие релевантные факторы, которые интегрированы в понятие стоимости.

Управление же стоимостью происходит в направлении ее увеличения, путем последовательного воздействия на формирующие стоимость факторы. Это служит положительным сигналом для фондового рынка, способствует увеличению инвестиционной привлекательности компании и, как следствие, росту котировок акций. В свою очередь, высокая капитализация бизнеса есть своего рода гарантия от недружественных поглощений, условие активного притока инвестиций, кредитных ресурсов и формирования высокого делового имиджа компании. Вместе с этим рост стоимости компании означает, что управляемая система сохраняет свою устойчивость, поскольку рост основывается на поддержании и развитии ее имущественного комплекса через эффективное инвестирование.

В исследованиях по данному направлению раскрыты концептуальные основы стоимостного управления, сформированы факторные модели стоимости, обозначены индикаторы ее роста [1, 2, 3], заложена основа формирования системы управления стоимостью компаний [4,5]. Таким образом, в названных разработках создан инструментарий практического воплощения концепции управления ростом стоимости в компаниях. Дальнейшие исследования развивали эти базовые положения в части отражения в управленческих процессах интересов заинтересованных сторон, формирования и включения ключевых показателей эффективности в систему управления стоимостью, адаптации теоретических основ в рамках отраслевого бизнеса и т.д. [6, 7, 8].

К сожалению, практика деятельности многих российских компаний в устремленности на рост стоимости весьма проблематична. Исследование причин их инвестиционной деятельности, вызывающих эти проблемы, может выполняться с использованием созданного инструментария в области управления стоимостью на основе определения взаимосвязей «стоимость – факторы инвестиционной политики».

Методология исследования

В основу исследования положены стоимостные оценки результатов функционирования бизнеса, которые в отличие от учетных оценок (показателей прибыли и рентабельности), включают характеристики инвестиционной деятельности компании в долгосрочном аспекте, а также расширяют спектр текущих издержек предприятия, учитывая в их составе не только бухгалтерские, но и так называемые альтернативные, связанные с затратами на привлечение капитала. Как следствие, стоимостные оценки являются более совершенными измерителями достижений бизнеса, нежели прибыль и рентабельность. В контексте этого метода стоимость компании определяется отношением дохода, генерируемого капиталом, к цене этого капитала, а инструментарием метода служат факторные модели стоимости компании.

Так, модель оценки стоимости компании (V), чьи доходы растут с постоянным темпом (g) имеет вид:

$$V = \frac{FCFo(1+g)}{WACC - g} \quad (1)$$

где $FCFo$ – свободный денежный поток (Free Cash Flow) в текущем периоде;

$WACC$ – цена инвестиционного капитала;

g – годовой темп прироста доходов компании.

Свободный денежный поток формируется как разница между операционными и инвестиционными результирующими денежными потоками, символизируя потенциальный доход всех инвесторов компании – акционеров и кредиторов.

Эту факторную модель стоимости с учетом того, что показатель свободного денежного потока с определенной условностью может быть заменен показателем чистой операционной прибыли за

минусом ее расходования на инвестиционные цели, можно представить в виде:

$$V = \frac{NOPLAT_0(1-b)(1+g)}{WACC - g} \quad (2)$$

где NOPLAT – чистая операционная прибыль текущего периода;

b – норма накопления прибыли.

Поскольку темп роста доходов (g) можно определить как произведение доли накопления прибыли (b) и рентабельности инвестированного капитала (ROIC) модель (2) трансформируется следующим образом:

$$V = \frac{NOPLAT_0(1-b)(1+b * ROIC)}{WACC - b * ROIC} \quad (3)$$

Из моделей (2) и (3) следует наличие тесной взаимосвязи уровня стоимости бизнеса с показателями инвестиционной деятельности. Действительно, стоимость компании непосредственно определяется:

- а) нормой накопления прибыли (b), т.е. инвестиционной активностью,
- б) рентабельностью используемого капитала (ROIC), уровень которой обусловлен эффективностью выполняемых вложений,
- в) ценой капитала (WACC), в свою очередь, связанной как с его размерами и структурой (соотношением собственного и заемного), так и процентной ставкой привлекаемых источников.

Заметим, что на основе рассмотренных моделей определяют так называемую истинную (справедливую, инвестиционную) стоимость бизнеса. Рыночная стоимость может под воздействием многочисленных (в том числе спекулятивных) факторов не соответствовать истинной, однако ориентироваться на нее.

Приведенные выше модели позволяют оценить уровень стоимости, не давая представление о ее динамике в краткосрочной перспективе, что целесообразно знать для успешного осуществления инвестиционной политики. Для этих целей целесообразно использовать показатель экономической добавленной стоимости (Economic Value Added, EVA), представляющий собой разницу между выручкой и как внешними (бухгалтерскими) издержками, которые несет предприятие, так и внешними, альтернативными. Прикладная интерпретация EVA как добавленной стоимости капитала компании в качестве альтернативных издержек подразумевает плату за предоставленный бизнесу капитал, т.е. с учетом риска требуемые его владельцем доходы от вложения. EVA образуется в результате сопоставления за определенный период времени отдачи от инвестиционного капитала (его рентабельности) с относительными затратами по его привлечению (ценой), что может быть выражено следующим образом:

$$EVA = ICo * (ROIC - WACC), \quad (4)$$

где ICo – начальная стоимость инвестированного капитала, находящая отражение в бухгалтерском балансе предприятия (собственный и заемный капитал);

WACC – средневзвешенная цена капитала, исчисляемая как сумма произведений цены и доли долгового и собственного капитала;

(ROIC – WACC) – сред доходности, определяющий направление изменения стоимости.

Так, если рентабельность капитала выше его цены (ROIC – WACC) > 0, то экономическая добавленная стоимость является положительной величиной. При этом стоимость компании оценивается как прирастающая величина. И наоборот, если относительный уровень издержек привлечения капитала превышает отдачу от его использования, – добавленная стоимость становится отрицательной, а стоимость компании сокращается.

Таким образом, количественная оценка динамики стоимости может проводиться на основе расчета величины EVA, а изучение направленности этой динамики – посредством сопоставления

рентабельности и цены капитала.

Результаты

В 2010 году нами была выполнена оценка динамики стоимости 30 открытых российских компаний различных сфер деятельности: нефтегазовой, химической, машиностроительной [9]. Заметим, что исследование затронуло благополучный для российской экономики период – 2005–2007 гг, период высоких цен на нефть, доступности западных кредитных ресурсов, достаточно активных прямых иностранных инвестиций, наконец, отсутствия санкций.

Тем не менее, оценка финансовых отчетов компаний показала, что высокие темпы прироста инвестиционного капитала не сопровождалась должными финансовыми результатами. Все 10 попавших в выборку предприятий машиностроения, 4 из десяти нефтяных и газовых предприятий и 6 из десяти химических предприятий демонстрировали падение уровня стоимости.

По прошествии 10 лет в рамках данного исследования было решено повторить оценку динамики стоимости компаний наименее благополучной сферы деятельности – машиностроения.

В данной работе повторно с десятилетним разрывом проведена оценка экономической добавленной стоимости 10 отечественных машиностроительных компаний по данным их финансовых отчетов за 2018г.

Для изучения их инвестиционной активности были выполнены расчеты темпов роста балансовой стоимости инвестиционного капитала в 2017 и 2018 гг. (таблица 1). Сюда же включены показатели роста капитала в 2006–2007 гг, установленные нами в прежнем исследовании. Сумма инвестиционного капитала вычислена путем суммирования собственного капитала и процентных долговых обязательств предприятия по данным бухгалтерского баланса.

Таблица 1 – Характеристика инвестиционной активности предприятий

Название компании	Динамика инвестиционного капитала, %			
	2006	2007	2017	2018
ПАО «ТКЗ «Красный котельщик»»	36,5	23,3	-5,5	3,3
ПАО «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им.С.П.Королева»	72,2	2,7	-3,0	0
ПАО «ОДК-Сатурн»	24,2	44,1	8,5	8,3
ПАО «ОДК-Уфимское моторостроительное производственное объединение»	40,3	44,9	12,1	24,0
ПАО «АВТОВАЗ»	10,5	10,7	-3,8	-4,6
ПАО «ГАЗ»	15,1	45,1	2,4	-1,7
ПАО «КАМАЗ»	13,8	13,8	17,3	20,5
ПАО «Соллерс»	16,0	44,0	0	0
ПАО «Объединенные машиностроительные заводы»	-10,5	Отсутствуют данные	-20,5	-50,8
ПАО «Силовые машины»	-36,7	Отсутствуют данные	-20,6	-23,3

Как видно, темп роста выполняемых инвестиций, достаточно высокий в 2006–1007 гг., у всех без исключения предприятий снизился, а половина предприятий в 2017–2018 гг. демонстрировали сокращение либо стабилизацию объемов инвестиционного капитала.

Показатели активности инвестиционной деятельности далее были дополнены рентабельностью капитала (таблица 2).

Таблица 2 – Данные о рентабельности инвестиционного капитала, %

Название компании	Годы	
	2007	2018
ПАО «ТКЗ «Красный котельщик»»	16,0	0
ПАО «Ракетно–космическая корпорация «Энергия» им.С.П.Королева»	11,3	1,5
ПАО «ОДК–Сатурн»	0	7,6
ПАО «ОДК–Уфимское моторостроительное производственное объединение»	0,2	21,7
ПАО «АВТОВАЗ»	4,5	6,7
ПАО «ГАЗ»	16,8	1,2
ПАО «КАМАЗ»	17,7	2,1
ПАО «Соллерс»	13,6	6,0
ПАО «Объединенные машиностроительные заводы»	–	0
ПАО «Силовые машины»	10,0	0

Примечание. Нулевое значение показателя означает нерентабельное использование капитала. Отсутствие данных обозначено прочерками.

Рентабельность инвестиционного капитала определена как отношение чистой операционной прибыли к сумме капитала в бухгалтерском балансе:

$$ROIC = \frac{NOPLAT}{IC} \quad (5)$$

Данные таблицы 2 показывают, что в 2007 г. 6 из 10 предприятий имели рентабельность капитала не ниже 10%. В 2018 г. лишь Уфимское МПК демонстрируют приемлемый уровень рентабельности. У 6 предприятий этот показатель очень низкий (в диапазоне 1,2–7,6%), а три компании вовсе нерентабельны.

Далее следовало сопоставить рентабельность капитала с его ценой. Для этого были выполнены расчеты цены собственного и заемного капитала, что позволило установить уровень средневзвешенной цены (WACC).

Цена собственного капитала определена на основе модели CAPM, представляющей собой оценку требуемой доходности вложения в акции компании с известным уровнем систематического риска. Общий вид модели может быть представлен следующим образом:

$$K_s k = K_f + b_k * (K_m - K_b), \quad (6)$$

где $K_s k$ – цена собственного капитала компании k ;

K_f, K_m – соответственно цена безрискового капитала и среднерыночная цена (средняя доходность вложения в биржевой портфель);

b_k – бета коэффициент, измеряющий уровень систематического риска компании k ;

$(K_m - K_b)$ – плата за рыночный риск;

b_k^* ($K_m - K_f$) – плата за систематический риск k -го актива.

Применение названной модели потребовало предварительного расчета b_k . Для этого был использован метод определения так называемого восходящего бета-коэффициента [10], который предполагает корректировку его исторических обобщенных значений для компаний определенной сферы деятельности с учетом финансового рычага оцениваемой компании. В качестве исторических значений коэффициентов использованы данные американского фондового рынка, а влияние структуры капитала компании на уровень ее систематического риска установлено на основе модели:

$$b_l = b_0 * (1 + D/S), \quad (7)$$

где D – стоимость долга;

S – стоимость собственного капитала;

b_0 , b_l – соответственно, бета-коэффициент безрычаговый и учитывающий финансовый рычаг.

Значение b_0 для машиностроительных компаний получены из базы данных А. Дамодарана [11], доходность безрискового вложения принята как усредненная доходность государственных долгосрочных облигаций, а плата за риск российского фондового рынка рассчитана как разница между среднегодовым за 2016–2018 приростом индекса РТС, составившим 18%, и безрисковой доходностью (таблица 3).

Таблица 3 – Данные для расчета цены капитала российских машиностроительных компаний

Показатели	Значение
1. Безрисковая ставка доходности, %	6,8
2. Плата за риск российского фондового рынка, %	11,2
3. Значение отраслевого бета-коэффициента без учета влияния финансового рычага	1,05

Особое место в исследовании было уделено оценке структуры капитала компаний, являющейся важным фактором формирования их стоимости. В таблицу 4 включены сравнительные данные по структуре капитала в 2007 и 2018 гг.

Таблица 4– Доля долгового капитала в балансе машиностроительных компаний, %

Название компании	Доля долгового капитала, %	
	2007	2018
ПАО «ТКЗ «Красный котельщик»»	40	97
ПАО «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им.С.П.Королева»	60	82,7
ПАО «ОДК-Сатурн»	50	32,5
ПАО «ОДК-Уфимское моторостроительное производственное объединение»	50	50
ПАО «АВТОВАЗ»	30	99,6
ПАО «ГАЗ»	60	70
ПАО «КАМАЗ»	30	63
ПАО «Соллерс»	25	25
ПАО «Объединенные машиностроительные заводы»	50	50
ПАО «Силовые машины»	50	100

Отметим, что доля долгового капитала изучаемых компаний в 2007 г. была на приемлемом

уровне, лишь в ПАО «ГАЗ» и в Уфимском моторостроительном производственном объединении она некритично превышала половину всей суммы капитала.

В 2018 г. ситуация резко изменилась. В половине компаний долг занимает чрезвычайно высокое значение. ПАО «АВТОВАЗ», ПАО «Силовые машины», ПАО «Энергия» имеют парадоксальную, недопустимую для нормальной рыночной экономики ситуацию функционирования преимущественно за счет долгового капитала и кредиторской задолженности.

Интересно при этом, что ставка по долговому капиталу (была рассчитана как отношение суммы процентов к уплате к сумме долгового капитала в балансе) у этих компаний находится в диапазоне всего лишь 7–10 %, что абсолютно не соответствует уровню их финансового риска. Здесь мы встречаемся еще с одним искажением правил рыночных отношений на отечественном рынке капитала.

В таблице 5 сопоставляются показатели цены и рентабельности капитала.

Название компании	Показатели					
	Доля долга в общей сумме инвестиционного капитала, %	Цена собственного капитала, %	Средневзвешенная цена капитала, %	Рентабельность капитала, %	Спред доходности, (ROIC–WACC), п.п.	
					2007 г.	2018 г.
ПАО «ТКЗ «Красный котельщик»»	97	422,0	16,9	0	–1,9	–16,9
ПАО «Ракетно–космическая корпорация «Энергия» им.С.П.Королева»	82,7	2,2	19,4	0	–7,3	–19,4
ПАО «ОДК–Сатурн»	32,5	26,5	19,6	7,6	–18,2	–12,0
ПАО «ОДК–Уфимское моторостроительное производственное объединение»	50	30,9	18,0	21,7	–18,0	4,7
ПАО «АВТОВАЗ»	99,6	3157,0	18,7	6,7	–17,3	–12,0
ПАО «ГАЗ»	70	51,0	18,4	1,2	–1,8	–17,2
ПАО «КАМАЗ»	63	40,2	18,7	2,1	–4,1	–16,6
ПАО «Соллерс» (бывш. ОАО «Северсталь–Авто»	25	19,0	19,0	6,0	–3,8	–13,0
ПАО «Объединенные машиностроительные заводы»	50	19,7	19,0	0	–18,2	–19,0
ПАО «Силовые машины»	85	88,4	20,8	0	–8,2	–20,8

Нельзя не заметить, что расчеты цены собственного капитала в данной работе выполнены в соответствии с теорией и практикой проведения инвестиционных оценок, с учетом объективного отражения в них финансовых рисков инвесторов. Однако их пришлось проводить в контексте специфических, внутрироссийских, нерыночных условий привлечения компаниями кредитных ресурсов и самой возможности доминирования долга в источниках финансирования открытого бизнеса. В итоге цена собственного капитала с учетом финансового рычага в компаниях с поз.1, 5, 10

оказались одиозно высокими. Однако в результате расчетов средневзвешенной цены капитала (как суммы произведений цены долгового и собственного капитала на их доли в общей сумме капитала) возникала парадоксальная ситуация: чрезвычайно высокая цена собственного капитала у компаний «Силовые машины», «АВТОВАЗ», ТКЗ «Красный котельщик» в расчетах WACC «гасилась» низкой ценой и высокой долей долгового капитала.

Несмотря на специфику проведенных расчетов, снижающую расчетный уровень цены капитала, у всех компаний, кроме Уфимского МПО, рентабельность капитала оказалась ниже его цены, при этом у семи компаний абсолютное значение этой разницы по сравнению с 2007 г. усугубилось. Таким образом, 90% исследованных машиностроительных предприятий продолжали утрачивать стоимость, а 7 из них еще и увеличили глубину этой потери.

Заключение

1. Показателями инвестиционной политики компаний, которые были исследованы в данной работе, явились а) объемы и динамика инвестиций, б) вид и структура финансовых источников, в) рентабельность и цена инвестиционного капитала, а целевыми – приращение стоимости компаний. Полученные результаты негативно характеризуют инвестиционную политику, проводимую в исследованных машиностроительных предприятиях. В выборку попали как компании с традиционным производством, так и осваивавшие перспективные направления деятельности, получавшие существенную государственную поддержку, что позитивно не повлияло на результаты их деятельности.

2. Рассматривая результаты 2017–2018 гг в сравнении с 2006–2007 гг, завершившими «тучный» период отечественной экономики, можно утверждать, что все компании исследованной совокупности утратили прежнюю инвестиционную активность в условиях меньших объемов инвестиций, поступающих в отечественную экономику. При этом в отсутствие возможности привлекать капитал эмиссией акций и при низкой рентабельности основной деятельности акцент был сделан на долговой капитал. Их прибыль существенно сокращалась после выплаты процентов по долговым обязательствам, заставляя работать при значительных суммах не погашаемой в срок кредиторской задолженности.

3. Свертывание источников финансирования не привело к повышению эффективности их использования. 9 из 10 исследованных предприятий машиностроения имели низкие значения рентабельности капитала либо были убыточны.

4. Установленные соотношения цены и рентабельности капитала подчеркивают общую проблему российского бизнеса – его низкую эффективность, которая в машиностроительных компаниях особенно обострена. 9 из 10 исследованных предприятий демонстрируют отдачу от капитала ниже платы за его привлечение, большая часть предприятий утрачивала стоимость с растущей динамикой. Как результат, эти компании имеют низкий уровень инвестиционной привлекательности и капитализации, не имеют возможности выполнять эмиссию акций.

5. За прошедшее десятилетие не устранены проблемы инвестиционной деятельности, которые видятся нам в настоящем времени и были обозначены еще в первом исследовании: а) некачественное, конъюнктурное в ряде случаев экономическое обоснование выполняемых инвестиций, б) заведомо низкая эффективность вложений капитала, по сравнению с его высокой ценой, в) отсутствие практики контроля за реализацией инвестиционных проектов.

6. В 2010 году был сделан вывод о проблемах инвестиционной политики и падении стоимости прежде всего на отечественных машиностроительных предприятиях. К сожалению, в настоящее время можно констатировать факт, что промышленность последние десятилетия теряет машиностроение, причем с возрастающим темпом.

Очевидно, решать эту проблему настоятельно нужно не только менеджменту, но и государству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rappaport A. Creating Shareholder Value: A Guide for Managers and Investors. Free Press, 1997. – 224 p.
2. Figge F., Schaltegger S. What Is Stakeholder Value? Developing a Catchphrase into Benchmarking Tool: Luneburg Universitat., 2000. – 54 p.
3. Myers S.C., Majluf N. Corporate Financing and Investment Decisions when Firms have Information that Investors do not Have // Journal of Financial Economics, 1984 – Vol. 13. – P. 187–221.
4. Коупленд Т., Коллер Т., Муррин Д. Стоимость компаний: оценка и управление // Т. Коупленд, Т. Коллер, Д. Муррин / пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп – бизнес», 2000. – 565 с.
5. Koller T., Goedhart M., Wessels D. Valuation Measuring and Managing the Value of Companies. Fifth Edition – John Wiley & Sons, Inc., Hoboken– New Jersey, 2010. – 811 p.
6. Патрушева Е.Г. Развитие концепции управления стоимостью предприятия на основе ситуационного подхода / Е.Г. Патрушева // Вестник Ярославского государственного университета, 2007. – №4. – С.80–89.
7. Головина А.М. Доайверы эффективности управления стоимостью компании: измерительный аспект / А.М. Головина // Научно–технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки, 2017. – №4, Том 10. – С.230–240.
8. Пурлик В.М. Управление компанией с ориентацией на рост стоимости / В.М. Пурлик // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 69. МГУ им.М.В.Ломоносова, 2018. – С.127–154.
9. Патрушева Е.Г. Исследование взаимосвязи инвестиционной деятельности российских предприятий и роста их стоимости / Е.Г. Патрушева, И.Г. Игольников // Вестник Ярославского государственного университета, 2010. – №3. – С.108–115.
10. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов. М: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 1950 с.
11. Бета-коэффициенты по отраслям деятельности [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.stern.nyu.edu/~adamodar/pc/datasets/indname.xls> (Дата обращения 24.02.2020)

ФАКТОРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ

Примышев Игорь Николаевич

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет»,
кафедра Экономическая теория,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: igor.primyshev@yandex.ru

Аннотация: В статье комплексно исследованы факторы и современные модели экономического роста и развития. На основе теоретических подходов и реалий мирохозяйственной практики выделены ключевые критерии эффективности национального развития. Автором предложена оригинальная типология моделей экономического развития. Выявлены основные объективные и субъективные причины безуспешности формирования взаимосогласованной стратегии экономического развития для стран, уже прошедших негативные пики рыночного трансформирования. Сделан вывод о том, что эффективное экономическое развитие существует, если экономический рост является устойчивым, обеспечивается постоянным опережающим структурным обновлением и способствует социальному прогрессу.

Ключевые слова: экономический рост, модели экономического развития, эффективное развитие, глобализация.

JEL: O10, F63

FACTORS AND MODERN MODELS OF ECONOMIC GROWTH AND DEVELOPMENT

Prismyshev Igor Nikolaevich,
Candidate of Economic Sciences, Docent,
Associate Professor, Department of Economic Theory, Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

Abstract: The article comprehensively examines the factors and modern models of economic growth and development. On the basis of theoretical approaches and realities of world economic practice, the key criteria for the effectiveness of national development are identified. The author offers an original typology of economic development models. The main objective and subjective reasons for the failure to form a mutually agreed economic development strategy for countries that have already passed the negative peaks of market transformation are identified. It is concluded that effective economic development exists if economic growth is sustainable, is provided by a constant outpacing structural renewal, and contributes to social progress.

Keywords: economic growth, models of economic development, effective development, globalization.

Теория экономического развития охватывает широкий круг многоплановых концептуальных подходов, а его модели формируются и обосновываются в результате обобщений противоречивых процессов мирохозяйственной эволюции. С одной стороны, теоретические модели экономического развития должны формулироваться с абстрагированием от статистических и эмпирических материалов, характеризующих экономическую динамику отдельных стран, и раскрывать общие черты парадигмального характера, которые не подлежат конъюнктурным колебаниям и являются относительно стабильными в течение длительного времени для тех или иных групп стран или регионов мира.

С другой стороны – на сегодня реальная мирохозяйственная практика производит многочисленные примеры опережения теории экономического развития, что вызывает несколько хаотичный отпечаток в общих подходах к типизации его моделей. Особенно это касается теории и практики развития стран с переходными экономиками, большинство из которых, имея достаточно

высокий экономический потенциал, в период рыночной трансформации оказались среди «неразвитых», бедных стран по основным макроэкономическим показателям.

Проблематика экономического роста и развития на протяжении последних десятилетий занимает ведущее место в экономических исследованиях отечественных и зарубежных ученых-экономистов: Дж. Даннинга, Р. Камерона, Дж. Кейнса, С.Ю. Глазьева, В. С. Немчинова, Р. Марковица, Ф. Модigliани, В. Ростоу, Дж. Стиглица, Я. Тинбергена, П. Тодаро, У. Фишера, У. Шарпа, Й. Шумпетера, В. Ефимова и др.

Однако множество теоретико-методологических проблем обоснования взаимосвязи факторов, существующих моделей экономического роста и развития, их взаимосвязи с инвестиционно-инновационными аспектами расширенного экономического воспроизводства с учетом объективной специализации экономики регионов остаются недостаточно исследованными.

Целью статьи является комплексно исследовать факторы и современные модели экономического роста и развития.

Интернационализация экономического развития существенно видоизменяет теоретические подходы к анализу его условий и ресурсов, а экономическая глобализация, прежде всего в инвестиционной сфере, во многом дискредитирует традиционные представления относительно факторов и источников экономического успеха практически всех стран, независимо от уровня их развитости.

Базовые концептуальные основы экономического развития сформировались в классической структуре факторов производства – земля, труд, капитал. В этом контексте эффективное национальное экономическое развитие означает систематическое улучшение условий жизнедеятельности на основе роста производительности их использования. Эволюция экономической теории учитывала постоянную трансформацию структуры факторов производства. Она отражала, с одной стороны, качественные изменения в традиционных факторах (простой и высококвалифицированный труд; физический, человеческий, интеллектуальный капитал), а с другой – появление относительно самостоятельных новых факторов: предпринимательство, менеджмент, технологии, знания и информация.

Одновременно национальное экономическое развитие подвергается существенному влиянию со стороны таких факторов общественно-политического характера, как политическое устройство, экономико-правовые институты, формы и типы собственности и общественных отношений, религиозные и культурно-ментальные особенности. Они формируют общие предпосылки, своеобразную среду для эффективного или неэффективного использования основных (традиционных и новых) факторов экономического развития. И если динамика первых оценивается методами количественного анализа, то вторые требуют преимущественно качественных оценок.

Отечественные ученые-экономисты внесли существенный вклад в развитие теории национального экономического развития, по очевидным причинам акцентировав свое внимание на возможностях реализации тех или иных моделей.

Комплексными и фундаментальными являются, в частности, исследования профессора Ефимова В.М [27]. Он, опираясь на труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, в частности П. Тодаро, В. Ростоу, Г. Камерона, выделяет и анализирует основные модели экономического развития, которые тесно связаны, прежде всего, с ростом и прогрессом: теорию линейных стадий развития (роста); теорию структурных преобразований; теорию внешней зависимости; неоклассическую модель свободного рынка; теорию эндогенного роста (универсальную модель постоянного (устойчивого) развития). Перечисленные модели и теории адресовались преимущественно странам, освободившимся от колониальной зависимости, так называемым молодым независимым государствам или странам, что развиваются.

По нашему мнению, подобный типологический подход, базой которого является принцип

исторического детерминизма, сполна отражает широкий спектр современных теорий экономического развития и реформирования.

Вместе с тем, международный опыт экономического развития многих стран показывает его зависимость, прежде всего, от применения национальными правительствами соответствующих целенаправленных экономических политик, что не всегда «вписывались» в предлагаемые теорией модели. Здесь центральной проблемой, на наш взгляд, является роль государства, способность или неспособность его политической элиты и правительства воспринимать и практически применять интегративные, адаптированные к местным условиям и внешней среды модели для обеспечения эффективного экономического развития.

Обобщение теоретических подходов и реалий мирохозяйственной практики позволяет сделать вывод о ключевых критериях эффективности национального развития:

во-первых – это устоявшаяся динамика экономического роста, отражаемая в основных макроэкономических показателях (ВВП, ВНП, объемы промышленного производства, внешней торговли и т. д);

во-вторых – сопровождение такой динамики постоянным структурным обновлением в контексте направлений и приоритетов научно-технологического прогресса, поскольку экономический рост некоторое время может обеспечиваться и на устаревшей индустриальной и даже доиндустриальной основе;

в-третьих – создание условий для социального прогресса большинства населения, а не отдельных (как правило, очень незначительных) его слоев. Это особенно важно при выработке, обосновании и реализации моделей экономического развития стран с традициями осознанной реальной или декларируемой социальной справедливости.

Несмотря на западную заангажированность рыночными саморегуляторами, уместно отметить, что даже в традиционном восприятии экономики США как свободной рыночной системы не отрицается непосредственное вмешательство государства в развитие отдельных (приоритетных или социально значимых) сфер и отраслей. Большинство успешных западноевропейских моделей, в том числе «шведская модель», отличается сильной государственной политикой в социально-экономических отношениях. Очевидно, государственно управляемыми являются экономические системы Японии и стран Восточной Азии, а Китай является не только показательным, но и уникальным в этом плане [2, 3].

В исследовании современных экономических политик государств традиционно используется сопоставление «либеральной» и «активистской» роли правительства во внутренней хозяйственной системе и внешнеэкономических отношениях. Хотя подобное разделение приобретает порой ярко выраженную идеологическую нагрузку, роль правительства в экономике, как института, обеспечивающего эффективность функционирования рыночного механизма, является либеральной или замещает его в выполнении критически важных для экономической системы функций (активистская роль) – является существенно важным фактором в реализации тех или иных моделей экономического развития. Как важный критерий сравнительного анализа целесообразно использовать позицию правительства в экономико-политической системе, которая характеризует взаимодействие субъектов принятия политических решений (СППР) с экономическими субъектами, которые выступают или группами давления, или рядовыми предпринимателями (избирателями). В данном контексте выделяется три идеальные типа позиции правительства: автономное правительство, который является независимым в своих действиях от влияния групп давления и избирателей; консенсус СППР и групп давления, который предусматривает предоставление группами давления политической поддержки в обмен на осуществление выгодной им экономической политики; консенсус СППР и избирателей, для которого характерна ориентация СППР на запросы и предпочтения основной массы электората.

Согласно определенных критериев предлагается оригинальная типология моделей экономического развития (таблица 1).

Таблица 1 – Типология моделей экономического развития [4]

Роль правительства	Позиция СППР в экономико-политической системе					
	Автономия СППР		Консенсус СППР – группы давления («консенсус элит»)		Консенсус СППР – избиратели («консенсус масс»)	
	Успешные модели	Непродуктивные модели	Успешные модели	Непродуктивные модели	Успешные модели	Непродуктивные модели
Либеральная	«Вашингтонский консенсус»		Коррупционный капитализм	Консенсус во имя реформ		
	Центральная Европа, начало 1990 годов	СНГ, начало 1990 годов		Латинская Америка, 90-е годы	Центральная Европа, конец 90-х годов	
	I	II	III	IV	V	VI
Активистская	Авторитарные модели		Азиатская модель	Экономическая маргинализация	Государственный дирижизм	Популизм
	Китайская модель, 80-е годы	СССР, 1970-1980 годы	Восточная и Южно-Восточная Азия, 1960-1990 гг.	Тропическая Африка, 1960-1990 гг.	Шведская модель, 1950-1980 гг.	Латинская Америка, 1960-1970 гг.
	VII	VIII	IX	X	XI	XII

Следует иметь в виду, что соответствующая комбинация роли и позиции государства, во-первых, является одним из необходимых, но недостаточных условий для реализации той или иной модели экономического развития, а во-вторых, речь идет лишь об их типологизации, а не о четкой классификации, что, в принципе, в современных условиях невозможно.

Среди моделей, которые предусматривают либеральную роль правительства в экономике, в течение десятилетий доминировала модель Вашингтонского консенсуса, которая претендовала на статус универсальной модели экономического развития. Практическая реализация данной модели показывала, как примеры удач, которые ассоциируются, прежде всего, с успехами скандинавских стран и эффективной реализацией программы приватизации и макроэкономической стабилизации в странах Центральной Европы, так и фактических неудач во многих странах СНГ, где осуществление базовых рекомендаций модели было или не доведенным до конца, или вообще неэффективным с учетом страновой специфики [5].

Азиатская модель экономического развития опирается на своеобразный симбиоз государства и бизнеса. Парадокс функционирования экономик азиатских стран заключается в том, что сращивание политики и бизнеса не сопровождалось лавинообразным ростом непроизводительных расходов, которые были связанными с поиском политической ренты. Сравнительная прагматическая

эффективность Азиатской модели (то есть способность обеспечивать высокие темпы экономического роста) минимизировалась в период и после последнего мирового финансового кризиса, что не является случайным явлением [6].

Системное торможение функционирования экономико-правовых механизмов, доказавших свою дееспособность в течение почти трех десятилетий, свидетельствует, на наш взгляд, о возможности найти неочевидные на первый взгляд варианты адаптации к качественно новым условиям экономического развития.

Другие альтернативы модели Вашингтонского консенсуса, предусматривающие активистскую роль государства (разного рода авторитарные модели и модель государственного дирижизма), имеют весьма незначительную перспективную привлекательность, хотя некоторые из них в ретроспективе обеспечивали достаточно высокие темпы роста [5].

В общем, можно констатировать, что ведущие позиции на сегодня остаются за Вашингтонским консенсусом, идеология которого имеет свою теоретическую базу. Так, можно утверждать, что теория линейных стадий и теория структурных трансформаций создали определенную теоретическую платформу для американской концепции экономического развития.

Согласно теории линейных стадий (У. Ростоу), страна в процессе экономического подъема, включившись в мирохозяйственную систему, должна пройти ряд стадий: традиционное общество; вызревание предпосылок для рывка; рывок к самоподдерживающему росту; переход к технологической зрелости; эра массового потребления. Следует согласиться с авторами относительно ограниченности такого подхода, когда игнорируется целый ряд компонентов социально-экономических отношений [7].

В теории структурных трансформаций (модель А. Льюиса, развитая Х. Ченери) утверждалось, что неразвитые страны не могут ускорить темпы роста вследствие низкого уровня сбережений и недостатка инвестиций. Экономика такой страны имеет два хозяйственных сектора – традиционный (с натуральным сельским хозяйством) и современный (промышленный). Для первого характерны нехватка квалифицированной рабочей силы, низко-технологичное производство, а второй имеет постоянную потребность в расширении и привлечении квалифицированных рабочих. Обеспечение взаимосвязи между этими секторами и является главной задачей национальной экономической стратегии, которая в условиях интернационализации должна учитывать также внутренние и внешние факторы экономического роста [8, 9].

Модель роста для неразвитых стран («Большой скачок» Р. Нурске, А. Хиршмана и др.) обусловлена их бедностью, когда рост производства меньше роста объемов потребления (за счет, например, роста количества населения). Предлагается значительно интенсифицировать государственное инвестирование (до 15% ВВП), чтобы вызвать увеличение спроса на труд, рост сбережений и инвестиций, рыночное стимулирование производства товаров и услуг [10, 11].

Вполне очевидно, что через существующие государственные различия в обеспеченности внутренними и внешними факторами экономического развития среди развивающихся стран, а в последнее время и среди стран с переходной экономикой существенной является дифференциация в темпах экономического роста. В одних обеспечивается самоподдерживающий рост (новые индустриальные страны, страны Центральной Европы), в других накапливаются предпосылки для такого роста (страны Восточной Европы и СНГ), третьи (наименее развитые страны) – практически не способны создать предпосылки для реального экономического роста и осуществления прогрессивных структурных трансформаций.

Показательными в этом контексте являются теория внешней зависимости и неоклассическая теория свободного рынка, которые развивались в русле положений Вашингтонского консенсуса конца 80-х – начале 90-х годов.

Исследователи выделяют три разновидности теории внешней зависимости: неоколониальную

модель зависимости, ложную парадигму развития и теорию дуального развития [12]. Следует отметить созерцательный характер этих теорий (более фиксируется существующее положение, чем предлагаются пути и механизмы решения сложных проблем экономического роста и развития экономически зависимых стран). Также имели место неудачные попытки применить позитивное экономическое знание в непосредственной хозяйственной практике, невозможность механического переноса теоретических постулатов и доктрин, которые действуют в одной экономической среде, на другую хозяйственную систему.

Особого внимания, на наш взгляд, требует неоклассическая теория свободного рынка с учетом того, что она, во-первых, была проверена в 1980-х годах в ведущих развитых странах, сформировав определенную идеологию доктрин экономического развития западных ученых, во-вторых, легла в основу экономических взглядов и соответствующих рекомендаций международных экономических организаций, в-третьих, исходя из предыдущего, была в основных своих положениях рекомендуема для развивающихся стран, а потом и для постсоциалистических.

Имея за методологическую основу экономическую свободу деятельности рыночных субъектов, приватизации, международную либерализацию и гармонизацию, неоклассическая теория свободного рынка ориентировала национальные экономики на все возрастающую открытость. Однако национальная открытость имеет неоднозначные последствия для различных стран, что, в первую очередь, обусловлено уровнем их экономического развития, рыночной самодостаточностью с точки зрения обеспечения воспроизводственных процессов и тому подобное.

Как отечественные, так и западные экономисты доказывают, что воспользоваться объективными преимуществами открытости стране, в которой происходит становление рыночных отношений, можно лишь при определенных условиях, среди которых активная роль государства в введении собственной национальной модели открытости имеет ведущее значение. «Совершенно нереально надеяться, что усилия по национальному развитию можно свести к одной простой модели «образцовой экономической поведенья», и нереально даже стремиться внедрения такой модели. Правила международного экономического развития должны быть в достаточной мере гибкими, чтобы позволить каждой стране внедрять собственную модель развития так же, как Япония, Германия и США в прошлом внедряли, несмотря на внешнее давление и требования мирового сообщества унифицировать экономические отношения, свои собственные, отличные от других модели» [13]. Они основывались на особых национальных экономических стратегиях развития и формирования отличной от других, ориентированной на национальный менталитет и национальную генетику, институциональной среды.

На сегодня принципиально важным является переход от «моделей открытой экономики», основанных на рыночной саморегуляции, к моделям, в которых международная открытость опирается на действующие регулирующие функции государственного управления.

Отметим, что направления фактической эволюции модели Вашингтонского консенсуса характеризовались различными результатами. Они вели либо к формированию широкого общественного консенсуса в пользу рыночных реформ, либо к подчинению правительства и его экономической политики интересам групп давления. Так, во второй половине 1990-х годов в странах Центральной и Восточной Европы успехи рыночных преобразований на стадии реализации рекомендаций Вашингтонского консенсуса привели к формированию широкой и долгосрочной общественной поддержки преобразований («консенсус ради реформ»).

Важная роль при этом отводилась активной экономической политике, которая была призвана способствовать мобилизации всех имеющихся в стране ресурсов и механизмов для формирования собственной национальной экономической системы и ее количественного и качественного совершенствования.

Другими словами, речь идет о своеобразной мобилизационной модели экономического

развития, реализация которой требует научного обоснования, активного творческого поиска путей общенациональной консолидации политической, бизнес-элиты и всего населения.

Среди многих экономистов осмысление данного направления эволюции привело к поискам базы для «поствашингтонского консенсуса», который бы содержал уточненный по сравнению с первоначальным перечень рецептов необходимых реформ. В этом плане уместно привести обобщение Дж. Стиглица. Он, оценивая проблему последовательности и темпов реформирования на традиционных принципах МВФ, утверждает, что «многочисленные неудачи отодвигают на задний план вопросы развития, разъедавая без всякой необходимости саму ткань общества... Вот почему успешное развитие обращает такое внимание на социальную стабильность» [14].

Показательно, что не только отечественные, но и зарубежные (западные) эксперты акцентируют внимание на имеющихся стратегических альтернативах развития стран с переходными экономиками.

Возникает вопрос: почему в новейших, достаточно исследованных условиях послекризисного развития, системные поиски не позволяют сформировать взаимосогласованные стратегии экономического развития для стран, уже прошедших негативные пики рыночного трансформирования.

По нашему мнению, безуспешность этих поисков объясняется многими объективными и субъективными причинами, среди которых:

– во-первых, игнорирование институциональных факторов экономического развития в трансформационных условиях, пренебрежение ими в процессе разработки и реализации национальной экономической политики;

– во-вторых, трансформация апологетической в отношении зарубежных рекомендаций и помощи экономической политики в интересах внутренних и внешних элитных (олигархических) групп без учета глубинных экономических процессов и интересов подавляющего большинства населения;

– в-третьих, существенные «оппозиционные» препятствия радикальному рыночному реформированию со стороны традиционных групп влияния (министерства-монстры, директорат государственных предприятий, коллективные хозяйства на селе и тому подобное). Ими, как правило, не воспринимаются не только рыночные новации высшего государственного менеджмента, но и законодательно-правовые акты прямого действия.

Существенное влияние на формирование современных моделей экономического развития всех стран оказывает глобализация. Принципиально важное значение приобретает международная мобильность факторов и результатов производства, которая становится всеобъемлющей, а обмен между странами – глобально неэквивалентным [15].

В связи с необходимостью согласовывать возможности потребностями мирового экономического развития в 1970-х годах интенсивно формировались теоретические подходы к новым принципам мирового экономического строя, которые обосновывали политику правительств развитых стран и международных организаций. Определялись задачи по стабилизации мирохозяйственного развития, консолидации усилий для стабилизации международных финансов средствами координации соответствующих стратегий (национальных и международных).

Наиболее известными, по сути глобальными, были следующие проекты:

– коллективный доклад Римскому клубу под руководством Я. Тинбергена создания национальных и интернациональных условий более справедливого распределения имеющихся и перспективных возможностей и средств эффективного экономического развития [16];

– доклад комиссии В. Брандта «обеспечить выживание. Общие интересы высокоразвитых стран и развивающихся стран», которая базировалась на пересечении интересов в ближайшем будущем Юга (речь идет о развивающихся странах) и Севера (речь идет о высокоразвитых странах). При этом отмечалась большая разница в развитии стран Севера и Юга на фоне их растущей глобальной взаимозависимости практически во всех сферах деятельности [17];

– проект «Пересмотр мирового порядка», который ориентировался на ликвидацию преград на

пути товаров на западные рынки, создание более справедливой международной регулятивной системы для более-менее эквивалентного перераспределения доходов стран с разным уровнем экономического развития. Предусматривались и количественные параметры такого перераспределения (1% ВВП развитых стран в пользу стран неразвитых) [18].

Интересны и другие подходы, в частности Г. Мюрдаля относительно проблем и трудностей индустриализации в странах Южной Азии, связанных не с отсутствием финансового капитала, а с дефицитом квалифицированной рабочей силы. Внимание акцентируется на том, что индустриализация должна дополняться ростом производительности не только в промышленности, но и в других секторах экономики, включая сельское хозяйство, а рост потребления является важнейшим фактором и предпосылкой общего экономического роста. Прогрессивный технологический прогресс должен быть обеспечен изменением институциональных и социальных условий [19].

В целом классические подходы к анализу структуры субъектов и объектов экономических интересов, которые определяют модели поведения стран в интегрированном мирохозяйственном комплексе, предусматривают, что выход на более развитые зарубежные рынки недостаточно развитых национальных экономик обусловлен преимущественно сырьевым фактором с поглощающими результаты такого выхода возможностями местного потребительского рынка за растущий импорт как товаров и услуг, так и капиталов [20, 21].

Следовательно, теория экономического развития включает широкий круг моделей стратегического поведения стран, сформировавшихся в результате обобщений противоречивых процессов мирохозяйственной эволюции. С моей точки зрения, концепция экономического роста вполне вписывается в поиски разработчиков теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима [22]. Оптимальное взаимодействие традиционных и новых факторов, эффективное использование внутренних и внешних ресурсов, учет предпосылок и постоянных изменений среды развития способствуют экономическому успеху страны [23, 24]. Современному национальному экономическому развитию присущи количественные (динамика экономического роста) и качественные (структурные и социальные) характеристики. Об эффективном экономическом развитии речь может идти при условии, если экономический рост является устойчивым, обеспечивается постоянным опережающим структурным обновлением и способствует социальному прогрессу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: Монография / В.М. Ефимов. – М.: КУРС, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 352 с.
2. Николаев А.В. Японская экономика: некоторые характерные черты и показатели // Экономический журнал. – 2006. – С. 231-238.
3. Осетрова О.В. Сравнительный анализ американской и западноевропейской моделей экономического роста // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – С. 196-201.
4. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: Учебник / Нуреев Р.М., - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 640 с.
5. Бабурина О.Н. Санкции и внешнеэкономическая стратегия России сквозь призму Вашингтонского и Пекинского консенсуса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – №23 (308). – С. 48-58.
6. Рамазанов Ж. Ш. Азиатская модель как вторая модель рынка // Известия ТПУ. – 2008. – №6. – С.68-71.
7. Росту У.У. Стадии экономического роста. - Нью Йорк: Изд-во Фредерик А.Прегер, 1961. – 242 с.
8. Chenery H.V. Structural Change and Development Policy. N.Y., Oxford: Oxford University Press

for the World Bank, 1979. 276 p.

9. Lewis W.A. The Dual Economy Revisited // The Manchester School of Economics and Social Studies. 1979. № 47. P. 211–229.

10. Nurkse R. Growth in Underdeveloped Countries: Some International Aspects of the Problem of Economic Development // American Economic Review. – 1952. – Vol. 42. – № 3. – P. 571-582.

11. Шелегеда Б.Г. Методологические подходы к исследованию структурных трансформаций в развитии экономических систем / Б.Г. Шелегеда, О.Н. Шарнопольская, Н.В. Погоржельская // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2017. – №2. – С. 172-188.

12. Чибинёв А.М. Методологические Аспекты Трансформации Теории Современной Экономической Науки // Вестник гражданских инженеров. – № 3(56). – 2016. – С. 317-323.

13. Rodrik D. Sense and Nonsense in the Globalisation Debate // Foreign Policy. Summer. – 1997. – P. 19-37.

14. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? // Вопр. экономики. – 1999. – № 7. – С. 4-30.

15. Папенов К.В. Общество, экономика, природа: актуальные проблемы развития России: Сборник статей / Папенов К.В., Соловьева С.В., Никоноров С.М. - М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. – 240 с.

16. Лейбин В.М. Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. – 1997. – №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-klub-hronika-dokladov> (дата обращения: 16.01.2020).

17. Авдеенко Е.Г. Концепция «европейского мирного порядка» В. Брандта / Е.Г. Фвдеенко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 36 (327). – С. 73-79.

18. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка / Я. Тинберген. – М.: Прогресс, 1980. – 416 с.

19. Нуреев Р. М. Периферия мирового хозяйства: проблемы догоняющего развития // Пространство экономики. – 2004. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/periferiya-mirovogo-hozyaystva-problemy-dogonyayuschego-razvitiya> (дата обращения: 30.12.2019).

20. Бондаренко В.М. Новый взгляд на проблему кризисов, прогнозов и экономический рост // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. – № 6. – С. 21-36. URL: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru> (дата обращения: 11.01.2020).

21. Dоеpke M., Tertilt M. Does female empowerment promote economic development? // Journal of economic growth. – 2019. – Vol. 24. – No 4. – P. 309-343.

22. Гордеев В.А. Теоретическая экономия – новый парадигмальный мейнстрим // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 1. – С. 4-17. URL: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru> (дата обращения: 01.02.2020).

23. Ганченко Д.Н. Инфраструктурный Аспект Инвестиционной Привлекательности Сферы Услуг Региона: Активизация «Точек Роста» Или ... // Экономика и управление: теория и практика. – 2019. – Т. 5.– №2. – С. 9-17.

24. Khuong Vu, Hanafizadeh P., Bohlin E. // ICT as a driver of economic growth: A survey of the literature and directions for future research // Telecommunications Policy. – Vol. 44. – No 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.101922> (дата обращения: 02.02.2020).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ

Кириллзеева Алиса Салаватовна

кандидат экономических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
кафедра финансов,
г. Донецк, Украина.
E-mail: akirizleeva@mail.ru

Чирах Елена Викторовна

аспирант кафедры финансов
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
г. Донецк, Украина.
E-mail: ellas818.don@mail.ru

Аннотация: Целью статьи является исследование современной концепции формирования эффективного банковского надзора, который должен отвечать современным условиям развития общества и технологий. В статье представлены основные направления совершенствования концепции формирования эффективного банковского надзора в условиях цифровизации и глобализации экономики. Доказана необходимость развития механизма банковского надзора в развивающихся странах в соответствии с международными принципами в современных условиях развития общества и дигитализации. В целях урегулирования рискованной деятельности кредитных организаций авторами предложено качественное изменение составляющих системы эффективного банковского надзора.

Ключевые слова: банк; банковский надзор; цифровизация; глобализация; международные принципы.

JEL: G21, G23

MODERN MODELS OF INSTITUTIONAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY

FUNDAMENTALS OF EFFECTIVE BANKING SUPERVISION IN MODERN CONDITIONS OF DEVELOPMENT

Alisa S. Kirizleyeva,
Candidate of economic sciences, associate professor,
associate professor of the department of Finance Donetsk academy of management and public administration,
Donetsk

Chirakh Elena Viktorovna,
postgraduate student of the Department of Finance,
Donetsk academy of management and public administration,
Donetsk

Abstract: The aim of the article is to study the modern concept of the formation of effective banking supervision, which should meet modern conditions for the development of society and technology. The article presents the main directions of improving the concept of creating effective banking supervision in the context of the digitalization and globalization of the economy. The necessity of developing a banking supervision mechanism in developing countries in accordance with international principles in the current conditions of society development and digitalization is proved. In order to regulate the risky activities of credit organizations, the authors proposed a qualitative change in the components of an effective banking supervision system.

Keywords: Bank; banking supervision; digitalization; globalization; international principles.

По мнению авторов, уровень организации и функционирования банковских институтов предопределяет развитие экономики всей страны. Задача стабильного развития банковской системы и экономики в целом возлагается на банковский надзор центральных банков каждой страны мира.

Цифровая трансформация банковской системы предопределяет совершенствование концептуальных основ формирования эффективного банковского надзора. Поскольку насущная потребность решения задачи становления стабильной банковской системы в современных условиях цифровизации и глобализации экономики определяет необходимость построения, внедрения эффективного банковского надзора, который позволит функционировать на финансовом рынке исключительно надежным банковским институтам. Только такие банки могут работать на мировом финансовом рынке, что обеспечит экономическое развитие страны в целом.

В условиях мировой экономической интеграции финансовые рынки всех стран мира зависимы друг от друга. Поэтому финансовый экономический кризис 2007 – 2009 гг. спровоцировал потерю ликвидности и устойчивости многих банков и банковских систем в целом во многих странах. Неплатежеспособность банков послужила замораживанию счетов клиентов, отсрочкой платежей, потерей ликвидности предприятий, снижением уровня налоговых поступлений в бюджет и, соответственно, потерей благосостояния населения.

С позиции обеспечения надежности банковских институтов, повышения уровня стабильности банковской системы в декабре 2009 года Базельский Комитет по банковскому надзору при Банке международных расчетов создал консультативный материал «Повышение устойчивости банковского сектора», в котором отвел особую роль банковскому надзору регуляторам всех стран [1].

Задача формирования эффективного банковского надзора является не только задачей каждой отдельной страны мира, но и международной задачей всего мирового сообщества. Поскольку в условиях глобализации и внедрения новейших технологий банковские системы всех стран интегрированы и взаимозависимы друг от друга. При наступлении кризисных явлений, провоцирующих возникновение неплатежеспособных банков в одной стране, реакция дестабилизации банковской системы быстро распространяется и на другие страны. Поэтому важной задачей является формирование эффективного банковского надзора в каждой стране, в том числе и в непризнанных республиках, несмотря на то, что регулятор каждой страны имеет право самостоятельно устанавливать требования осуществления банковской деятельности.

Важность банковского надзора в обеспечении стабильности банковской системы обусловила потребность в теоретическом осмыслении его сущности, целей и принципов.

Батырева С.В. выделила ключевую задачу центрального банка страны – конституционную – обеспечение стабильной денежной единицы, а значит денежной системы [2].

Ю.А. Тихомиров выделяет публичный интерес любого государства, который является родовым, гарантирует защиту интересов во всех сферах жизни общества [3].

Рождественская Т.Э. представляет банковский надзор публично-правовой деятельностью, которую реализует центральный банк страны с целью поддержания стабильности и развития как банковской системы, так и всей финансовой системы, национальной денежной единицы, защиты прав вкладчиков и кредиторов. Авторы акцентируют свое внимание, что сущность его состоит не только в поддержании стабильной национальной валюты, но и стабильности банковской системы в целом с целью защиты всех стейкхолдеров: вкладчиков, кредиторов, инвесторов, регулятора, ответственных исполнителей и менеджеров самого банка, регулирующих государственных органов и государства в целом.

На современном этапе банковский надзор выделен в отдельную подсистему финансовой системы. Концептуальную модель механизма банковского надзора представим на рис. 1.

Рисунок 1 - Концептуальные основы формирования и развития механизма банковского надзора в современных условиях развития общества и технологий

Можно согласиться с выводом Х. И. Мюллера (в 1990-х гг. возглавлял Базельский комитет по банковскому надзору), что результаты развития рыночной экономики любой страны мира зависят от качества банковского надзора: цена неадекватного плохого надзора будет очень высока, хотя ее невозможно доказать количественно, поэтому следует направлять достаточные денежные ресурсы на становление эффективного надзора [4].

При этом реализация всех целей регулятора переплетается: поддержание стабильной национальной денежной единицы осуществляется инструментами денежно-кредитной политики путем воздействия на банки второго уровня, которые, в свою очередь, влияют на субъекты хозяйственной деятельности и население через проведение операций.

В соответствии с установленными требованиями законодательства, регулирующего деятельность регулятора, установлены основополагающие цели его деятельности. Согласно Федерального Закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» основными целями регулятора являются поддержание стабильности банковской системы и защита прав кредиторов и вкладчиков. Поэтому развитие банковской деятельности для улучшения экономики в целом зависит от формирования эффективного банковского надзора.

В соответствии с международными стандартами такая система банковского надзора должна формироваться и распространяться на все финансовые организации, поскольку оказание ими услуг всегда связано с рисками деятельности. В условиях развития холдинговых компаний и финансово-промышленных групп, других видов объединений, оказывающих совокупность услуг, в том числе и финансовых, порождает наличие системных рисков, имеющих значительное влияние на стабильность в целом финансовой системы. Распространение банковского надзора исключительно на банковские организации приведет к системным проблемам неплатежеспособности и кризисным явлениям.

Согласно документам Базельского комитета по банковскому надзору основной целью банковского надзора регулятора является предотвращение финансово-экономических кризисов.

Многими учеными и практиками доказывается мнение, что кризисы – это спровоцированное явление деструктивной работы банковской системы, к примеру, мировые кризисы - глобальная рецессия 2009 года, как следствие ипотечного кризиса в США 2007-2008 года, а также европейский

долговой кризис, который начался в 2010 году в Греции, затем в Ирландии; экономические кризисы на уровне одной страны мира – 2004 год и 2011 год в России.

Необходимость совершенствования механизма банковского надзора обусловлена значительным количеством ликвидированных банков в связи с потерей их надежности, как в Российской Федерации, так и в Украине, что доказывает важность определения недостатков и направлений его совершенствования.

Безусловно, выведение неплатежеспособных банков с рынка – естественный процесс, но при условиях незначительности и полноценной работы механизмов полной защиты средств, как физических лиц, так и юридических лиц – сбалансированного лимита рисков.

Раннее представление о банковском надзоре как функции, предусматривающей ежедневный контроль за наблюдением соответствия установленных нормативов и ежегодного выездного контроля за соблюдением законодательных норм, не является эффективным, поскольку не захватывает качественно меняющиеся условия и характеристики надежности банков.

Банк как механизм оборачиваемости всех денежных потоков страны, затрагивающий интересы практически всех участников экономических отношений, подверженный рискам банковской деятельностью, что в век дигитализации не уменьшается, а возрастает с появлением новых рисков, требует развитие риск-ориентированного надзора.

В современных условиях развития общества и технологий, интеграции всех стран актуальным и важным является развитие механизма банковского надзора в соответствии с международными принципами [5]. Отсюда проистекает, на наш взгляд, главный сегодня принцип банковского надзора любой страны мира - имплементация международных стандартов банковского надзора к национальным требованиям нормативно-правового обеспечения функционирования регулятора.

Этот принцип тесно переплетается с организационно-правовыми принципами, которые основаны на основополагающих принципах эффективного банковского надзора «Core Principles for Effective Banking Supervision», утвержденные в 1997 году, которые были сформулированы Базельским комитетом по банковскому надзору и рекомендованы к применению всеми странами [6]. В 1999 году Базельский комитет создал Методологию основополагающих принципах эффективного банковского надзора.

В 2006 году вышли измененные, обновленные Базельским комитетом принципы банковского надзора и методология, не опубликованные в развивающихся странах.

Базельский комитет по банковскому регулированию и надзору выделяет двадцать пять принципов, которые сгруппированы в семь групп.

Эффективность надзора изначально должна быть определена в законодательном закреплении всех двадцать пяти принципов, которые одновременно, а не постепенно должны быть внедрены банками для повышения стабильности банковской системы и соответствия международным стандартам банковской деятельности.

Семь групп основополагающих принципов надзора включают: установление и следование цели, независимость и полномочия органов надзора; требования по лицензированию и структуре; рекомендации по пруденциальному регулированию; инструменты банковского надзора; основные требования по финансовому учету и финансовой отчетности; полномочия и ответственность надзорных органов; основные принципы консолидированного и трансграничного банковского надзора.

Методология дополняет основополагающие принципы эффективного банковского надзора, определяя недостатки его проведения, что способствовало подрыву стабильности банковских систем в годы финансово-экономического кризиса; оценку соблюдения каждого в отдельности принципа; выработку стратегии развития эффективного механизма банковского надзора.

Оценка соблюдения каждого принципа основывается на степени соблюдения обязательных и

дополнительных критериев. Обязательные критерии могут быть представлены в виде стандарта для всех стран мира и включать эффективные элементы для его проведения. Основу оценки отражает степень соблюдения принципов по содержанию.

Методология прописывает 47 дополнительных критериев, которые должны качественно усиливать функции надзора. В Методологии не прописана их роль при определении оценки выполнения принципов банковского надзора.

По мнению авторов, для выполнения своих задач, регулятор должен быть независим, самостоятелен, что возможно путем разделения собственности центрального банка страны между государством и частным капиталом. Данный механизм способен обеспечить взаимный контроль для соблюдения интересов всех заинтересованных сторон и неперевышения служебных полномочий государственных органов.

Органы банковского надзора должны обеспечить контроль не только за количественными, но и качественными характеристиками надежности банков и возможности без потери финансовой устойчивости обеспечить деятельность в периоды кризиса. Они должны учитывать реальные показатели адекватности капитала, системы управления рисками, корпоративного управления, системы аудита, финансового учета и финансовой отчетности и другие.

На сегодняшний день международные принципы банковского надзора не закреплены в законодательных актах страны. Это не дает возможности банковским институтам развивающихся стран интегрироваться с мировым финансовым рынком и позволить усовершенствовать механизм банковского надзора регулятором на национальном и международном рынках.

Финансиализация экономики, выраженная в появлении большого количества кредитных организаций, холдинговых компаний, финансово-промышленных групп, расширение деятельности с использованием новых финансовых инструментов, новейших технологий, обусловила необходимость формирования специального института, регулирующего и контролирующего увеличивающиеся риски такой деятельности. Таким государственным институтом стал центральный банк страны, который соединил и функции регулирования, и надзора. Но теоретически неверно отождествлять эти две разные функции. В большей степени эта подмена понятий, одинаковое понимание разных категорий происходит из нормативно-правовых актов регулятора, в которых употребляются формулировки, не разделяющие эти понятия, например, «цели регулирования и надзора за деятельностью кредитных организаций».

Формирование механизма банковского надзора было обусловлено расширением банковской деятельности и связанным контролем за соблюдением установленных требований с целью защиты прав кредиторов, вкладчиков и государства в целом. Появление большого количества небанковских кредитных организаций обусловило необходимость формирования механизма надзора за страховыми компаниями, участниками рынка ценных бумаг, инвестиционными компаниями, институтами микрофинансирования.

Новый этап объединения капиталов банков и небанковских организаций с использованием новых инструментов и технологий обуславливает необходимость развития механизма надзора, выделяя банковский надзор как главенствующий по ряду причин:

- рынок банковских услуг значительнее рынка услуг небанковских организаций – банковский сектор занимает 80-90%;
- банк – универсальная кредитная организация, которая имеет возможность осуществлять все банковские операции в отличие от других финансовых посредников;
- законодательно только через банковские институты проходят все денежные потоки страны;
- объединение капиталов всех небанковских кредитных организаций происходит вокруг банковского капитала как доминирующего.

Определяющим на данном этапе развития общества является банковский надзор.

Исследования в области терминологии банковского надзора позволили установить отсутствие данного термина в законодательных актах развивающихся стран. В Федеральных Законах № 86 –ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» и в Федеральном Законе № 395-1-ФЗ «О банках и банковской деятельности» не дается понятия банковского надзора.

В научной литературе существует много определений банковского надзора. Так, например, Трохов М.Е. представляет часто встречаемое мнение, что банковский надзор – это непрерывное наблюдение за состоянием банковской системы в целях ее стабильного функционирования с учетом защиты прав кредиторов и вкладчиков [7]. Но это мнение отражает только одну, но однозначно, основную цель формирования банковского надзора: поддержание стабильности и доверия к банковской системе.

Никитина Т.В. обозначила сущность банковского надзора в своевременном выявлении негативных явлений состояния банков с целью предотвращения банкротства банка или смягчением его последствий для сохранения средств кредиторов и вкладчиков [8].

Муфтахетдинова Г.С. дополнила определение банковского надзора с использованием специфических процедур, технологий и инструментов в ходе реализации целевых ориентиров [9].

Бровкина Н.С. [10] банковский надзор представила процессом наблюдения регулятора за соблюдением поднадзорными объектами установленных правил и норм банковской деятельности.

Алиев Б.Х., Рабаданова Д.А., Багрова Е.С. недостаточно полно отразили сущность надзора в своем определении, представив его только как периодический контроль за финансовым состоянием кредитных организаций на основе мотивированного суждения [11].

Л.В. Вотинцева и С.Е. Кривошапова однозначно верно в определении банковского надзора указывают, что это система непрерывного и системного наблюдения за кредитными организациями, но при этом указывают только банковский бизнес, тем самым ограничивая контроль за небанковскими кредитными организациями [12].

Важно отметить, что поскольку контроль в теории менеджмента представляет собой функцию управления, определение С.Е. Дубовой и А.С. Кутузовой, что банковский контроль – это контроль деятельности внутри банка, а проведение надзорных функций регулятора не должны вмешиваться во внутриванковскую политику и нарушать их независимость [13].

Курманова Л.Р. представляет банковский надзор как систему управления рисками банковской деятельности [14]. На наш взгляд, организация системы риск-менеджмента – это задача кредитных организаций, а задача регулятора – это поддержание банковской стабильности путем постоянной и независимой оценки рисков банковской деятельности каждой отдельной кредитной организации и в совокупности в целом, их минимизация и урегулирование последствий.

В целях урегулирования рискованной деятельности кредитных организаций, от чего зависит и стабильность банковской системы, и развитие всей экономики страны, система банковского надзора предусматривает установление пруденциальных норм деятельности:

- принципы и правила ведения финансового учета и составления финансовой отчетности;
- установление граничных норм величины каждого вида риска;
- соблюдение нормативов банковской деятельности;
- установление норм и требований по созданию резервов под обесценивание активных операций и условных обязательств и другое.

По мнению авторов, в системе банковского надзора важное значение для повышения эффективности контроля имеют ассоциации и союзы – специальные институты, посредством которых регулятор имеет возможность тесно взаимодействовать с кредитными организациями. Недостаточно использование только систем внутреннего и внешнего аудита, поскольку банки самостоятельно определяют данные органы контроля, которые лишь частично владеют информацией и только одного или нескольких банков [15]. При этом органы банковского надзора должны в

равной степени осуществлять надзорную деятельность не только по отношению к деятельности банковских институтов, но и других кредитных организаций (кредитные союзы, пенсионные фонды, страховые компании, инвестиционные фонды, трастовые компании, ломбарды и другие новые институты для рынков развивающихся стран – холдинговые компании, финансово-промышленные группы). Глобализация системы кредитного рынка, в которой все институты тесно интегрированы – законодательно, либо, к примеру, через исполнение инсайдерских схем и использование других методов, поэтому у банковского надзора стоит более сложная цель – поддержание, обеспечение стабильности всей кредитной системы с учетом особенностей развития рынка и внедрения новейших технологий [16].

Таким образом, авторы предлагают следующее определение механизма банковского надзора. Механизм банковского надзора – это совокупность отношений регулятора, самостоятельно созданных союзов и ассоциаций по контролю по соблюдению требований банковскими и небанковскими кредитными институтами по соблюдению надежности и интересов всех стейкхолдеров при разных сценариях развития финансового рынка.

Сущность банковского надзора раскрывается в реализации его функций. Представим качественно обновленный перечень систематизированных функций Л.И. Вотинцевой и С.В. Кривошаповой [17]:

- превентивная функция раскрывается в установлении нормативов и требований по осуществлению банковской деятельности кредитных организаций;
- сигнализирующая функция позволяет своевременно предупреждать негативные тенденции деятельности кредитных организаций с помощью диагностического инструментария;
- контрольная функция отвечает за оценку деятельности кредитных организаций с соблюдением всех прав и интересов стейкхолдеров банка, выявляет причины отклонений и предотвращает негативные последствия;
- оперативная функция предусматривает меры поддержки кредитных организаций при возникновении неблагоприятных ситуаций;
- защитная функция должна не только служить обеспечением прав и интересов клиентов банка, но и всех стейкхолдеров банка – собственников, сотрудников, связанных с банком компаний и организаций, различных институтов. Особо эту функцию необходимо развивать в период проведения регулятором многочисленного вывода банков с рынка без учета интересов собственников при национализации банков, или полного прекращения их деятельности, с системными проблемами возникновения ряда неплатежеспособных предприятий и обнищания населения, вывода денежных потоков в оффшорные зоны.

В теории экономики России выделяют этапы осуществления банковского надзора: предварительный, предназначенный для допуска кредитных организаций на основании лицензии на осуществление банковской деятельности; текущий, предполагающий контроль за соблюдением установленных требований банковской деятельности, и последующий надзор как этап выявления проблемных кредитных организаций, лишения прав осуществления деятельности и банкротство кредитных организаций [18, 19].

Текущий надзор состоит из дистанционного и контактного надзора. Дистанционный контроль за соблюдением установленных требований и эффективности ведения банковской деятельности осуществляется ежедневно с помощью проверки финансовой отчетности банков. Текущий надзор заключается в установлении для банков специальных требований в виде обязательных экономических нормативов и других, которые посредством составления и предоставления финансовой отчетности предоставляется регулятору для проверки, частично обнаружится для всех заинтересованных лиц.

Контактный надзор осуществляется с помощью проведения ежегодных инспекционных проверок для банков и в установленные сроки для других небанковских кредитных организаций (например, для страховых компаний – не реже одного раза в три года, инвестиционных фондов, клиринговых

компаний – не реже одного раза в год), в период которых регулятор может установить соответствие данных представляемой финансовой отчетности реальным фактическим показателям деятельности, оценить систему корпоративного управления, риск-менеджмента, эффективности деятельности и надежности каждого банка. Требуется обязательное установление законодательно периодичности установления инспекционных проверок для ломбардов, кредитных союзов, микрофинансовых организаций.

На наш взгляд, хотелось бы отметить, что третий этап осуществления банковского надзора требует существенной корректировки как в теории, так и на практике. Цель осуществления банковского надзора требует от регулятора прежде всего поддержания стабильности банковской системы страны, поэтому третий этап последующего надзора должен состоять из выявления проблемных кредитных организаций, заключения на основе представленной системной оценки регулятора причин и возможных последствий. Авторы считают, что необходимо выделить четвертый этап банковского надзора: представления на основании обоснованной системной оценки регулятора обоснования применения возможных процедур: оздоровления; национализации; слияний или поглощений; вывода с рынка – банкротства. Процедура вывода банка с рынка должна быть аргументирована регулятором и доказана эффективность принятия такого решения для соблюдения интересов всех стейкхолдеров банка. Авторы считают, что банкротство банка как организации, в которой находится сосредоточение значительных денежных потоков страны, может быть причиной потрясения банковской системы. Поэтому, следуя международным принципам банковского надзора и его цели, такое решение должно приниматься в исключительных случаях после применения всех предшествующих описанных процедур восстановления финансовой устойчивости кредитной организации. Целесообразно назвать такой этап регулирующим этапом банковского надзора.

Подводя итог, можно предложить формирование и развитие эффективного механизма банковского надзора:

в направлении совершенствования институционального обеспечения: установления тесной взаимосвязи между органами надзора и саморегулирующимися организациями в виде банковских, кредитных ассоциаций; использования новых инструментов, имплементации международных принципов банковского надзора в регулируемую национальную законодательную и нормативно-правовую базу;

по функциональной направленности – выделение роли в контактном надзоре профессиональных международных аудиторских компаний, становление независимого предупреждающего внутреннего аудита банков; установление периодичности проведения инспекционных проверок всех видов кредитных организаций; по направлению качественного изменения содержания и времени проведения – выделение первоначального, текущего, последующего и введение регулирующего этапа банковского надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gurrea-Martínez, A., Remolina, N. The Dark Side of Implementing Basel Capital Requirements: Theory, Evidence, and Policy, *Journal of International Economic Law*, 2019. – 22. – 125–152.
2. Батырева С. В. Современные надзорные и контрольные функции центральных банков: монография. М., 2011. – С. 17.
3. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. – С. 60.
4. Мюллер Х. Й. О банковском надзоре в странах с рыночной ориентацией / Х.Й. Мюллер // *Деньги и кредит*, 1990. – № 3. – С. 55.
5. Loipersberger, F. The effect of supranational banking supervision on the financial sector: Event study evidence from Europe, *Journal of Banking & Finance*, Vol. 91, June 2018, pp. 34–48.
6. Симановский А. Ю. Базельские принципы эффективного банковского надзора и их реализация

в России / А.Ю. Симановский // Деньги и кредит, 2001. – 31 марта.

7. Трохов М.Е. Банковский надзор и контроль в стратегии развития банковского сектора : дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит / М., 2007. – 127 с. – С.34.

8. Никитина Т.В. Теория и методология банковского надзора в условиях финансовой глобализации : автореф. дис. ... доктора экон. наук: 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит / СПб., 2008. – 45 с. – С.29.

9. Муфтахетдинова Г.С. Модернизация банковского надзора как фактор стабильности банковской системы : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит / Саратов, 2012. – 213 с. – С.9.

10. Бровкина Н.С. Банковский надзор и перспективы его развития в России : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит / Саратов, 2008. – 200 с. – С. 8.

11. Алиев Б.Х. К вопросу о понятии банковского надзора / Б.Х. Алиев, Д.А. Рабаданова, Е.С. Багрова // Финансы и Кредит. – 2012. – №35(515). – С. 17–23. – С.19.

12. Вотинцева Л.И. Проблемы и стратегические решения в системе национального банковского надзора : монография / Л.И. Вотинцева, С.В. Кривошапова // – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 178 с., С.25.

13. Дубова С.Е. Развитие риск-ориентированных подходов в банковском регулировании и надзоре: монография. / С.Е. Дубова, А.С. Кутузова – М.: Издательство «Флинта», 2013. – 180 с. – С.26–29.

14. Курманова Л.Р. Проблемные вопросы развития банковского надзора за деятельностью кредитных организаций / Л.Р. Курманова // Экономические науки. – 2015. – №5 (126). – С. 93–96., С.93.

15. Masciandaro, D., Peia, O., Romelli, D. Banking supervision and external auditors: Theory and empirics, *Journal of Financial Stability*, 2020, Vol. 46, pp. 1–19.

16. Neanidis, K. C. Volatile capital flows and economic growth: The role of banking supervision, *Journal of Financial Stability*, 2019, Vol. 40, pp. 77–93.

17. Проблемы и стратегические решения в системе национального банковского надзора : монография / Л.И. Вотинцева, С.В. Кривошапова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 178 с., С.26–27.

18. Турбанов А.В. Концептуальные основы создания и функционирования мегарегулятора финансового рынка в России / А.В. Турбанов, О.М. Иванов, Ю.Н. Юденков, Н.Н. Евстратенко, О.И. Микитасова // [Электронный ресурс]. – М., РАНХиГС, 2014. – 106 с. – URL: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/paper/om16.pdf>, С.73–74.

19. De Chiara, A., Livio, L., Ponce, J. Flexible and mandatory banking supervision, *Journal of Financial Stability*, Vol. 34, February 2018, pp. 86–104.

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПАСПОРТИЗАЦИИ КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ С УЧЁТОМ ЕГО ВОЛАТИЛЬНОСТИ

Ясинский Дмитрий Юрьевич

аспирант кафедры «Менеджмент и отраслевая экономика»,
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»,
г. Новокузнецк, Российская Федерация.
E-mail: yasdmitur@yandex.ru

Аннотация: Актуальность содержания статьи определяется существующей необходимостью создания системы паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильности с целью идентификации компетентностных составляющих человека, используемых в целенаправленном механизме государственного регулирования, способствующего повышению эффективности функционирования рынка труда в федеральном масштабе. В предлагаемой статье автором разработана система паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильного характера, включением инвариантных (неизменяемых) частей трёх типов паспортных формирований – должности, качества рабочей силы и профессии, функционирующих в условиях информационного пространства. В рассматриваемом процессе паспортизации, установлены основные связующие системные элементы – наборы компетенций человека в процессе труда. Выявлены, сформулированы и проиллюстрированы соответствующие связи системных элементов, математически формализован процесс их сопоставления и взаимодействия. Кроме того, рассмотрена авторская методика расчёта значения волатильности сравниваемых наборов компетенций в определённом промежутке времени, использование которой позволяет осуществлять автоматическую, либо когнитивную аналитическую и иную (корректирующую, оптимизационную, управленческую, в области принимаемых решений и т.д.) деятельность в исследуемом направлении. Делается вывод о том, что необходимость разработки системы паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильности, включающей организационно-информационные механизмы выявления, обработки (преобразования), анализа, а также передачи идентификаторов качества рабочей силы в цифровом пространстве, ведёт к совершенствованию и прогрессирующему развитию информационной среды, способствующему повышению ценностного содержания и эффективности функционирования отечественного рынка труда.

Ключевые слова: информационное пространство; паспортизация качества рабочей силы; набор компетенций; волатильность качества рабочей силы.

JEL: J01

DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF CERTIFICATION OF QUALITY OF WORKING THE FORCE WITH ACCOUNT OF ITS VOLATILITY

Yasinskiy Dmitry Yuryevich,
postgraduate student of the department «Management and industrial Economics», «Siberian state industrial University»
Novokuznetsk, Russian Federation

Abstract: The relevance of the content of the article is determined by the existing need to create a system of certification of the quality of the workforce taking into account its volatility in order to identify the competence components of a person used in a targeted mechanism of state regulation, contributing to an increase in the efficiency of the labor market on a federal scale. In this article, the author developed a system of certification of the quality of the workforce, taking into account its volatile nature, including invariant (unchanged) parts of the three types of passport formations - positions, quality of the workforce and profession functioning in the information space. In the process of certification under consideration, the main connecting system elements are established - sets of human competencies in the labor process. Relevant connections of system elements are identified, formulated and illustrated, the process of their comparison and interaction is mathematically formalized. In addition, we consider the author's method of calculating the value of the volatility of the compared sets of competencies in a certain period of time, the use of which allows automatic or cognitive analytical and other (corrective, optimization, management, decision-making, etc.) activities in the studied direction. It is concluded that the need to develop a system for certifying the quality of the workforce, taking into account its volatility, including organizational and informational

mechanisms for identifying, processing (converting), analyzing, and transmitting identifiers of workforce quality in the digital space, leads to the improvement and progressive development of information environment conducive to increasing the value content and efficiency of the domestic labor market.

Keywords: information space; certification of the quality of the workforce; set of competencies; volatility of the quality of the workforce.

На сегодняшний день процесс паспортизации качества рабочей силы малоизучен и, как нам кажется, обделён вниманием российских и зарубежных учёных, работающих в различных областях науки. Проблема представляется достаточно многогранной и открытой для совершенствования изучения вопросов существования одной из важнейших социально-экономических категорий – рабочей силы на внутригосударственном уровне. По нашему мнению, в рассматриваемом процессе следует реализовать идентификацию компетентностных составляющих человека, используемых в целенаправленном механизме государственного регулирования, который способствует повышению эффективности функционирования рынка труда в федеральном масштабе.

Под качеством рабочей силы мы предлагаем понимать личностный набор компетенций индивида, определяющийся уровнем профессионально-квалификационной подготовленности к деятельности и состоянием, движущим его к осуществлению требуемых трудовых функций, необходимых для успешного выполнения своих профессиональных обязанностей [1, с. 158]. Компетенция – возможность индивида принимать установленные решения, а также стремление к определенному виду деятельности, из которых вытекает его способность к реализации знаний и умений для осуществления эффективных трудовых действий в конкретной профессиональной среде [2, с. 44].

В стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года говорится о том, что расширение глубины проникновения наноэлектроники в повседневную жизнь населения должно быть осуществлено за счёт внедрения нанотехнологий. Подразумевается, что наноэлектроника будет способна интегрироваться с биологическими объектами и, как следствие, поддерживать постоянный контроль в вопросах обеспечения их жизнедеятельности, улучшения качества жизненных показателей, что позволит привести к сокращению социальных государственных расходов. Предполагается обширное распространение встроенных наноэлектронных беспроводных устройств, которые будут обеспечивать непрерывный контакт индивида с интеллектуальной окружающей его средой [3]. На основании этого, можно предположить развитие такого явления, как социально-экономическая идентификация человека.

В практическом подходе реализация паспортизации качества рабочей силы требует создания информационной среды со специализированной инфраструктурой и соответствующими социально-организационными механизмами, в которых компетенция присутствует в формате идентификационной единицы личностных, профессиональных, квалификационных качественных характеристик индивида [4, с. 67].

Для того, чтобы сформировать систему паспортизации качества рабочей силы, необходимо выявить совместимые паспортные формирования (элементы), определить их объектные связи и области размещения в конкретной информационной среде.

На любом промышленном предприятии с целью формирования качества продукции к работнику как к трудовой единице устанавливаются необходимые требования, в том числе к их практической формализации, которая содержится в профессиональных стандартах и должностных инструкциях [5, с. 165]. Следовательно, в процессе паспортизации можно произвести качественную оценку рабочей силы через требования к набору компетенций (компетентностные требования), содержащихся в установленных регуляторах труда (должностных инструкциях, профстандартах и др.). Таким образом, компетентностные требования – это неотъемлемая составляющая формализованного

рабочего действия в контексте функционирования специализированного технологического и бизнес-процесса промышленного предприятия.

На наш взгляд справедливо обратить внимание на то, что компетентностные требования в основе своей содержат необходимый набор компетенций, применяемый для реализации соответствующего трудового процесса, то есть обладают набором установленных идентификаторов рабочей силы. Идентификатор – набор свойств, явление, символ, предмет и т.п., которые используются для отождествления объектов, подлежащих опознанию, а также для их классификации [6]. При условии рассмотрения какой-либо компетенции как элемента, составляющего единый компетентностный набор [7, с. 120], можно предположить, что каждому из этих элементов должен быть присвоен свой уникальный, либо типовой идентификатор. Опираясь на вышепредставленное определение идентификатора, весь набор компетенций также может обладать соответствующей единицей опознания, которая, как и идентификаторы её элементов, мы предлагаем поместить в установленное информационное пространство, интегрирующееся с помощью существующих социально-экономических механизмов в границах паспорта качества рабочей силы.

На основании вышесказанного, уточним то, что набор компетенций в какой-либо должностной инструкции определяется не просто в формате перечисления его составляющих, заключённого в рамки одного из документальных разделов, а имеет полноценную паспортную структуру, характеризующуюся идентифицируемостью её признаков, иначе – достаточным условием для констатации принадлежности определённого набора компетенций работника, содержащегося в его паспорте качества рабочей силы для конкретной должности. Для того, чтобы определить профессионально-деятельностную форму состояния (обособленности или включаемости) работника в производственном процессе, необходимо существование паспорта должности, как производной от типовой должностной инструкции, которая может быть использована на промышленном предприятии. Рассмотрим упомянутую структуру типовой должностной инструкции для паспортизации должности на промышленном предприятии [8-12].

Первый раздел посвящён описанию общих положений, под которыми, исходя из интерпретации содержания, подразумевается:

- отношение к должностной категории (исполнитель/руководитель);
- перечень требований, предъявляемых к образованию, специальности, стажу работы, знаниям (не к компетенциям – автор);
- акцентирование на необходимости соблюдения установленных норм и правил различного уровня (требования руководствоваться определёнными существующими (действующими) законодательными, организационно-распорядительными документами при осуществлении трудовой деятельности);
- фиксирование уровня подчинённости;
- определение условий при необходимости (либо по обстоятельствам) исключения должностной единицы из числа работников на установленное количество календарного времени (командировка, отпуск, болезнь и пр.) и перенаправление его функциональных обязанностей на резервного сотрудника.

В данном разделе приведена информация, которая в определённом составе может быть включена в паспорт должности, поскольку в содержании достаточно чётко формируются должностные идентификаторы (категория, уровень подчинённости), но обо всём по порядку.

Второй раздел рассматривает совокупность обязанностей работника, которые представляются неотъемлемым условием функционального существования индивида при соответствии рассматриваемой должности в определяемом трудовом процессе. Справедливо допустить то, что неопределённая совокупность или общность чего-либо имеет статус нестабильного состояния, в отличие от конкретного набора определённых параметров (элементов). В связи с этим, для нас очевидно то, что формируемая общность должностных обязанностей не подпадает под установление

компетентностной тождественности (идентификации) индивида предполагаемой (занимаемой) должности, а является лишь неким варьируемым перечислением функционального содержания работника. Поэтому, в паспорте должности данная информация должна присутствовать либо в уточнённом варианте должностного набора функций, включающего соответствующие единицы, либо не присутствовать вовсе, поскольку может привести к информационной избыточности паспортной структуры при наличии в нём представления о компетентностном наборе, что, забегая вперёд, должно быть необходимым условием.

Третий и четвёртый разделы относятся к описанию прав (как сугубо юридического содержания, так и возникающих при участии индивида в определённых организационно-трудовых процессах) и ответственности обладателя должности, а в некоторых случаях и работодателя. Данная информация имеет сугубо ограниченный, и, в большей степени, малоинформативный разъяснительный характер в организационном и правовом направлениях, так как всех условий при этом учесть невозможно. Поэтому мы допускаем то, что в паспорте должности подобную информацию следует фиксировать либо досконально, подробно, что противоречит целеполаганию формируемого документа, поскольку мы не подразумеваем предлагать паспорт организационно-функциональных разрешений, юридической составляющей или производственных обязательств человека в процессе труда, либо акцентировать внимание только на организационном направлении с учётом его привязки к содержанию компетентностного набора.

Пятый раздел (для руководящих должностей) устанавливает право подписи организационно-распорядительных документов по вопросам, входящим в функциональные обязанности работника, а также фиксирует основные, ссылаясь на внутренние нормативные документы организации, и особые (например, возможность использования служебного транспорта и т.п.) условия режима работы. На наш взгляд, данный раздел частично имеет отношение к составу паспорта должности ввиду того, что в содержании рассматриваемой информационной части прослеживается компетентностная связь функциональных обязанностей с требуемым набором компетенций сотрудника при предоставлении ему права подписи, но исключается при установлении основных и особых условий, поскольку данное направление сводится к реализации внутренних и внешних правоустанавливающих аспектов без какого-либо компетентностного отягощения.

Проанализировав типовую структуру должностной инструкции, мы предлагаем перейти к проектному описанию состава паспорта должности человека, задействованного в процессе труда, но прежде всего обратим внимание на немаловажную деталь. Ранее по тексту статьи мы зафиксировали принципиальную особенность должностной инструкции, которая заключается в отсутствии компетентностного содержания и связей. Поскольку с нашей стороны прослеживался ряд допущений по поводу возможности проецирования отдельных моментов содержания (в различной степени соответствия, обращая внимание на компетентностную интерпретацию) должностной инструкции в проектную версию паспорта должности, то, на наш взгляд, форму его существования целесообразно определять в обособленном состоянии.

Далее, мы предлагаем следующую инвариантную (неизменяемую) часть структуры паспорта должности, которая представляется нам в виде нижеприведённой таблицы 1.

Таблица 1 – Инвариантная часть структуры паспорта должности

Формулировка информационной части (раздела)	Содержание
Наименование должности	Формулировка должности согласно единому квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и служащих.

Общие характеристики	Должностная категория (исполнитель/руководитель).
	Уровень (направление) образования (например, высшее-техническое, среднее-экономическое и т.д.).
	Перечень специальностей, допускающих соответствие занимаемой должности.
	Минимальный стаж работы по требуемой специальности (количество полных лет).
Набор компетенций (с оценочным показателем)	Компетентностный набор, с перечислением его элементов (компетенций) и фиксированием значения минимально допустимого оценочного показателя (общего – для набора и детализированного – для каждой компетентностной единицы).
Структурное подразделение	Название структурного подразделения.
	Должность непосредственного руководителя.
	Должность замещающего сотрудника.
Должностные функции	Перечень должностных функций, исходящих из установленного набора компетенций.

На основании рассмотренной инвариантной части структуры паспорта должности, мы предлагаем сформулировать его понятие – это информационно-аналитический документ, существующий в рамках специальности, профессии, позволяющий осуществлять компетентностную и организационную идентификацию человека в процессе труда относительно установленной должности.

Поскольку предполагается то, что паспорт должности помещается в документационное пространство должности, то, следовательно, он становится одним из информационных источников, используемых при функционировании цифровых потоков, обеспечивающих соответствие плановым (стратегическим) компетентностным требованиям на производстве. В таком случае, для всесторонней и объективной оценки соответствия претендента на должность следует сопоставить компетентностную составляющую паспорта должности с аналогичным признаком, существующим на рынке труда при текущих требованиях производства, иначе следует говорить о необходимости формирования и внедрения в процесс спроса и предложения на способность человека к осуществлению своей трудовой деятельности паспорта качества рабочей силы.

Итак, возникает ряд вопросов: «Каким должен быть паспорт качества рабочей силы и каково его содержание?», «Где подразумевается его формирование и дальнейшее существование?», «В чём заключается основная особенность самого процесса паспортизации качества рабочей силы в современных социально-экономических условиях?».

Из анализа разнонаправленных научных, правовых, массово-информационных источников видно то, что на сегодняшний день в государственной проекции отсутствует какой-либо результат функционирования паспортной системы в отношении качества рабочей силы, но и, более того, нет чётко сформулированного понятия, которое бы раскрывало:

- во-первых, сущность процесса паспортизации качества этой социально-экономической категории;
- во-вторых, давало бы определение самому формализовано-практическому явлению – паспорту качества рабочей силы.

В связи с этим, предлагаем пойти по пути аналогии с реализацией существующей гражданской паспортной системы, а также всевозможных платёжных и контролирующих систем, учитывая

инновационную составляющую цифровых решений в рамках развития информационной среды.

По нашему мнению, паспорт качества рабочей силы может быть реализован как минимум в трёх основных вариантах:

- во-первых, в интегрированной форме с другими источниками цифрового содержания идентификаторов (различные официальные гражданские документы, пластиковые социальные карты, программные приложения к мобильным электронным устройствам и т.п.);

- во-вторых, в однозначном обособленном представлении, то есть в формате специализированных устройств, предназначенных исключительно для осуществления рассматриваемой нами задачи (например, в виде чипированных компактных физических модулей). Иными словами, это могут быть традиционные пластиковые карты и т.п. с набором идентификаторов в цифровом исполнении для процесса паспортизации качества рабочей силы;

- в-третьих, в биологическо-цифровом исполнении. Здесь включаются высокие технологии (high-tech) будущего, обусловленные развитием информационной среды. Подтверждения тому мы можем найти в сообщениях российских средств массовой информации в связи с реализацией государственной программы «Цифровая экономика» [13-15], которая на сегодняшний день оформилась в междисциплинарную исследовательскую категорию [16, с. 68; 17, с. 250; 18, с. 67].

Основываясь на представленных сведениях, мы предлагаем кратко остановиться на одном из моделируемых концептуальных авторских проектных решений для реализации системы паспортизации качества рабочей силы.

С целью представления персонального паспорта качества рабочей силы индивид осуществляет действия для последующего сканирования (определения контрольных точек) сетчатки радужной оболочки глаза, либо отпечатка пальца (изображение папиллярных узоров), или биологической жидкости (слюны, крови), то есть предоставляет свой идентификационный источник для дальнейшего информационного анализа специализированному биометрическому считывателю, являющемуся приёмником данных. Затем, организованный цифровой поток передаёт их в соответствующую информационную базу данных. Далее, при помощи необходимых программных средств, происходит процесс идентификации биометрических параметров человека и, как следствие, устанавливается соответствие личности с имеющимся набором идентификаторов индивида, в том числе, с предварительно помещённым в базу данных составом индивидуального компетентностного набора. В завершение реализуется представление (вывод) существующей информации в требуемую зону отображения с возможной ретрансляцией в иные цифровые автоматизированные системы.

По нашему мнению, на сегодняшний день одними из самых предпочтительных вариантов процесса паспортизации качества рабочей силы остаются первый (интегрированный) и второй (обособленный) в связи, как нам представляется, с готовностью отечественной сферы информационных технологий дать полноценный отклик на претворение в жизнь рассмотренных конструктивов.

Очевидно из предлагаемого исследования то, что паспорт качества рабочей силы кроме персонифицируемых идентификаторов (фамилия, имя, отчество, дата рождения и т.п.) должен в себе содержать идентификационные компетентностные единицы в рамках имеющегося набора компетенций. При этом формирование паспорта качества рабочей силы в современных социально-экономических условиях происходит в информационной среде на рынке труда, а дальнейшее существование его компетентностного набора подразумевается на выходе из рыночного состояния в формате паспорта профессии, содержание которого регламентируется на основании действующих в РФ профессиональных стандартов – характеристик квалификаций, необходимых работнику для осуществления определённого вида профессиональной деятельности [19]. В этом мы видим уникальную особенность самого процесса паспортизации качества рабочей силы, иначе говоря, – в выявлении паспортной трансформации. Заметим, что особенностью следует считать характерное отличительное от других свойство [20]. В связи с этим, предлагаем зафиксировать последовательность

установленного перехода компетентностного набора в рассмотренном перечне паспортов:

- первая стадия – сформированность набора компетенций человека в рамках «текущих требований производства», закрепляющихся в контексте данного времени, в пространстве рынка труда при условиях спроса и предложения на его компетентностные единицы;
- вторая стадия – переход через промежуточное состояние элементов набора компетенций, существующих в паспорте профессии;
- третья стадия – заключительный этап трансформации компетентностного набора в паспорт должности с учётом «плановых», «стратегических» требований, предъявляемых к нему при реализации определённого производственного процесса.

Основываясь на вышепредставленном исследовании, предлагаем определять паспорт качества рабочей силы как формализованный источник опознания человека в процессе труда, содержащий его личностные и компетентностные идентификаторы, а процесс паспортизации качества рабочей силы – как реализацию системы, направленную на высококачественное отождествление индивида с имеющимся у него набором компетенций.

Основные цели существования паспорта качества рабочей силы формулируются следующим образом:

- приведение к высокому уровню однозначности сопоставления требований, предъявляемых к работнику в должностной инструкции (принимая во внимание информацию, зафиксированную в паспорте должности), относительно основополагающих условий, установленных в профессиональном стандарте;
- сведение к минимуму неоднозначной трактовки одного и того же набора компетенций при согласовании спроса и предложения между участниками рынка труда;
- формирование инструмента деволатилизации качества рабочей силы (определение процесса деволатилизации рассмотрено ниже по тексту статьи);
- аккумулирование всей актуальной информации об имеющемся компетентностном наборе человека, задействованного в процессе труда для последующей цифровой обработки, анализа и представления необходимого результата.

Предлагаем выделить основные группы пользователей рассматриваемых паспортов:

- участники рынка труда в процессе согласования спроса и предложения на качество рабочей силы;
- работодатели, приобретающие рабочую силу с соответствующим набором компетенций для осуществления экономической или производственной деятельности;
- работники, предоставляющие (продающие) свой компетентностный набор на рынке, от качественного уровня которого напрямую зависит трудовая ценностная составляющая.

В таблице 2 предложена инвариантная часть структуры паспорта качества рабочей силы.

Таблица 2 – Инвариантная часть структуры паспорта качества рабочей силы

Формулировка информационной части (раздела)	Содержание
Основные личностные социальные идентификаторы индивида	Ф.И.О., пол, возраст, уровень (направление) образования, имеющаяся(щиеся) специальность(ти), трудовой стаж.
Компетентностный набор	$\Sigma K_{яЛ}$, $\Sigma K_{яП}$, $\Sigma K_{яК}$ – суммарный состав компетенций личностного, профессионального и квалификационного видового содержания соответственно [21, с. 166].

Оценочные показатели элементов набора компетенций	Весовые значения компетенций в составе соответствующего набора, рассчитанные на основе метода анализа иерархий (метода Саати).
Нормативное обеспечение	Перечень действующих на текущий момент государственных профессиональных стандартов в виде электронно-цифровой базы данных для сопоставления с требованиями, зафиксированными через паспорт профессии в должностных инструкциях [22].

Как уже было отмечено ранее по тексту статьи, паспорт профессии подразумевает, помимо прочего, содержание действующих профессиональных стандартов, которые в своём составе аккумулируют следующую информацию относительно рабочей силы:

- описание и характеристику трудовых функций;
- требования к образованию, опыту практической работы, к особым условиям допуска к работе и др.;
- перечисление определённых трудовых действий, умений, знаний, касающихся конкретного уровня квалификации [23].

Мы обращаем внимание на то, что речь в данном документе не идёт о наборе компетенций, рассматриваемого в контексте нашего исследования, и в итоге, с большой долей уверенности, заключаем о факте существования в современных государственных профстандартах результирующей концепции ЗУНовской модели образования. Таким образом, в паспорт профессии, помимо содержания действующих профессиональных стандартов, мы предлагаем включать соотнесённые с ними блоки наборов компетенций. Необходимость использования паспорта профессий основывается на том, что профессиональные стандарты, которые мы предлагаем размещать в его структуре, исходя из цифрового содержания периодически актуализирующихся данных в составе соответствующей информационной базы, являются согласованным видением государства процесса реализации трудовых функций в современных социально-экономических условиях. Мы допускаем то, что цикличность упомянутой актуализации находится в перманентном состоянии обновления определённых данных, поскольку частое изменение функциональных требований к труду может развить их информационное искажение при обращении на пространство рынка труда с одной стороны, или же на производственную сферу с другой. На наш взгляд, подобное явление нельзя допустить по причине того, что постоянно развивающаяся инновационная экономика требует усиленного внимания со стороны государственной власти в направлении стандартизации функционально-трудовых регуляторов. Одним из вариантов минимизации указанного риска может служить внедрение в систему рассматриваемой стандартизации компетентностного набора в качестве вспомогательного коррекционного блока, содержание которого, основываясь на действующих профессиональных стандартах, сможет актуализироваться в зависимости от рефлексии, исходящей от динамических условий развития рынка и производства. Инвариантную часть структуры паспорта профессии мы предлагаем оформить в таблице 3.

Таблица 3 – Инвариантная часть структуры паспорта профессии

Формулировка информационной части (раздела)	Содержание
Государственные профессиональные стандарты	Квалификационные характеристики, необходимые человеку в процессе труда для реализации соответствующей профессиональной деятельности.
Компетентностный набор	Компетенции, сформированные исходя из содержания профстандартов.

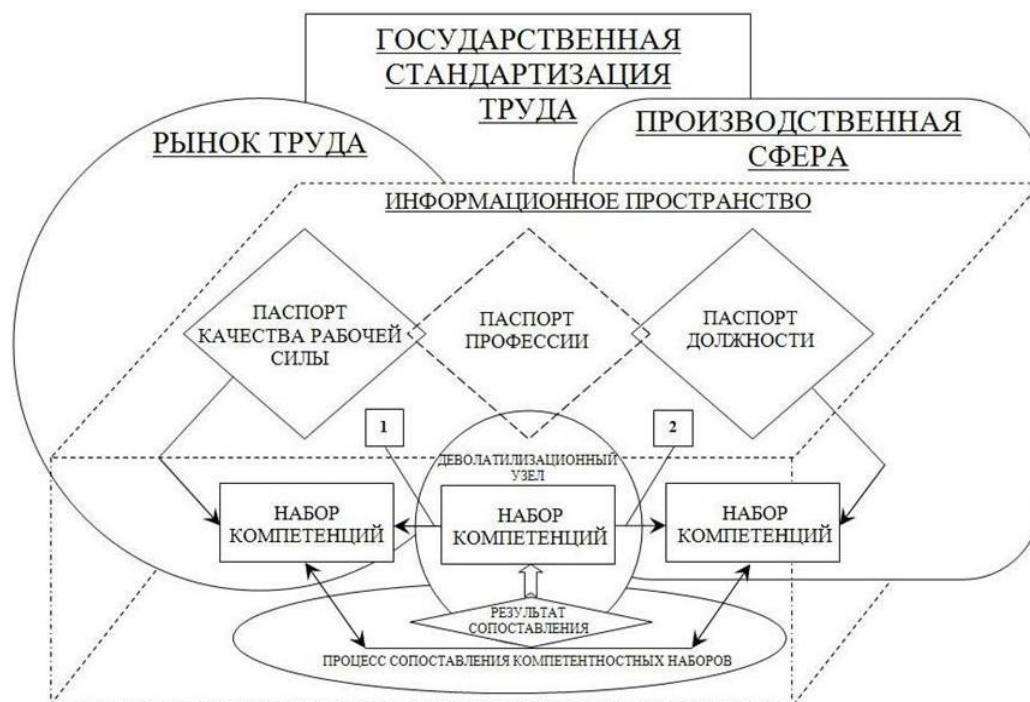
Оценочные показатели элементов набора компетенций	Требуемые весовые значения рассматриваемых компетенций в составе набора.
Трудовые функции	Действия трудового характера, обусловленные определёнными умениями, знаниями, относящиеся к конкретному уровню квалификации.

Ввиду того, что нам удалось выявить, как минимум, три однородных паспортных формирования при условии их размещения в различных областях, но, вместе с тем, объединённых одной информационной средой, следовательно, для представления оптимальной картины управления процессом волатильности качества рабочей силы, нам необходимо определить элементы их взаимодействия, при обоюдном сопоставлении которых стало бы возможным произвести определённое корректирующее воздействие (программными, персональными аналитическими средствами) в направлении осуществления деволатилизационных мероприятий в отношении ценностного содержания рабочей силы.

Волатильность качества рабочей силы в контексте компетентностного подхода – это динамическое изменение экстремумов значений набора компетенций индивида с учётом воздействия внешних и внутренних факторных проявлений, влияющих на структуру развития качества рабочей силы в определённый промежуток времени [24, с. 138-139]. Несанкционированное, либо хаотичное, беспорядочное изменение, влияющее на весовой показатель содержания набора компетенций человека в процессе труда, приводит к нарушению целостности находящихся в совокупности однородных элементов (компетенций), вызванной волатильностью. На этом основании, процесс сопоставления компетентностных составляющих в системе паспортизации качества рабочей силы становится проблематичным или затруднённым в связи с возникающим информационным искажением, идущим от входящих параметров окружающей среды, негативно воздействующего на объективность качественных показателей в содержании паспортных элементов в информационном пространстве. Инструменты деволатилизации качества рабочей силы (определённое методическое и программное обеспечение) утрачивают установленную степень адекватности, а рассматриваемые качественные показатели реагируют на соответствующее воздействие с отклонением от целевого показателя эффективности. Следовательно, должны быть запущены корректирующие воздействия, реализуемые в процессе деволатилизации. Под процессом деволатилизации качества рабочей силы предлагается понимать стремящуюся к усреднению, или стабилизирующемуся, сбалансированному, оптимальному значению единицу компетентностного набора индивида, существующего в информационном пространстве рынка труда, спрос на который определяется покупателем, исходя из предлагаемого оценочного уровня профессионального, квалификационного и личностного ценностного содержания его обладателя (продавца), готового к осуществлению персональной трудовой деятельности, направленной на успешное выполнение своих профессиональных обязанностей под влиянием собственного управляемого ресурса – процессного механизма [25, с. 268].

Продолжая наши суждения, обратим внимание на то, что сопоставить – это значит сравнить, соотнести друг с другом что-либо для получения какого-нибудь вывода [26]. Мы полагаем, что для большей эффективности, процедуру сопоставления целесообразно проводить между двумя пороговыми объектами (краевыми точками) относительно рассматриваемой модели, то есть, элементы паспорта качества рабочей силы (в рыночно-трудовом варианте) будут сравниваться в своём весовом показателе с аналогичной составной группой паспорта должности, определяя значение волатильности. Где же в таком случае предполагается функционирование процесса деволатилизации качества рабочей силы? По нашему мнению, для этого следует выделить некую область в информационном пространстве, в которой бы и осуществлялось корректирующее управляемое воздействие, способствующее

выравниванию весовых показателей компетентностных единиц, приводя их к стабилизирующемуся деволатилизационному характеру существования, основываясь на динамическом движении потока развития и реализации ценностной составляющей способности человека в осуществлении своей трудовой деятельности. На наш взгляд, ядром подобного узла деволатилизации может выступать паспорт качества рабочей силы (КРС), сформированный в требовательно-трудовом содержании. Для наглядности вышеизложенного представления проиллюстрируем систему паспортизации КРС на рисунке 1.

Где, 1,2 – корректирующие воздействия состава набора компетенций, направленные на обеспечение процесса деволатилизации качества рабочей силы.

Рисунок 1 – Система паспортизации качества рабочей силы [составлено автором]

Опираясь на содержание вышепредставленного рисунка, предлагаем конкретизировать связи элементов в содержании определённых компетентностных наборов на рисунке 2.

Пояснения к рисунку 2 мы предлагаем зафиксировать следующим образом.

1 – коммуникационные блоки:

- «блок сопоставления элементов» позволяет сравнить, соотнести друг с другом содержание набора компетенций и оценочные показатели его элементов паспортов качества рабочей силы и должности для получения результата о степени их волатильности с целью последующей рекурсивной трансляции корректирующего воздействия через паспорт профессии;

- «блок объединения элементов» существует на выходе параметров из условной оболочки паспорта для того, чтобы на этапе движения потоков до блока распределения было возможно использовать соответствующую скорректированную, обобщённую информацию;

- «блок распределения элементов» формируется с целью обеспечения наибольшей точности рассматриваемых параметров паспорта при перераспределении потоков данных, направленных на процесс сопоставления.

2 – связи элементов паспортов:

- внешние связи представленных паспортов осуществляют передачу данных между их элементами либо напрямую, без какой-либо обработки, либо через соответствующие коммуникационные блоки;

- внутренние связи паспорта качества рабочей силы за счёт личностных социальных

идентификаторов индивида персонифицируют набор компетенций и оценочные показатели его элементов;

- в свою очередь, внутренние связи паспорта должности, основываясь на общих характеристиках, способствуют формированию идентификатора в формате наименования и определения особенностей существования в рамках соответствующего структурного подразделения.

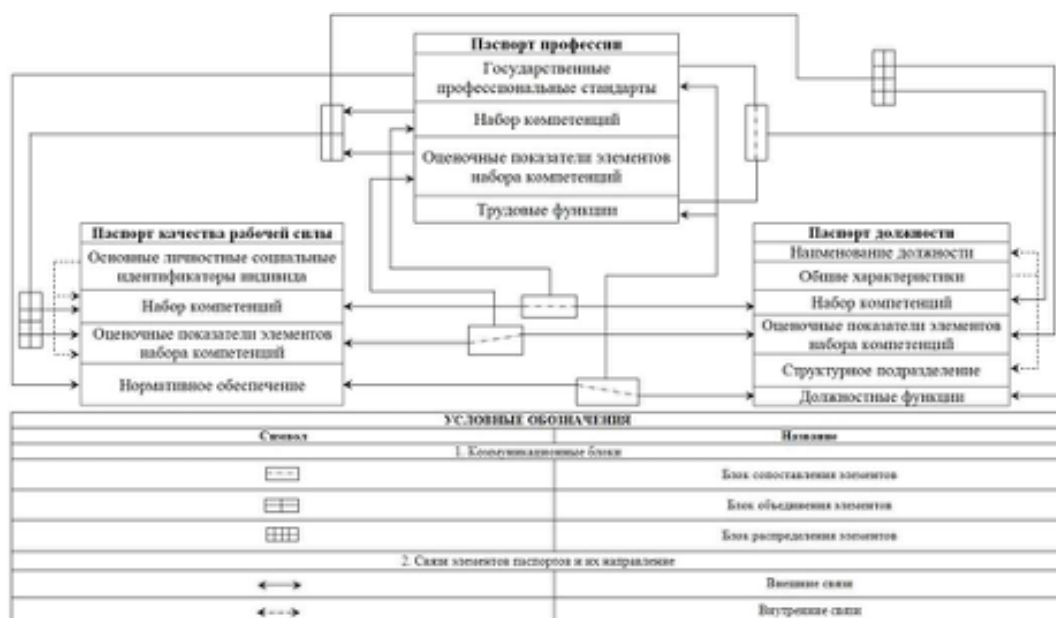

Рисунок 2 – Связи элементов в содержании компетентностных наборов в составе паспортов качества рабочей силы, профессии, должности [составлено автором]

Иные элементы рассматриваемых паспортов существуют в их составе как неотъемлемая часть.

Математическая интерпретация процесса сопоставления и взаимодействия компетентностных наборов рассмотренных паспортов представлена в виде соответствующих экономико-математических выражений (1-3).

$$F(t) = S_{KRS}(t) = NK_{PKRS}(t) \leq ; \geq NK_{PD}(t) , \tag{1}$$

$$NK_{PP} \rightarrow (NK_{PKRS}(t))KV = NK_{PKRS}(t) + V - S_{KRS}(t) , \tag{2}$$

$$NK_{PP} \rightarrow (NK_{PD}(t))KV = NK_{PD}(t) + V - S_{KRS}(t) \tag{3}$$

где, при реализации (1)-(3) подразумевается необходимость соблюдения соответствующей последовательности исследуемых действий процесса;

$F(t)$ – функция сопоставления наборов компетенций, находящаяся в зависимости от времени (поскольку протекание процесса носит динамический характер), определяющая значение $SKRS$, получаемое при сопоставлении компетентностных наборов;

NK_{PKRS} – набор компетенций, существующий в паспорте качества рабочей силы;

NK_{PD} – набор компетенций, существующий в паспорте должности;

t – значение времени в установленном (исследуемом) отрезке;

NK_{PP} – набор компетенций, существующий в паспорте профессии;

знак « \rightarrow » обозначает направление корректирующего воздействия состава набора компетенций;

$(NK_{PKRS})KV$ – значение NK_{PKRS} , полученное в результате корректирующего воздействия;

$(NK_{PD})KV$ – значение NK_{PD} в результате корректирующего воздействия;

выражение « $+ V -$ » подразумевает наличие вариативности (дизъюнкции) при осуществлении корректирующего воздействия элементов компетентностного набора.

Следует уточнить то, что t можно интерпретировать как маркер исследуемого отрезка времени (t_m), который будет равен отношению начальной к конечной точке фиксируемой временной последовательности ($vrpn / vrpk$), при этом, каждый маркер будет уникален. Формулы (4-6) представляют наши суждения относительно расчёта t_m .

$$t = t_m = vrpn / vrpk , \quad (4)$$

$$vrpn = Vn + Gn + Mn + Dn , \quad (5)$$

$$vrpk = Vk + Gk + Mk + Dk , \quad (6)$$

где, t_m – маркер исследуемого отрезка времени;

$vrpn$ – начальная точка фиксируемой временной последовательности;

$vrpk$ – конечная точка фиксируемой временной последовательности;

Vn, Gn, Mn, Dn – календарное значение века, года, месяца, дня относительно $vrpn$;

Vn, Gn, Mn, Dn – календарное значение века, года, месяца, дня относительно $vrpk$.

Например, необходимо зафиксировать t_m и рассчитать S_{KRS} . Предположительно, $NK_{PKRS} = 0,678$ единиц (ед.), а $NK_{PD} = 0,76$ ед. Разность сравниваемых значений по модулю составит $0,082$ ед. – это будет число волатильности $NK_{PKRS} - NK_{PD}$. Маркер исследуемого отрезка времени определяется как $t_m = (20 + 1998 + 11 + 3) / (21 + 2019 + 10 + 20) = 2032 / 2070 \approx 0,9816$. Таким образом, согласно (1), $S_{KRS} = 0,082 \times 0,9816 = 0,0804912$ ед. На основании проведённых расчётов, становится возможным зафиксировать значение волатильности сравниваемых наборов компетенций в определённом промежутке времени, что позволяет осуществлять дальнейшую автоматическую, либо когнитивную аналитическую и иную (корректирующую, оптимизационную, управленческую, в области принимаемых решений и т.д.) деятельность в исследуемом направлении. Предлагаемая разработка может быть использована, например, в автоматическом машинном обучении и других перспективных методах, входящих в перечень технологий искусственного интеллекта [27].

Мы считаем очевидным то, что низкая волатильность наступает при справедливости выражения $S_{KRS}(t) = NK_{PKRS}(t) \approx NK_{PD}(t)$, а высокая при $S_{KRS}(t) = NK_{PKRS}(t) \ll ; \gg N_{KPD}(t)$.

Исходя из вышесказанного, автор предлагает обозначить ряд рекомендаций в направлении разработки и совершенствования системы паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильности в контексте компетентностного подхода, опираясь на современные социально-экономические условия.

Во-первых, следует создать единую государственную централизованную информационную базу данных (далее – ЕГЦ ИБД) персонифицированных наборов компетенций человека в процессе труда. Этим будет обеспечиваться основа для функционирования, специализированного (компетентностного) сегмента информационной среды.

Во-вторых, необходимо реализовать дочерние информационные базы данных наборов компетенций на экономически значимых предприятиях Российской Федерации. С помощью современных программных средств установить неразрывную связь с вышеуказанной ЕГЦ ИБД для оперативной синхронизации определённой информации с целью её постоянной актуализации.

В-третьих, внедрить в общую структуру современной информационной среды сегмент электронной паспортизации качества рабочей силы с учётом реализации новейших технологических решений для создания необходимой инфраструктуры и аппаратно-программных комплексов, задействованных в функционировании этого сегмента. Тиражировать подобные решения в рамках конкретных промышленных объектов для обеспечения устойчивой эффективности реализации рассматриваемого процесса.

В-четвёртых, разработать информационно-программные связи баз данных наборов компетенций человека в процессе труда с базами данных систем контроля управления доступом (СКУД) относительно каждого промышленного предприятия, что будет способствовать качественному

развитию и наполнению информационной среды в целом.

В-пятых, реализовать единую (на государственном уровне) автоматизированную систему паспортизации качества рабочей силы, основанную на применении алгоритмов идентификации данных относительно существующего набора компетенций индивида при текущих требованиях производства (присутствующего в паспорте качества рабочей силы) и последующего анализа, а также сопоставления с компетентностными единицами относительно перспективных (стратегических) производственных требований, содержащихся в составе паспорта должности.

Необходимость разработки системы паспортизации качества рабочей силы с учётом его волатильности, включающей организационно-информационные механизмы выявления, обработки (преобразования), анализа, а также передачи идентификаторов качества рабочей силы в цифровом пространстве, ведёт к совершенствованию и прогрессирующему развитию информационной среды, способствующему повышению ценностного содержания и эффективности функционирования отечественного рынка труда. Компетентностный подход позволяет расширить границы известного смыслового содержания общепредставляемого процесса паспортизации индивида, обнаруживая в своём предназначении новые элементы практической значимости при рассмотрении особенностей существования компетенций человека в процессе труда, как установленных единиц информации для современных социально-экономических условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ясинский Д.Ю. Содержание понятия «качество рабочей силы» / Б.С. Бурыхин, Д.Ю. Ясинский // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 2. – С. 150–160. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Ясинский Д.Ю. Оценка волатильности качества рабочей силы [Текст] / О.А. Затепакин, Д.Ю. Ясинский // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2019. – Т. 8. – №2 (46). – С. 43-48.
3. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromenergo-rf-ot-07082007-n-311/> (дата обращения: 06.10.2019).
4. Ясинский Д.Ю. Паспортизация рабочей силы в информационной среде в контексте компетентностного подхода / Д.Ю. Ясинский // Экономика труда. – 2018. – Том 5. – № 1. – С. 61-76.
5. Ясинский Д. Ю. Идентификация качества рабочей силы в информационной экономике / Д. Ю. Ясинский // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 10-1. – С. 161-167.
6. Большой энциклопедический политехнический словарь [Электронный ресурс]. – 2004. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/polytechnic/3264/Идентификатор> (дата обращения: 10.09.2019).
7. Ясинский Д.Ю. Понятие рабочей силы: проблема отождествления и новый взгляд / О.А. Затепакин, Д.Ю. Ясинский // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 7. – С. 112-121.
8. Административно-управленческий портал «AUP.Ru». Должностная инструкция главного инженера (руководителя группы технического обеспечения) отдела информатизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aup.ru/docs/di/093.htm> (дата обращения: 29.09.2019).
9. Административно-управленческий портал «AUP.Ru». Должностная инструкция главного энергетика [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aup.ru/docs/di/068.htm> (дата обращения: 29.08.2018).
10. Административно-управленческий портал «AUP.Ru». Должностная инструкция бухгалтера [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aup.ru/docs/di/008.htm> (дата обращения: 29.09.2019).
11. HR-Portal: всѣдлякадровиковиHR-специалистов! Должностная инструкция делопроизводителя [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hr-portal.info/job-description/dolzhnostnaya-instruktsiya-deloproizvoditelya> (дата обращения: 29.09.2019).

12. Административно-управленческий портал «AUP.Ru». Должностная инструкция бригадира на участках основного производства [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aup.ru/docs/di/1241.htm> (дата обращения: 29.09.2019).
13. Интернет-сайт С. П. Курдюмова. Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 года. – 40 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 02.10.2019).
14. ТАСС. Информационное агентство России. «На реализацию программы «Цифровая экономика» из бюджета будет выделено 150 млрд рублей» [Электронный ресурс] // ИА России ТАСС от 19.12.2017. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4821743> (дата обращения: 04.10.2019).
15. Коммерсант.ru. Правительство оценило затраты на программу «Цифровая экономика» в 520 млрд рублей [Электронный ресурс] // Газета Коммерсантъ от 19.12.2017. – URL: <https://kommersant.ru/doc/3501278> (дата обращения: 04.10.2019).
16. Гордеев В.А. Цифровая экономика: взгляд из теоретической экономики / В.А. Гордеев // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2019. – Т. 39. – №1. – С. 67-73.
17. Гордеев В.А. Цифровая экономика с позиции теоретической экономики / В.А. Гордеев, С.В. Шкиотов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – №2. – С. 250-253.
18. Гордеев В.А. Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики / В.А. Гордеев, М.А. Майорова, С.В. Шкиотов, М.И. Маркин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 6. – С. 66–69. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
19. Митрофанова В.В. Профессиональные стандарты в вопросах и ответах [Электронный ресурс] / В.В. Митрофанова // Секретарь-референт. – 2015. – №4. – URL: http://www.profiz.ru/sr/4_2015/profsandarti/ (дата обращения: 05.10.2019).
20. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – 1935-1940. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/906578> (дата обращения: 05.10.2019).
21. Ясинский Д.Ю. Идентификация качества рабочей силы в информационной экономике / Д.Ю. Ясинский // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 10-1. – С. 161-167.
22. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. Профессиональные стандарты [Электронный ресурс]. – URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/> (дата обращения: 07.10.2019).
23. Справочник кодов общероссийских классификаторов «КЛАССИНФОРМ.РУ». Профессиональные стандарты. Профстандарты включённые в реестр Минтруда РФ на 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://classinform.ru/profstandarty.html> (дата обращения: 07.10.2019).
24. Ясинский Д.Ю. Понятие и факторы волатильности качества рабочей силы / О.А. Затепякин, Д.Ю. Ясинский // Теоретическая экономика. – 2018. – №4 (46). – С.135-143.
25. Ясинский Д.Ю. Показатели волатильности и деволатилизации качества рабочей силы / Д.Ю. Ясинский // Экономика и менеджмент систем управления. – 2018. – №4.2(30). – С. 260-268.
26. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 1949-1992. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/227978/СОПОСТАВЛЕНИЕ> (дата обращения: 09.10.2019).
27. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года «О развитии искусственного интеллекта в РФ». Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 12.10.2019).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАНСАКЦИЙ И ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Таненкова Екатерина Николаевна

старший преподаватель,
Сибирский федеральный университет, Институт экономики, управления и природопользования,
г. Красноярск, Российская Федерация.
E-mail: ktanenkova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам анализа экономических отношений. Изучение экономических отношений через призму теории прав собственности и теории транзакционных издержек обеспечивает анализ методологической основы, а также позволяет осуществлять целенаправленный выбор инструментов и критериев. Институциональная среда формирует правила игры, которые отражаются в том числе в системе контрактных отношений, на базе которых заключаются транзакции между экономическими агентами. Эффективность институтов и институциональных соглашений может быть выражена в масштабах транзакционных издержек, понятия и классификации которых рассматриваются в статье. Проблемы анализа транзакций и транзакционных издержек в современной как теоретической, так и прикладной науке, заключаются в отсутствии четких определений данных терминов, а также их классификаций.

Ключевые слова: права собственности; транзакции; транзакционные издержки; экономические отношения; институты; контракты.

JEL: D23;

THE DETERMINATION OF TRANSACTIONS AND TRANSACTION COSTS IN MODERN ECONOMIC THEORY

Tanenkova Ekaterina Nikolaevna,
Senior lecturer, Siberian federal university
Institute of economics, management and environmental study
Krasnoyarsk, Russia

Abstract: The article is focused on the problems of economic relations, which can be investigated from the perspective of the theories of property rights and transaction costs, to provide researches with methodological basis and appropriate instruments and criteria. Institutional environment is structuring economic behavior by giving individuals the rules of game. Contracts help to cooperate in transactions and reduce transaction costs. It is researched definitions and classifications of transaction costs. A lack of concerned definitions and classifications of transactions and transaction costs negatively affects theoretical and applied analyses.

Keywords: property rights; transactions; transaction costs; economic relations; institutions; contracts.

Введение

На сегодняшний день в современной научной литературе можно встретить большое количество публикаций, посвященных проблемам анализа различных типов отношений, начиная с общественных, социальных и заканчивая экономическими. Отношения между экономическими факторами многогранны с одной стороны, с другой стороны – они имеют собственную системность, организацию, последовательность и структуру. В этой связи возможности анализа экономических отношений, под которыми мы понимаем экономические взаимодействия внутри различных сфер хозяйствования, представляют собой огромный интерес, поскольку связаны с определёнными методологическими проблемами.

С этой точки зрения, пожалуй, важнейшими сферами экономических отношений являются сферы

производства, распределения, перераспределения и обмена. Рассматривая проблему определения экономических отношений, можно отметить, существование «чистых» экономических отношений, то есть возможность «вычленения» экономического характера отношений между индивидами с целью анализа. Интересным здесь является то, что анализ соответствующей научной литературы не дает однозначного и четкого критерия, согласно которому можно было бы однозначно выделять экономический характер отношений среди всех прочих. Таким образом, исследуя современную экономическую литературу по данной тематике, можно заключить, что на экономические отношения ученые, как правило, смотрят через две призмы. Теоретические основы первой точки зрения на экономические отношения была заложена классической школой политической экономии А. Смита [1], а позднее развита в рамках марксистского течения. В основе данного подхода лежит исследование, раскрывающее возможности обменов между индивидами, а также простая мысль о том, что операции по обмену должны быть связаны с некой величиной, относительно которой данные обмены являются эквивалентными (в таком случае обмен будет реализован) или не эквивалентными (сделка будет признана невыгодной для одной из сторон и обмен не состоится). Эквивалентность обмена реализуется через понятие «меновая стоимость», которая выражается в количестве труда, затраченного на производство данного продукта. Как отмечают Буевич А. и Терская Г., начиная с середины XIX века рост товарного и трудового рынков способствовали росту рынка капитала, поскольку «именно рыночные механизмы сбалансировали значения показателей факторов производства и обращения» [2, С.25]. В связи с этим появляются новые течения экономической мысли, в частности К. Маркс [3] развивает идеи трудовой теории стоимости классиков и формализует обмен посредством формулы «Т-Д-Т», которая формирует понимание экономических отношений, как кругооборота обменов денег на товары и товаров на деньги.

Второй точкой зрения можно признать подход, развивавшийся в рамках теории прав собственности институциональной экономической теории. Согласно данному подходу, обмен товарами на деньги не может считаться полноценным экономическим обменом до тех пор, пока в расщепленном пучке прав собственности не произошли изменения. Такими изменениями признаются отчуждение, присвоение и обмен правами собственности. Именно через призму теории прав собственности современная экономическая наука предлагает рассматривать экономические отношения и производить их оценку.

«Психология сделок»: трансакции, контракты и критерии эффективности

Итак, под экономическими отношениями мы будем понимать отношения между индивидами по поводу обмена, присвоения, отчуждения и защиты прав собственности в процессе обмена благами. Стоит заметить, что инструменты анализа институциональной теории многомерны, поскольку, как, например, утверждал Дж. Коммонс, в ней слились три подхода: экономический, правовой и этический [4]. Идеи Коммонса внесли большой вклад в развитие институциональной теории, и непосредственно в изучение экономических отношений, которые реализуются посредством заключения сделок и имеют трансакционный характер. Анализ трансакций — это, по сути, изучение «психологии сделок», в которых участие отдельных индивидов или их групп устанавливается посредством коллективных действий (институтов). Так, Коммонс приходит к интересному выводу о том, что институциональная экономика является наукой, изучающей поведение и принятие решений индивидами на основе коллективных действий, в связи с чем и образуется вышеупомянутый стык социальных, экономических и юридических наук.

Наименьшей единицей измерения в институциональной экономике являются действия, отношения между индивидами. То есть речь идет о трансакциях как базовых единицах институционального анализа, которые по своей сути не могут быть определены как обмен товарами. Трансакциями, согласно Дж. Коммонсу, признаются «отчуждение и присвоение между индивидами прав и свобод, создаваемых обществом, которые должны, следовательно, быть предметом переговоров

между вовлеченными сторонами до того, как труд сможет что – то создать, потребители – потребить, а товары – быть обменены физически» [4, С. 72].

Для эффективной реализации экономических отношений необходима соответствующая институциональная среда, внутри которой могут быть совершаться целенаправленные, повторяющиеся обмены.

Вклад в изучение контрактных отношений как механизма управления транзакциями внес О. Уильямсон. Согласно его подходу «внутренний мир» контракта подвержен некоторым характеристикам внешней среды – а именно, информационной асимметрии; и характеристиками поведения агентов, заключающих контракты. К типичным поведенческим предпосылкам агентов относятся ограниченная рациональность и оппортунистическое поведение [5, С. 71-74]. Например, различные виды неопределенности были раскрыты в работе Кука и его соавторов, которые выделяют [6, С. 66]: 1) неопределенность объемов, которая, как правило, может быть вызвана невозможностью предсказать объемы спроса в будущем; 2) технологическая неопределенность возникает в результате отсутствия знания о будущей траектории развития технологий или возникновении новых; 3) поведенческая неопределенность возникает вследствие неверной оценки событий менеджерами.

Кроме того, воздействие на природу заключаемого контракта оказывает степень специфичности активов, частота заключения транзакций. Наряду с вышеперечисленными характеристиками Милгром и Робертс выделяют трудность в измерении и оценке результатов, которая может присутствовать даже в случае прогнозируемой ситуации, а также взаимосвязь с другими транзакциями или независимость транзакций [7, С. 61-65]. Так, при высокой степени взаимосвязей транзакций друг с другом «сбой» в одной из сделок неизбежно повлечет за собой затруднения в осуществлении других взаимосвязанных транзакций и как следствие высокие издержки.

Институциональная экономическая теория в основу анализа экономических отношений закладывает следующие критерии, согласно которым отношения могут быть признаны эффективными или наоборот. Родоначальником этого анализа можно считать Р. Коуза [8], который предложил альтернативный подход к рассмотрению транзакционных процессов микроэкономического уровня. Согласно его подходу критерием, относительно которого экономические отношения реализуются в рамках рыночного механизма или трансформируются во внутрифирменные транзакции, является наличие или отсутствие высоких транзакционных издержек. Это означает, что существуют два альтернативных механизма заключения соглашений и механизмы принуждения к их исполнению, в случае, если издержки осуществления транзакций ниже в условиях внутрифирменного взаимодействия, индивиды предпочтут создание фирм рынку; в противном случае – рыночные транзакции преобладают над внутрифирменными.

Вопросы изучения транзакционных издержек поднимались в том числе в неоклассических исследованиях. Например, Аллен [9, Рр. 893-926] указывает, что неоклассическое определение транзакционных издержек имело достаточно узкий характер: транзакционными признавались издержки рыночного или межфирменного взаимодействия, а внутрифирменные издержки не рассматривались в качестве транзакционных. В макроэкономических исследованиях транзакционными издержками объяснялся один из видов спроса на деньги, в микроэкономических – экономические агенты заключают сделки напрямую – без посредников, следовательно, транзакционные издержки либо имеют постоянную величину, либо вовсе отсутствуют. Неоклассическое моделирование транзакционных издержек сводилось к тому, что этот тип издержек включался в функцию фирм или других агентов, как величина, пропорциональная количеству заключаемых транзакций, что в результате приводило к эквивалентности транзакционных и транспортных (логистических) расходов.

Дефиниции и интерпретации понятия «транзакционные издержки»

Экономическая теория прав собственности рассматривает транзакционные издержки как

ключевой параметр эффективности рыночных и вне рыночных взаимодействий. Однако, несмотря на это, определения транзакционных издержек в экономической литературе остаются весьма размытыми и неопределенными. Различные определения транзакционных издержек представлены в таблице 1.

В современной отечественной и зарубежной литературе встречается масса определений, разработанных для конкретных прикладных и теоретических целей анализа. В таблице 2 представлена схема анализа понятия «транзакционные издержки» относительно трех характеристик: содержательной определенности, абстрактности и пересечения с другими понятиями. Данная схема анализа определений, по сути, сводится к тому, чтобы сделать вывод относительно конкретности или неопределенности рассматриваемых нами понятий «транзакционные издержки». По результатам анализа можно заключить, что в большинстве своем определения носят «размытый», неопределенный характер в силу неоднородности и несогласованности понимания транзакционных издержек в научной среде. Это существенно сказывается на научных результатах и единообразии в определении такого вида издержек.

Как уже было отмечено, эффективная реализация транзакций между экономическими агентами возможна при условии, что транзакционные издержки имеют определенный уровень и структуру. Вопросы оценки и измерения уровня транзакционных издержек на сегодняшний день являются дискуссионными. Например, Шаститко А. [10], Балаева О., Яковлев А. и др. [11] выделяют два подхода к оценке транзакционных издержек: ординалистский и кардиналистский. Для ординалистского подхода характерно определение «направления изменений транзакционных издержек» [10, С. 71], это означает, что при применении данного подхода не предполагается измерения величины транзакционных издержек и сопоставления динамики издержек, исходя из полученных в результате измерений показателей. Ординалистский подход рассматривает динамику транзакционных издержек, основываясь на качественных (возможно, косвенных) показателях, оказывающих влияние на рост/снижение величины общих транзакционных издержек или их отдельных видов. В то время, как кардиналистский подход предполагает непосредственное измерение величины транзакционных издержек (или их отдельных видов). Однако, Шаститко отмечает, что на сегодняшний день преобладающим в применении является ординалистский подход, поскольку понятие транзакционных издержек носит весьма «размытый» характер. [10, С.71].

Определение структуры транзакционных издержек также является весьма важной теоретической проблемой, которая может быть частично решена путем определения возможных видов транзакционных издержек. Разработка классификации занимает важное место как в теоретическом, так и прикладном исследовании.

Классификации транзакционных издержек

Кроме вопросов, связанных с определением транзакционных издержек, существует также проблема их четкой и универсальной классификации. Однако большинство авторов сходятся во мнении, что отправной точкой анализа транзакций и соответствующих издержек должны быть контрактные отношения, а также стадии их реализации.

Контракт представляет собой институциональное соглашение, то есть институт микроуровня, который специфицирует внутрифирменные и межфирменные отношения экономических агентов. Как видно из рисунка 1, контракты занимают 3-ю ступень институциональной иерархии, в то время как на 4-й ступени реализуются механизмы управления контрактными отношениями, включающие стимулирование и мониторинг деятельности отдельных агентов. Контактный процесс имеет три стадии: стадия «до» (ex ante) заключения контракта, стадия заключения контракта (ex interim) и стадия «после» (ex post) заключения контракта.

Так, на основе разделения стадии контрактных отношений Д. Нортон и Дж. Уоллисом [13, С. 233] была предложена следующая классификация транзакционных издержек:

Рисунок 1 – Институциональная иерархия [12, Рр.595-613]

1. Издержки, которые возникают до обмена и включают в себя издержки на получение информации о ценах и альтернативах, качестве товара, надежности контрагентов;

2. Издержки, возникающие в процессе обменов – к ним относятся такие виды издержек, как затраты, связанные с ожиданиями в очередях, возможные затраты на получение различных документов и страховок, а также затраты на производство расчетов;

3. Издержки *ex post* – издержки после заключения контрактов, к которым относятся издержки защиты контрактных отношений, контроля за соблюдением контрактных обязательств и качества.

О. Уильямсон считает, что полезно подразделять контрактные отношения на две стадии: *ex ante* и *ex post*. В затраты *ex ante* контрактного процесса включают затраты на составление контракта, проведение переговоров между сторонами, а также гарантий реализации соглашения [14, С. 55]. Речь идет об издержках, которые несут стороны для составления наиболее полного контракта. «В противном случае договор может остаться неполным, и пробелы в нем будут заполняться сторонами по ходу возникновения непредвиденных обстоятельств» [14, С. 56]. Издержки *ex post* включают: издержки «плохой адаптации», которые возникают вследствие непредвиденных ситуаций нарушения сделок; расходы на судебные разбирательства (в случае нарушения контрактных обязательств); организационные и эксплуатационные расходы, связанные со структурами управления (под структурами управления здесь понимаются структуры, куда обращаются стороны с целью улаживания споров и конфликтов); затраты на реализацию точного выполнения контрактных обязательств [14, С.58].

Г. Хансман, рассматривая механизмы интеграции фирмы, права собственности (в частности право владения) и механизмы управления, выделяет следующие виды издержек (которые он определяет, как издержки владения фирмой) [15, Рр. 275-281]:

1. Издержки мониторинга, которые распадаются на издержки мониторинга владельцем компании менеджеров и издержки «провала» мониторинга менеджеров вследствие оппортунистического поведения со стороны агентов.

2. Издержки коллективного принятия решений. Здесь анализируются издержки принятия совместных решений (например, поставщиком и производителем или фирмой и работниками). Поскольку интересы участников принятия решений имеют различную природу (гетерогенны), издержки принятия коллективных решений могут быть достаточно высоки.

3. Издержки, связанные с принятием риска (*risk-bearing*). Это издержки осуществления контроля и издержки принятия на себя риска: компенсация или выплата остаточного дохода.

Вслед за Алчяном и Демсецом, рассматривая фирму как цепочку заключаемых контрактов, Дженсен и Меклин выделяют такой тип издержек, как агентские издержки (*agency costs*) [16, Рр.305-

360]. Агентские отношения, согласно авторам, могут быть определены как заключение контракта между принципалом (-ами) и агентом с целью предоставления неких услуг посредством делегирования каких – либо полномочий и возможностей по принятию решений агенту [16, Рр. 309]. Соответственно, агентские издержки авторы определяют, как сумму [15, Р. 310]: издержек мониторинга принципала, издержек обязательств агента и потерь остаточного дохода.

П. Милгром и Дж. Робертс выделяют два основных вида издержек: издержки координации и издержки мотивации. Первый вид издержек связан с проблемой координации. К примеру, издержки координации могут возникать на этапе *ex ante* контрактного процесса, когда продавцы предпринимают усилия для того, чтобы собрать необходимую информацию о покупателях, об их предпочтениях и проч. Кроме того, продавцы желают подать «сигнал» о своем товаре/ услуге, с целью снижения асимметрии информации на рынке. Покупателям также необходимо предпринимать определённые усилия для того, чтобы получить информацию о рынке, продавцах, ценах и т. д. Издержки мотивации распадаются на два вида. К первому из них относятся издержки, вызванные информационной асимметрией на рынке, которая проявляется в том, что экономические агенты недостаточно осведомлены о действиях друг друга и в результате не могут заключать взаимовыгодные контракты. Издержки, вызываемые «недостоверностью обязательств», относятся ко второй группе издержек мотивации — это «неспособность сторон гарантировать выполнение ими своих угроз или обещаний, от выполнения которых они впоследствии могут отказаться» [7, С.60].

В классификации Норта – Эггертсона выделяются шесть основных видов трансакционных издержек, которые также можно связать с различными стадиями контрактных отношений: издержки поиска информации; издержки ведения переговоров; издержки составления контракта; издержки мониторинга; издержки принуждения к исполнению контрактов; издержки защиты от третьих лиц [17, С. 29-30].

Приведенные выше классификации трансакционных издержек, так или иначе связаны с контрактным процессом и обеспечением механизмов эффективного управления контрактными отношениями. В то время, как например, К. Менар считает, что возникновение трансакционных издержек обусловлено самим фактом обмена, и предлагает разделять трансакционные издержки на 4 группы [18, С. 29]:

1. Издержки вычленения. Примером издержек вычленения служит работа, выполняемая совместными усилиями, когда сложно определить вклад/предельную производительность конкретного участника группы;

2. Информационные издержки. К ним относятся издержки по обучению использованию рыночного механизма — это издержки кодирования, стоимости передачи сигнала, издержки расшифровки. То есть информационные издержки — это те издержки, которые несут агенты в результате «зашумления» рыночной информации. Шумы «понижают степень точности сигналов – цен»;

3. Издержки масштаба. Издержки развития и поддержания институционального механизма с целью управления контрактными отношениями в масштабах обезличенных актов обмена.

4. Издержки поведения. Издержки, возникающие в результате эгоистического поведения агентов – это издержки «наведения порядка» на рынке.

Классификация Э. Фуруботна и Р. Рихтера [19, С. 58-63] более основана на разделении издержек относительно различных типов отношений. Так исследователи выделяют 1) внутрирыночные отношения и трансакционные издержки использования рыночного механизма соответственно. Для рыночного типа характерно также разделение в зависимости от типа контрактного процесса. Информационные издержки, издержки поиска, ведения переговоров и заключения контрактов проявляются в зависимости от конкретности и информационной асимметрии рынка. С другой стороны, на стадии *ex post* авторы также отмечают наличие издержек мониторинга и исполнения

контрактов. 2) Внутрифирменные отношения и управленческие транзакционные издержки — это возможность реализации права управления фирмой или затраты на управление договорами найма. 3) Политические отношения и транзакционные издержки (издержки, связанные с корректировкой и эксплуатацией институциональной среды государства). Например, издержки создания, поддержания и измерения формальной и неформальной политической организации системы – издержки, связанные с реализацией государством права на принуждение; издержки эксплуатации государственного устройства – «издержки измерения, мониторинга, создания механизмов принуждения к исполнению официальных инструкций» [19, С. 63].

В то же время авторы обращают внимание на то, что управленческие и политические транзакционные издержки могут рассматриваться (до определенной степени) в контексте отношений «принципал – агент». С точки зрения данной модели отношений принципал дает агенту право действовать от своего имени и в своих интересах. Однако в этом случае стоит учитывать степень «распространения оппортунизма» – ситуации, в которой агент не полностью следует интересам принципала, обладая в отличие от него наиболее полной информацией. В таком случае издержки принципала на мониторинг действий агента неизбежно растут. В итоге авторы приходят к выводу, что «транзакционные издержки, в сущности, — это издержки специализации и разделения труда» [19, С. 64].

Также важным аспектом в теории транзакционных издержек (относительно их величины) согласно Фуруботну и Рихтеру является поведение агентов, а именно взаимодействие. В обществах с высоким взаимодействием права собственности уважаются и соблюдаются со сравнительно низкими издержками, поскольку относительно механизма информанта существует «сравнительно единообразное представление о том, что такое справедливое разрешение конфликтов» [19, С. 65]. Как следствие, в таких обществах издержки мониторинга и защиты будут на порядок ниже, чем в «оппортунистических» обществах.

В отечественных исследованиях можно встретить различные комбинированные варианты приведенных выше классификаций. К примеру, Шаститко А. предлагает комбинированный вариант классификации транзакционных издержек, который имеет общие черты с классификациями Д. Норта и О. Уильямсона. [13, С. 233-262].

Попов Е. В. считает, что существуют транзакционные издержки производства и потребления информации, которые могут иметь экзогенный/эндогенный характер [20, С. 31-34]. Такая классификация может иметь место в прикладном анализе микроэкономических отношений.

Выводы

Современная экономическая наука находится на этапе пересмотра позиций относительно анализа экономических отношений. Учеными предлагаются различные подходы к тому, каким образом могут быть интерпретированы различные стороны хозяйственной жизни индивидов. Однако, пожалуй, наиболее универсальными можно считать методы институциональной экономической теории, а именно подходы, базирующиеся на теории прав собственности и транзакционных издержках.

Множество исследователей сегодня отмечают, что экономическая наука эволюционирует, становится более универсальной и междисциплинарной. Междисциплинарность исследований заключается в том, что «экономическая деятельность в новой теории не сводится только к механическому перемещению товарных и денежных потоков навстречу друг другу» [21, С.28], а предпринимаются попытки учитывать различные типы социальных взаимодействий, психологические и моральные факторы в контексте экономических отношений. Стремление к «включению» в экономическую науку других областей знания привело к тому, что «за последние 50-60 лет взошла большая и яркая звезда – новая институциональная экономическая теория» [22, С. 91]. И хотя вокруг данной исследовательской концепции возникает множество дискуссий, нельзя не отметить наметившийся прогресс в области

теоретического экономического анализа и его мультидисциплинарной составляющей.

Ключевыми пунктами анализа новой институциональной экономической теории становятся не просто обменные отношения – «деньги - товары», а изучение обменов, как пучка расщепляемых прав собственности и соответственно их отчуждение, присвоение и обмен индивидами. В таком случае контракты и институты играют первостепенную роль в обеспечении спецификации обмениваемых прав и эффективной реализации трансакций. Институциональные соглашения «оформляют» трансакции и позволяют индивидам осуществлять действия по кооперации и координации.

Трансакции имеют свои специфические характеристики, которые во многом определяются чертами человеческого поведения (оппортунизм) и чертами рынка (асимметрия). Интенсивность и качество реализуемых трансакций может быть охарактеризовано наличием трансакционных издержек. Проблема анализа и моделирования трансакционных издержек в определенной степени заключается в том, что существуют очевидные расхождения в точках зрения на определение и выделение различных видов этого типа издержек. Большинство определений не обладают конкретностью, в связи с чем их интерпретация может быть затруднена. Более того, немалое количество определений имеют достаточно широкий характер, что вынуждает исследователей «уточнять» и «сужать» понятия трансакционных издержек (такие «узкие» понятия используются, как правило, в исследованиях прикладного характера), что часто приводит к искажениям, двойственностям, несогласованности и утере логических и методологических оснований. Предлагая классификации трансакционных издержек, исследователи в большинстве своем отталкиваются от трех (или в усеченном варианте – двух) логически обоснованных стадий контрактного процесса. Это дает основания полагать, что в общем виде издержки трансакционного характера распадаются на две основных группы – «до» и «после» заключения контракта. Дальнейшие попытки классификации сводятся к анализу возможных индивидуальных и коллективных действий, предписываемых институтами, а также действий, направленных на снижение неопределенности среды и устранение оппортунизма. Следовательно, исследования данного явления имеют дальнейшие перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов/ А. Смит [пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева]. – М.: ЭКСМО.- 2007.- 960 с.
2. Бувевич А.П. Экономическая теория в контексте политической экономии: ретроспективный анализ / А.П. Бувевич, Г.А. Терская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 5. – С. 21–31. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Маркс К.Г. Капитал / К.Г. Маркс// М.: ООО «Издательство АСТ».- 2001.- Т. 1.-564 с.
4. Коммонс Д. Институциональная экономика / Д. Коммонс // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – №. 3. – С. 69-76.
5. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация: пер. с англ./ О. Уильямсон// СПб.: Лениздат; CEV Press. – 1996. – С. 690
6. Cook T.R., Combs J.G., Ketchen D.J., Aguinis H. Organizing around transaction costs: What have we learned and where do we go from here?// Academy of management perspectives. – 2013. – Vol. 27. – №1. – pp. 63-79
7. Милгром П. Экономика, организация и менеджмент: пер с англ./ П. Милгром, Дж. Робертс // Спб: Экономическая школа. – 1999. – Т 1.- 392 с.
8. Коуз Р. Природа фирмы: пер. с англ./Р. Коуз//Фирма, рынок и право: Сборник статей. – М: Новое издательство, 2007. – с. 36-58
9. Allen D. W. What Are Transaction Costs?//L. & Econ. – 1991. – Т. 1.

10. Шаститко А. Трансакционные издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) // Вопросы экономики. – 1997. – Т. 7. – С. 65-75.
11. Балаева О. Н. и др. Трансакционные издержки в сфере госзакупок РФ: оценка на макроуровне на основе микроданных // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 58-84.
12. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // The Journal of Economic Literature. – Vol. 38.- №3.- pp. 595-613
13. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория.- 3-е изд. перераб. и доп. – М: Экономический факультет МГУ. – ТЕИС. – 2002. – 188 с.
14. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция: пер. с англ./ О. Уильямсон// СПб.: Лениздат; CEV Press. – 1996. – С. 690
15. Hansmann H. The ownership of the firm // Journal of Law, Economics and Organization- 1988- v. 4 – № 2. – pp.267-304
16. Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the firm: managerial behavior, agency costs, and ownership structure // Journal of Financial Economics. – 1973. – V. 3.- # 5. – pp.305-360
17. Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты: пер. с англ./ Т. Эггертссон// М: Дело. – 2001. – 408 с.
18. Менар К. Экономика организаций // М.: Инфра-М. – 1996. – 159 с.
19. Фуруботн Э. Институты и экономическая теория / Р. Рихтер, Э. Г. Фуруботн.-СПб.: Изд. дом СПбГУ. – 2005. – 702 с.
20. Попов Е. В. Трансакционное измерение институтов / Е.В. Попов// ЭНСР. 2011.- №2 (53). – С. 25-40
21. Фельдблюм В.Ш. Междисциплинарная общеэкономическая теория и Карл Маркс / В.Ш. Фельдблюм // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 4. – С. 25–32. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
22. Шаститко А.Е. «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // Вопросы экономики. -2019. – №12. – С. 90-111

О КНИГЕ «КАРЛ МАРКС: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ) / ПОД РЕД. М.И. ВОЕЙКОВА. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 114 С.»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: Автор знакомит с содержанием и высказывает свое мнение о названной книге. В статье обращено внимание на проблемы марксизма и современности, основных его категорий и их новой интерпретации. Показано, как в рецензируемой книге рассматриваются вопросы теории воспроизводства и труда в марксистской схеме, первоначального накопления капитала в постсоветской России, совместимости концепции человеческого капитала с трудовой теорией стоимости. В статье определено, как в рецензируемой книге освещаются темы, связанные с марксизмом и пониманием истории, с экономикой и общественной средой, синтезом формационного и цивилизационного подходов, интеграцией обществоведческого знания. Показано, что особое внимание в рассматриваемой книге уделяется требованиям современного анализа развития политической экономии и марксизма. Автор утверждает, что выводы и положения рецензируемого издания представляют важное значение для разработки и развития теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Ключевые слова: проблемы марксизма и современности; теория воспроизводства и труда в марксистской схеме; первоначальное накопление капитала в постсоветской России; совместимость концепции человеческого капитала с трудовой теорией стоимости; марксизм и понимание истории; экономика и общественная среда; синтез формационного и цивилизационного подходов; интеграция обществоведческого знания; современный анализ развития политической экономии и марксизма; теоретическая экономия как новый парадигмальный мейнстрим в экономических исследованиях.

JEL: A13, A14

ABOUT THE BOOK «KARL MARX: CLASSICS AND MODERNITY (ON THE 200th ANNIVERSARY OF BIRTHDAY) / EDITED. M.I. VOEYKOVA. - M.: IE RAS, 2018. - 114 S.»

Valery A. Gordeev
Doctor of Economics, Professor
Professor of the Economics and Management Department, Editor-in-Chief of the network publication «Theoretical Economy» of Yaroslavl State Technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The author introduces the content and expresses his opinion about the named book. The article draws attention to the problems of Marxism and modernity, its main categories and their new interpretation. It is shown how the book under review addresses the issues of the theory of reproduction and labor in a Marxist scheme, the initial accumulation of capital in post-Soviet Russia, the compatibility of the concept of human capital with the labor theory of value. The article defines how the book under review covers topics related to Marxism and understanding of history, the economy and social environment, the synthesis of formational and civilizational approaches, and the integration of social science knowledge. It is shown that special attention in this book is paid to the requirements of a modern analysis of the development of political economy and Marxism. The author claims that the conclusions and provisions of the peer-reviewed publication are important for the development of theoretical economy as a new paradigm mainstream in economic research.

Keywords: problems of Marxism and modernity; theory of reproduction and labor in a Marxist scheme; initial accumulation of capital in post-Soviet Russia; compatibility of the concept of human capital with labor theories of value; Marxism and an understanding of history; economics and social environment; synthesis of formational and civilizational approaches; integration of social science knowledge; modern analysis of the development of political economy and Marxism; theoretical economy as a new paradigm mainstream in economic research.

Этот сборник [см.: 1], да ещё с дарственной надписью от его составителя, появился у меня благодаря приезду уже известного Вам, уважаемый читатель [см.: 2; 3; 4], Михаила Илларионовича Воейкова, заведующего сектором политической экономики Института экономики Российской Академии наук, в Ярославль. Михаил Илларионович выступил тогда с докладом на пленарном заседании проводившейся у нас, в ЯГТУ, международной научной конференции и смог побеседовать с нами о проблемах разработки и развития теоретической экономики как научного направления.

Рецензируемая книга состоит из пяти частей, включающих 24 произведения ведущих ученых-экономистов РФ. А предваряет их написанное составителем предисловие. Это издание, как явствует уже из его названия, было приурочено к 200-летию со дня рождения К. Маркса. М.И. Воейков резонно замечает в предисловии, что «... к марксизму можно относиться по-разному, ... каждый выбирает идеологическую концепцию, которая ему ближе Для ученых-экономистов это особенно важно, ибо без идеологии экономист превращается просто в счетную машинку» [1, с. 8]. Автор предисловия напоминает, что Институт экономики был официально воссоздан в системе Академии наук СССР в 1930 году, он воспроизводил и пропагандировал тогдашнюю официальную идеологию марксизма-ленинизма. В 1933 году был подготовлен «Сборник Института экономики к пятидесятилетию смерти К. Маркса» под редакцией тогдашнего директора Э.И. Квининга. Он был издан в центральном московском издательстве «Партиздат». А к 150-летию со дня рождения К. Маркса сотрудники ИЭ подготовили ряд работ, из которых, по мнению М.И. Воейкова [см.: 1, с. 8-9], стоило бы в первую очередь отметить фундаментальную книгу Л.А. Леонтьева ««Капитал» Маркса и современная эпоха», изданную в издательстве «Наука» в 1968 году.

В постсоветский период, когда марксизм перестал быть официальной идеологией, отмечает М.И. Воейков [см.: 1, с. 9], в ИЭ продолжались научные дискуссии, связанные с поиском новых подходов к творческому освоению классического наследия. Автор предисловия напоминает дискуссию вокруг статьи Е. Гайдара и В. Мау «Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология)», опубликованной в журнале «Вопросы экономики» (2004. №5,6; 2005. №1), а также о деятельности научного семинара «Экономическая теория марксизма и современность» в 2009-2013 годах под руководством члена-корреспондента РАН В.А. Медведева, вызвавшего большой интерес у научных работников и преподавателей московских вузов. В рецензируемом сборнике, отмечает его составитель [см.: 1, с. 9], использованы материалы участников того семинара. К сожалению, трое из них: Леонид Иванович Абалкин, Олег Тимофеевич Богомолов и Солтан Сафарбиевич Дзарасов – не дожили до издания рассматриваемого сборника, но высказанные ими идеи и выводы, согласимся с составителем [см.: 1, с. 9], весьма содержательны и интересны и сегодня.

Первая часть сборника [см.: 12-22], которая называется «Марксизм как современность?», включает три работы: статью Р.С. Гринберга «Марксизм – это научный протест против инфантильного либерального варварства» [см.: 1, с. 12-14], доклад В.А. Медведева «Закат марксизма или его обновление» [см.: 1, с. 15-19] и произведение М.И. Воейкова «Сегодня марксизм «не моден»?» [см.: 1, с. 20-22].

Руслан Семенович Гринберг, член-корреспондент РАН, директор ИЭ РАН, уже названием своей работы вводит читателя в эпицентр ожесточенной дискуссии. Он справедливо, считаю, отмечает: «Не было и нет других концепций общественного развития, которые могли бы сравниться с ним по своей степени влияния на ход истории» [1, с. 12]. Поражение советского социализма и его исчезновение с

политической арены, признает Р.С. Гринберг, тяжело отразились на авторитете марксистского учения. При этом некоторые активные приверженцы марксизма в одночасье превратились в его яростных критиков, другие, не считаясь с происходящими переменами, продолжают отстаивать каждую букву марксистского учения как в его изначальном, так и в позднесоветском варианте, тогда как третьи предпочитают отмалчиваться, держаться подальше от жгучих проблем современности [см.: 1, с. 12-13]. Поскольку теория марксизма практически исключена из российского образования, преподавание строится на основе западных «экономикс», то автор правомерно, считаю, ставит вопрос: «Но не выплескивается ли с мутной водой и живой ребенок?» [1, с. 13].

Р.С. Гринберг на опыте последнего времени показывает, что востребованность в марксизме сегодня не отпала. Весьма показателен, отмечает автор [см.: 1, с. 13], например, резко возросший интерес к марксистской литературе в западных странах, обусловленный недавним мировым финансово-экономическим кризисом. Примечательно, что завершает свою работу Руслан Семенович словами, с которыми нельзя не согласиться: «... Маркс, как экономист, велик и современен. И вообще, марксизм – это научный протест против либерального варварства» [1, с. 14].

Во второй работе первой части сборника Вадим Андреевич Медведев, кстати, родившийся в моей Ярославской области, тоже констатирует, что «... марксистское учение – одно из главных направлений общественно-политической мысли на протяжении полуторавековой истории, оказавшее огромное, можно сказать, беспрецедентное влияние на ход общественного развития» [1, с. 15]. Важнейшей особенностью марксизма автор называет многогранность и целостность, поскольку марксистский анализ охватил все сферы общественной жизни: экономику, политику, идеологию и культуру в их взаимосвязи, что позволило создать исчерпывающую концепцию функционирования и развития общества [см.: 1, с. 1-16]. Наиболее глубоко и полно в марксизме, считает В.А. Медведев, разработана экономическая теория. Правда, и здесь, как и в других аспектах, он признает необходимость переосмысления многих её положений. В ряде случаев можно соглашаться с автором, в иных же такое согласие не нахожу возможным. «Так, - утверждает В.А. Медведев, - в формулу капитала как накопленного неоплаченного труда наемных работников и средства усиления их эксплуатации, концентрации и централизации капитала не вмещаются современные процессы демократизации капитала, диверсификации собственности, расширения мелкого и среднего бизнеса» [1, с. 19]. На это хотелось бы заметить уважаемому Вадиму Андреевичу, что за последние три года в нашей с ним родной Ярославской области ликвидировалось шесть тысяч предприятий малого и среднего бизнеса, население находится в безысходной кабале у кредитных организаций, невооруженным глазом видна монополизация во всех отраслях, и это не специфически ярославская картина, а вполне типичное явление в стране небывалого имущественного расслоения людей. Да и не только российское это явление. Выходит, «демократия» осталась в декларациях М.С. Горбачева, в реальности же ей, по сути, не нашлось места. И ведь это всё по-прежнему по Марксу! Не получается ли, что в стремлении «переосмыслить» экономические положения Маркса мы допускаем недопустимое, идем на поводу новой «моды», уступая неоклассике, чуждой поиску объективных закономерностей социально-экономического бытия?

В.А. Медведев утверждает: «Марксистская трактовка товара, рабочей силы и наемного труда, растущей пролетаризации населения вступает в противоречие с изменением характера труда, превращением человека в носителя интеллектуального капитала» [1, с. 19]. Но ведь такое изменение характера труда предсказывал и К. Маркс на основе своего анализа, но применительно к другому общественному строю, когда не будет частной собственности на средства производства. А поскольку от такого состояния мы практически так же далеки, как и Маркс, а наша страна, родина роботов, превратилась в страну без роботов, то и утверждение Вадима Андреевича, приведенное в начале данного абзаца, представляется, по крайней мере, преждевременным.

Не могу согласиться и с таким положением В.А. Медведева: «Думается, что ограничение

объекта экономической науки производственными отношениями и исключение из него проблематики максимизации общественного продукта и благосостояния, эффективного использования ресурсов ослабило позиции марксизма в дискуссии с другими направлениями экономической мысли, в общем контексте развития экономической теории» [1, с. 19]. На это хотелось бы заметить, что наука о производственных отношениях, то есть классическая политэкономия в её высшем выражении, ищущая объективные социально-экономические закономерности, и неоклассическая теория о максимизации прибыли с помощью принципа функциональных взаимосвязей экономических величин – это настолько различные по своим методологическим основаниям направления науки, что их механическое суммирование невозможно, оно чревато эклектикой. Другое дело, что мы в русле теоретической экономии считаем необходимой жесткую иерархию внутри совокупности этих составляющих, где неоклассике отводится место в основном отражения внешней формы экономических явлений, а приоритет в исследовании эндотерической, сущностно-содержательной стороны категорий отдается как раз марксистской политэкономии, разумеется, в её развитии. Считаю, что близкую нам позицию активно отстаивает концепция неомарксистского синтеза В.Т. Рязанова [см., например: 5]. Преувеличение же значимости неоклассики, которое, по-моему, допускает В.А. Медведев, между прочим, вообще лишает экономическую науку своего статуса, превращая её в одну из подотраслей науки математической, а экономистов – в счетную машинку, по уже приводимому выражению М.И. Воейкова [см.: 1, с. 8].

Завершает первую часть рассматриваемого сборника работа М.И. Воейкова «Сегодня марксизм «не моден»?» [см.: 1, с. 20-22]. Кардинальным, по его мнению, является вопрос: сохраняет ли марксизм свою ценность как теория познания и инструмент преобразования современного мира, или он ушел в небытие вместе с неудачей планов построения социализма в нашей стране [см.: 1, с. 20]?

Обращаясь к устаревшим, по мнению М.И. Воейкова, положениям К. Маркса, автор рассматриваемой работы называет, например, такие, как тенденция средней нормы прибыли к понижению, автоматического краха капитализма, абсолютного обнищания пролетариата [см.: 1, с. 21]. Он пишет по этому поводу: «Совершенно очевидно, что ни автоматического краха капитализма, ни абсолютного обнищания сегодня в мире не наблюдается. Значит, эти положения марксизма при общем подходе не подтвердились на практике, оказались неправильными, если их воспринимать буквально» [1, с. 21]. Но хотелось бы заметить уважаемому Михаилу Илларионовичу, во-первых, что К. Маркс и не называл крах автоматическим, он считал его объективно закономерным, но реализуемым через активность субъективного фактора. А, во-вторых, констатируя, что сейчас среди двухсот стран мира уверенно лидирует по объему производства продукта, исчисляемого по паритету покупательной способности, и темпам экономического роста Китайская Народная Республика, я бы не торопился объявлять положение К. Маркса о крахе капитализма устаревшим.

Но М.И. Воейков справедливо, считаю, полагает, что если вести речь о самом главном в экономике – о теориях экономического процесса, экономического строя общества, то здесь марксизм проделал колоссальную работу и без него просто невозможно дать внятное описание этой темы [см.: 1, с. 22]. В экономической теории марксизма, правомерно, на мой взгляд, отмечает Михаил Илларионович, есть много положений, которые совершенно не устарели и которые помогают лучше понять современное капиталистическое общество: «Ведь не надо забывать, что марксизм объясняет механизм рыночной экономики и эволюцию капиталистического общества. Стало быть, куда Россия находится в лоне того и другого, марксизм продолжает оставаться для нас весьма актуальной научной теорией» [1, с. 22]. Это сейчас. А что завтра? И М.И. Воейков резонно задается вопросом: а нужна ли будет экономическая теория марксизма, если общество перейдет на посткапиталистическую стадию, станет «обществом знаний», где рыночный механизм утратит свою регулирующую функцию? Ведь нельзя же нам сохранять на вечные времена российский дикий капитализм [см.: 1, с. 22].

Как видим, первая часть рассматриваемого сборника обращена к остродискуссионной теме о

современной значимости марксизма.

Вторая часть под названием «Стоимость и прибавочная стоимость» [см.: 1, с. 24-63] включает восемь работ. Первая из них – доклад Л.И. Абалкина «Надо начать с вопроса о стоимости» [см.: 1, с. 24-27]. Прежде чем говорить о прибавочной стоимости, отмечал Леонид Иванович, надо начать с вопроса о стоимости. Он обращает внимание на то, что вся схема Маркса была построена на анализе совокупного общественного продукта. Она не включала туда сферу услуг. А в современном виде все исследование ведется на основе валового внутреннего продукта, в который включается, и вся эта нематериальная сфера. Докладчик напоминает [см.: 1, с. 24-25], что этот вопрос был поднят А. Шторхом в курсе политической экономии, написанным в 1815 году, за три года до рождения К. Маркса. Естественно, Маркс анализировал работы Шторха, в том числе его дискуссию с Сэйем по поводу производительного труда. Маркс их подробно комментирует, поскольку Шторх убедительно показал, какие недоразумения возникают при разделении труда на производительный и непроизводительный. Если работник стрижет овцу, то это материальное производство, а если он стрижет человека, то это нематериальное. Маркс это отмечает, показывая в «Капитале», что надо избежать этих крайностей. «Поэтому, - резюмирует Л.И. Абалкин, - когда мы выделяем валовой внутренний продукт и считаем сферу услуг источником создания стоимости, новой стоимости, то положение о месте прибавочного продукта существенно меняется» [1, с. 25].

Академик обращает внимание [см.: 1, с. 26] на работы Чайнова, посвященные теории семейного трудового хозяйства – там нет разделения дохода на заработную плату и прибыль, они слиты там в одну категорию.

Познание, напоминает Л.И. Абалкин [см.: там же], идет от конкретного к абстрактному, это первая ступень, с этого начинали и К. Маркс, и Ф. Энгельс, - с конкретных явлений. Только потом можно добраться до абстрактного, чтобы логику науки выстраивать от абстрактного к конкретному. Когда мы от конкретики отвлекаемся, подчеркивает Леонид Иванович, то должны найти последнюю, предельную точку абстракции. «И стоимость – это предельная категория, ниже которой или глубже которой абстракции в принципе не существует» [1, с. 26].

Затем Л.И. Абалкин акцентирует внимание на соотношении категорий цены и стоимости, отмечает, что в конце XIX, в XX и начале XXI веков шло углубление изучения цены, давалась математизация ценообразования. С одной стороны, это прогресс, а с другой, по отношению к теории стоимости – это шаг назад [см.: 1, с. 27]. Сама стоимость, как и категория стоимости, – это продукт рыночного хозяйства, утверждает академик. И с ним, я думаю, нельзя не согласиться.

Вторая работа в этой части сборника, автор которой В.А. Медведев, называется «Теория стоимости: трудовая, полезностная или их синтез» [см.: 1, с. 28-32]. Вадим Андреевич резонно, считаю, утверждает, что «... теория стоимости – это своеобразное ядро, гордиев узел экономической теории» [1, с. 28]. Касаясь проблемы понятийного аппарата, он обращает внимание, «... что немецкое Wert переводилось на русский язык в разное время и как «ценность», и как «стоимость». Может, мы к слову «стоимость» уже привыкли и не замечаем тонкостей, но, как мне кажется, оно более адекватно отражает понятие Wert, во всяком случае, то, которое вкладывает в него Маркс, как кристаллизацию труда вообще» [1, с. 28]. А понятие «ценность» он предлагает закрепить за полезностью, назвав её потребительной ценностью [см.: 1, с. 28-20]. Экономическую теорию, считает В.А. Медведев, нельзя сводить к анализу только производственных отношений, оставив в стороне проблематику максимизацию общественной полезности и эффективности использования ресурсов. Не отрицая этого положения автора в целом, считаю необходимым повторить об особенностях соединения указанных двух компонентов в русле теоретической экономии с учетом строгой иерархичности, отдавая приоритет первому в анализе эндотерической стороны исследуемых категорий, а второму, маржиналистскому, определить место в изучении формы проявления рассматриваемых сущностей.

Следующая работа в этой части сборника называется «О противоречиях марксовской теории

стоимости» [см.: 1, с. 33-36]. Её автор – Александр Дмитриевич Некипелов, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова. Он очень интересно рассказывает о своей собственной эволюции как ученого при освоении марксистской политэкономии и современной западной экономической теории, которые он даже пытался «скрестить» в 1994-96 гг. Он признает, что необходимо изучать и функциональные взаимосвязи, но отмечает, что для воспитанных в марксистской традиции не может не вызывать дискомфорта то, что учебники экономикс предлагают оперировать категориями, которые до этого не определены. «Например, начинается практически любой учебник после каких-то вводных разделов с главы о модели потребительского выбора. Вот есть потребитель, есть у него доход, есть цены, есть система предпочтений, вот каким образом он совершает свой оптимальный выбор. Но возникает вопрос: а откуда мы знаем, что такое цены, доходы. Откуда они взялись? То есть мы, конечно, из нашей жизни всё это знаем, с этим сталкиваемся. Но всё-таки как-то обидно, что такого рода понятия как бы возникли из воздуха. Или переходим к теории фирмы. Вот есть издержки, есть понятие альтернативных издержек, в том числе процента на капитал. Что такое процент на капитал? Откуда он взялся? Мы знаем, что он есть в жизни, тут сомнений никаких нет. Но в учебнике по экономикс это не отражено. А вот марксизм пытался это сделать» [1, с. 33-34].

В то же время А.Д. Некипелов, как и обязывает название его работы, обращает внимание на некоторые, по его мнению, пороки и противоречия в марксовом анализе. «Маркс при определении стоимости товара рабочая сила, терминологически избегая этого, в сущности, объясняет её через цены потребительских товаров. Он говорит, что речь идет о затратах труда на производство тех товаров, которые поступают в потребление. Но легко понять, что это завуалированное признание того, что в данном случае цены определяют то, что он называет стоимостью этого блага. Есть и другое, с моей точки зрения, противоречие такому монистическому подходу, который пронизывает марксистскую теорию, - это то, что он не сумел и не смог объяснить природу процента. Говоря о проценте, ему не оставалось ничего другого, как сказать, что его величина определяется спросом и предложением. И всё. А чем определяется спрос и предложение и т.д.?» [1, с. 35].

На эту пространную цитату инстинктивно хотелось бы воскликнуть, что и на Солнце бывают пятна. Но инстинктивно не позволяет восклицать Маркс: как диалектик, он не простил бы смотреть на его теорию как на Солнце, некий идеал, икону, - он сам смотрел на неё как на творческий процесс, полный противоречий. И замечания А.Д. Некипелова в связи с этим предстают, на мой взгляд, точками приложения сил для дальнейшего развития этой теории.

Далее в этой части сборника публикуется работа Олега Игоревича Ананьина, Заслуженного профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», под названием «В системе Маркса есть несколько теорий» [см.: 1, с. 37-41]. Исходя из различия уровня философского и уровня собственно научного знания [см.: 1, с. 37], он резонно, считаю, утверждает: «То, что привлекало и привлекает до сих пор в теории Маркса – это единство, монизм объяснения экономических явлений. Но эта часть марксова наследия относится к философско-онтологическому уровню знания, который не может и не должен оцениваться, и обсуждаться по меркам строго научных эмпирически проверяемых теорий. Критерии должны быть другие. Одновременно у Маркса есть концептуальные построения, которые вполне могут рассматриваться и обсуждаться как научные теории. Но нельзя сказать, что весь марксизм как экономическая или социальная доктрина – это единая теория» [1, с. 38].

Затем в этой части сборника помещена работа под названием «О социальной версии стоимости», которую написал М.И. Воейков [см.: 1, с. 42-47]. Он отмечает, что существует две линии или версии стоимости: социальная и механистическая: «С точки зрения механистической школы, надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо у него доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. В соответствии с социальной версией ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя

момент социальной полезности товара» [1, с. 45]. Автор показывает, что трудовая теория стоимости и теория предельной полезности не противоречат друг другу, а последовательно замещают друг друга.

«Теория трудовой стоимости, - пишет М.И. Воейков, - хороша для объяснения цены на товары массового производства, где значительную долю составляет физический или материальный труд. Вообще для чего нам нужна теория стоимости? Она необходима для объяснения цены. В «экономиксе» категории берутся как данные, наука же требует их объяснений. Экономическую теорию занимает вопрос – есть ли объективные основы у цены? И трудовая теория стоимости достаточно удовлетворяла природу цены.

Но если мы переходим к производству компьютеров (в данном случае я подразумеваю под ними железный ящик или мобильный телефон), там уже затраты материального труда, издержки материального производства не играют большой роли, потому что можно сделать более мощный компьютер с теми же самыми затратами труда. В определении цены здесь уже основную роль играет полезность» [1, с. 45]. Применительно к объяснению сегодняшних реалий я уже писал выше о соотношении классической политэкономии и маржинализма в русле теоретической экономии. А вот для будущего, нельзя не согласиться с М.И. Воейковым [см.: 1, с. 47], обе эти хорошие теории будут не нужны, они там ничего объяснить не смогут. Только не забудем, что контуры этого будущего, которое сейчас модно называть «обществом знаний», предсказал К. Маркс в «Капитале».

Следующая работа в этой части рассматриваемого сборника написана В.А. Медведевым и называется «Теория прибавочной стоимости и современность» [см.: 1, с. 48-51]. Автор справедливо отмечает: «По своей глубине, логической строгости, доказательности марксово учение о прибавочной стоимости и капитале, безусловно, превосходит все другие теории, в том числе трактовки прибыли как платы за воздержание, награды за риски, концепцию вменения. По существу, они просто игнорируют саму проблему источника прибавочной стоимости: ведь само по себе воздержание и риски ничего не создают, а формула вменения вообще носит мистический характер» [1, с. 48]. В то же время автор замечает, что марксова теория прибавочной стоимости обнаруживает и некоторые пробелы, неясности, недосказанности и противоречия. Это относится, по мнению В.А. Медведева, к общеизвестному выводу из теории прибавочной стоимости о полной противоположности интересов капитала и труда: «Конечно, капиталист заинтересован в усилении эксплуатации своих рабочих, т.е. увеличении массы и нормы прибавочной стоимости. Но в действительности его интерес не ограничивается отдачей только от переменного капитала, а состоит в приращении всего капитала, т.е. в повышении нормы прибыли. При этом вполне возможен и приемлем для капитала вариант повышения нормы прибыли при неизменной и даже понижающейся норме прибавочной стоимости. И, напротив, повышение нормы прибавочной стоимости само по себе не делает для капиталиста производство более выгодным, если оно сочетается со снижением нормы прибыли» [1, с.49]. Наверное, эти положения нуждаются в теоретическом осмыслении, но сегодняшняя картина в РФ с отнесением к среднему классу людей с месячными доходами в 17 тыс. рублей заставляет отличать правило от исключения из него и не торопиться с сомнениями по поводу марксовых положений.

Дальше в этой же части сборника помещена работа С.С. Дзарасова «Марксова концепция прибавочной стоимости сохраняет свою силу» [см.: 1, с. 52-55]. Автор обращает наше внимание [см.: 1, с. 52] на то, что Смит, Рикардо, Маркс, Милль и их современники рассматривали лишь ту модель капитализма, которая существовала в их времена в Англии и Северной Америке. При этом они полагали, что эти страны показывают остальным картину ожидающего их будущего. Но этот прогноз оправдался лишь частично. Народы Западной Европы действительно вступили на капиталистический путь развития, но одновременно с этим началась борьба за мировое господство, в которой менее развитые страны стали разменной монетой. «Развитые игроки на мировой арене не только не повели за собой неразвитых, встали на пути их прогресса, так как подчинили их своим интересам» [1, с. 52], - замечает С.С. Дзарасов.

Благодаря этому, справедливо отмечает автор [см.: 1, с. 52-53], развитые страны превратились в «государства всеобщего благосостояния» и смягчили угрожавшие им раньше социальные конфликты, которые потрясают теперь не столько центр мирового капитализма, сколько его периферию. С.С. Дзарасов показывает, что пример РФ «... является наиболее ярким показателем того, что марксистская характеристика капитализма остается в силе. Поскольку мы превращаемся в страну периферийного капитализма, то у нас система эксплуатации труда капиталом выступает в самом неприкрытом виде. Целью капиталистического хозяйства при всех условиях, конечно же, остается извлечение прибавочной стоимости и ничто другое. Происходит ли усиление эксплуатации работников предпринимателями и обострение противоречий между ними? Да, конечно. Этот вывод относится к периферийному капитализму не меньше, чем к раннему капитализму центра» [1, с. 53].

С позиции разработки и развития теоретической экономии считаю особенно важным отметить критику С.С. Дзарасовым апологетической функции неоклассической теории, прежде всего её трактовки капитала и прибыли. «Капиталом объявляется всё то, чем располагает человек. Отсюда теория «человеческого капитала», согласно которой все люди «капиталисты», поскольку каждый чем-нибудь обладает, хотя бы своей рабочей силой. Но в таком случае понятие капитала теряет свою определенность. Выходит, что индийский кули со своей тачкой для извоза людей такой же «капиталист», как тот, кто ворочает многомиллиардным состоянием. Исключительно хорошая теория для одних, но едва ли благоприятная для других» [1, с. 54].

Апологетическая сущность неоклассической теории, показывает автор [см.: 1, с. 54-55], отчетливо проявляется в её трактовке первоначального накопления капитала и объяснении источника прибыли. Как известно, по марксистской теории, первоначальное накопление капитала осуществляется методом насильственного захвата (экспроприации) чужой собственности. При этом она исходит из исторической реальности огораживания земель в Англии, захвата земель аборигенов колонизаторами, использования рабского труда в Америке. Новым подтверждением этой теории явилась недавняя насильственная приватизация народной собственности в бывших социалистических странах. «Закрывая глаза на всё это, неоклассическая теория утверждает, что своим возникновением капитал обязан таким добродетелям протестантской этики, как трудолюбие, бережливость и воздержание. Выходит, что наши олигархи обогатились не в одночасье, а кропотливо трудились во многих поколениях, отказывали себе в самом необходимом, до неузнаваемости исхудали и за счет бережливости скопили наконец состояния. Что касается захвата чужой собственности, то такую возможность неоклассическая теория вообще исключает из рассмотрения» [1, с. 54-55].

С.С. Дзарасов делает резонный, считаю, вывод: «... марксистская теория капитала и прибавочной стоимости заменяется на неоклассические догмы вовсе не по научным соображениям, а исходя из идеологических интересов российского правящего класса» [1, с. 55].

Завершает 2-ю часть рассматриваемого сборника работа под названием «Прибавочная стоимость как краеугольный камень марксистской теории» [см.: 1, с. 56-61]. Её автор – Никифоров Лев Васильевич, доктор экономических наук, руководитель Центра современной политической экономии ИЭ РАН. Он признает, «...что действительно непреходящей заслугой Маркса является открытие того организма, в рамках которого развивается общество» [1, с. 56]. В то же время автор обращает внимание на то, что «Маркс развивал свою теорию, исходя из товарных отношений, начинал с товара. Вся непротиворечивость теории Маркса, теории капитала построена на раскрытии возможностей и осуществлении эквивалентности отношений во всем, вплоть до отношений, связанных с рабочей силой. В реальности же объяснить развитие общества, общественную систему, исходя только из товарных отношений, нельзя. В любом обществе, в том числе и в том, которое исследовал Маркс, есть и другие отношения, влияющие на всю их систему, на него в целом. В частности, это и политические отношения, и само государство» [1, с. 57]. Таким образом, автор выступает против абсолютизации Марксом товарных отношений.

По поводу самой рабочей силы, её стоимости, прибавочной стоимости, эксплуатации Л.В. Никифоров начинает рассуждение так: «Эквивалентность не нарушается, стоимость рабочей силы и затраты на её воспроизводство сбалансированны. Упрощенно говоря, капиталист покупает рабочую силу по стоимости, рабочий производит товар, который выше этой стоимости. Этот товар продается и тоже по стоимости – и всё в порядке. У меня в этой связи давно уже возник вопрос, связанный с определением стоимости рабочей силы. Да, рабочая сила – товар. Во всяком случае, в те времена она была товаром. Но это товар особого рода, производящий другие товары, продукты. Почему рабочая сила – товар, и он покупается? Не потому, что произведены какие-то затраты и он чего-то стоит, а потому, что этот товар может производить нечто другое. И не вообще производить, а совершенно конкретные вещи. Никто не купит просто способность к труду. Ни один капиталист не будет столь наивным, чтобы покупать какую-то способность к какому-то труду. Он приобретет рабочую силу, готовую производить совершенно конкретные продукты, товары. И возникает вопрос, а почему надо определять стоимость рабочей силы как сумму средств, которая необходима на её воспроизводство. ... А по сути, стоимость рабочей силы как особого товара должна определяться не тем, что и сколько надо для того, чтобы она воспроизводилась, а тем, что она может дать. Она измеряется, как мне кажется, стоимостью продукта, который рабочий или рабочая сила может произвести. Если он этого не может, это вообще не товар» [1, с. 57-58].

При этом автор определяет определенные количественные пределы в определении стоимости товара «рабочая сила»: «С одной стороны, стоимость товара, который может произвести рабочий, и она определяет стоимость рабочей силы. С другой стороны, есть граница низшая – это необходимость воспроизводства рабочей силы. В этих пределах, думается, и колеблется стоимость рабочей силы» [1, с. 58].

Интересны, на мой взгляд, рассуждения автора по поводу прогноза динамики противостояния интересов капиталиста и рабочего, социализации капитала: «Думается, что чем дальше, тем больше будет тождественность интересов. Хотя они никогда полностью не совпадут. Они будут оставаться в значительной мере противоположными. Это вполне понятно. Но, с другой стороны, момент совпадения будет усиливаться. Суть капитала и противостояния его с трудом будет уже меняться. ... И тогда постепенно мы придем к другой системе отношений. Капитализм внутренне изменится. Это уже будет, по сути, система некапиталистических отношений» [1, с. 61]. Конечно, нельзя не согласиться со Львом Васильевичем в отражении им императива объективной социально-экономической закономерности, её направленности. Однако не может не вызвать сомнения благостность эволюционности перехода к новому типу социально-экономических отношений будущего. По этому поводу мне и моим коллегам по редколлегии уже приходилось высказываться на страницах своего журнала [см., например: 6; 7; 8], а также мне выступать и в других изданиях [см.: 9 и 10].

В завершение этой части краткого обзора работ из рассматриваемого сборника в качестве вывода следует отметить, что их положения представляют собой большую ценность в плане разработки теоретической экономики в приоритетном её аспекте эндотерического, сущностно-содержательного анализа исследуемых категорий в русле развития классической политической экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения) / Под ред. М.И. Воейкова. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 114 с.
2. Гордеев В.А. Поздравляем Михаила Илларионовича Воейкова с юбилейным днем рождения! / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 1. — С. 146-147. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Воейков М.И. Государство в эпоху цифровой экономики /М.И. Воейков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 1. — С. 47-50. [Электронный ресурс] - Журнал «Теоретическая экономика» №4, 2020

Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Воейков М.И., Либеральная концепция государства и современная экономика /М.И. Воейков, Д.Б. Джабборов // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 11. — С. 12-19. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

5. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.

6. Гордеев В.А. Рецензия на книгу Субетто А.И. «Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики)» / В.А. Гордеев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. — № 5. — С. 57-69. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Корняков В.И. Рецензия на книгу А.И. Субетто «Зов будущего: мир. Человечество и Россия на пути к ноосферной гармонии» / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 2. — С. 65-69. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Мелиховский В.М. Рецензия на книгу Бондаренко В.М. «Бескризисное развитие: миф или реальность» / В.М. Мелиховский // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. — № 2. — С. 84-89. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Гордеев В. «Бондаренко В.М. Бескризисное развитие: Миф или реальность?» / А. Коротаяев // Вопросы экономики. 2015. - № 6. – С. 158-159

10. Гордеев В.А. К развитию без кризисов, если это возможно ... О книге Бондаренко В.М. «Бескризисное развитие: Миф или реальность?» / В.А. Гордеев // Вестник Института экономики Российской Академии Наук. Научный журнал. – 2015. № 2. – С. 193-199.

К ПАМЯТИ МЭТРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ РЯЗАНОВА ВИКТОРА ТИМОФЕЕВИЧА

Как ни прискорбно, титаны достославной политической экономии советского и постсоветского эпох уходят в иной мир. Не прошло еще двух лет, как мы потеряли выдающего ученого-политэконома Октя Юсуфовича Мамедова. Вот теперь покинул нас другой самобытный представитель политико-экономической мысли доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета Рязанов Виктор Тимофеевич. И все мы хорошо помним, как год назад политико-экономическое сообщество стран СНГ поздравляло его в качестве подлинного мэтра политической экономии с семидесятилетним юбилеем. И одним из тех, кто написал тогда искреннее поздравление в адрес Виктора Тимофеевича был и я, близко знавший его около тридцати лет – с начала 90-х годов прошлого столетия, когда я проходил годичную стажировку в ЛГУ для завершения докторской диссертации, которую позже защитил на диссоте, председателем которого он был. И представить несложно, как трудно писать мне эти траурные строки по поводу его скоропостижной кончины.

Да, Виктор Тимофеевич прошел славный путь в научно-педагогическом поприще в пример многим его современникам, последующим и будущим поколениям людей, связавших и связывающих свою жизнь с научной и образовательной деятельностью. Этот путь – путь человека, благодаря своим уникальным качествам, а именно: благоприятному естественному биологическому коду – генетике и благоприятному культурному коду – меметике, сумевшему быть настоящим вундеркиндом в политической экономии и стать весьма состоявшимся человеком в Большой Науке и великолепным руководителем экономического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ) почти сорок лет!

Профессор Рязанов В.Т. для меня, думаю, и для других, кто близко знал и общался с ним, был и остается, прежде всего, человеком экономической науки, ее незыблемого фундамента – политической экономии. Вот передо мной собственноручно подаренные его научные монографии: «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. (СПб, «Наука», 1997) и «Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике (СПб, Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009). Обратите внимание: ключевое слово в обеих книгах «экономика (хозяйство) России», т.е. в них Виктор Тимофеевич как истинный представитель своей науки свой же интеллектуальный патриотизм блестяще выражает на самом высоком профессиональном уровне относительно современной и будущей России в качестве духовно-сыновнего патриота своей Великой Родины.

Вот еще: экономике России, но теперь с позиции инструментария институционализма посвящен весьма добротный учебник под редакцией профессора В.Т. Рязанова «Институциональный анализ и экономика России» (М.: Экономика, 2013). Это издание составляет начало искомого, многими передовыми исследователями, единства и междисциплинарной связи классического (политэкономического) и современного (отчасти институционального) подходов к анализу одного и того же объекта – национальной экономики России. И наконец, к сожалению, последний шедевр Виктора Тимофеевича – «Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза» (СПб, Алетейя, 2019), где он существенно продвигает плодотворные попытки своих коллег по цеху в деле разработки новых методологических инструментариев синтеза различных теоретических составляющих (направлений) единой экономической науки современности, а также форм социализации экономики как перспективного направления теоретико-экономических исследований в будущем.

Огромный вклад внес профессор Рязанов В.Т. как настоящий педагог и преподаватель высшей школы в дело подготовки высококвалифицированных специалистов, тесно работая со студенческой молодежью, руководя и консультируя аспирантов, докторантов и соискателей а также в качестве

председателя диссертационного совета и заведующего кафедрой в течение многих лет. А что же касается сферы межличностных отношений, Виктор Тимофеевич проявлял всегда самые высокие человеческие и деловые качества: уравновешенность, справедливость, гуманность, честность, порядочность, профессионализм, сопровождаемые с научной принципиальностью, а также открытость и готовность оказать необходимое содействие в благих делах. К примеру, в период учреждения нашего электронного научного журнала «Теоретическая экономика» он всячески оказывал всестороннее содействие к его благополучному созданию и дальнейшему нормальному функционированию.

Да, наш Виктор Тимофеевич всем своим ярким, неповторимым, многогранным личностным качествам, говоря языком великого поэта «Памятник себе воздвиг нерукотворный!» И Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет университета вполне заслуженно могут гордиться своим Рязановым Виктором Тимофеевичем – человеком, отдавшим всю свою сознательную жизнь, начиная со студенческих лет – почти 54 года! – своему любимому Альма-матер. А мы, его коллеги и друзья, также гордились и будем гордиться своим Виктором Тимофеевичем.

Экономическое научное сообщество, журнал «Теоретическая экономика» выражают глубокое соболезнование родным и близким, коллегам и друзьям, всем тем, кто так или иначе знал и общался с Виктором Тимофеевичем и разделяют общую боль утраты этого поистине человеческого человека. Светлая память о нем сохраниться в наших сердцах!

Алиев Урак Жолмурзаевич,

вице-президент образовательной корпорации «Туран», д.э.н. профессор,

академик Академии экономических наук Казахстана, академик Академии философии хозяйства